

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

Т.Р. Галимов

**КИЕВСКИЕ МИТРОПОЛИТЫ
МЕЖДУ РУСЬЮ И ОРДОЙ:
(вторая половина XIII в.)**

Казань – 2019

УДК 94(47).03+930.2

ББК 63.3(2)4

Г 15

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научные редакторы:

П.И. Гайдено, И.М. Миргалеев

Рецензенты:

Р.Ю. Почакаев, Л.Ф. Абзалов, Т.Ю. Фомина, К.А. Костромин

Галимов Т.Р.

Г 15 **Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.):** монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. – 256 с.

ISBN 978-5-94981-317-1

Представленная монография затрагивает вопрос о месте в русско- и церковно-ордынских отношениях института киевских митрополитов, столь важного в обозначенный период. Очертив круг основных проблем, автор, на основе широкого спектра источников, заключил, что особые отношения с Ордой позволили институту киевских митрополитов стать полноценным и влиятельным участником в русско-ордынских отношениях и занять исключительное положение: между Русью и Ордой. Данное исследование представляет собой основание для постановки проблемы о степени включенности древнерусской знати в состав золотоордынских элит, окончательное разрешение которой, рано или поздно, позволит заявить о той мере вхождения русских земель в состав Золотой Орды, которая она действительно занимала. Издание адресовано исследователям, аспирантам, студентам и просто интересующимся историей Русской православной церкви и Орды.

На обложке: сюжеты встречи киевского митрополита Максима на Руси и в Орде из миниатюр лицевого летописного свода (Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 6. 1242–1289 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. С. 450, 452).

ISBN 978-5-94981-317-1

УДК 94(47).03+930.2

ББК 63.3(2)4

© Галимов Т.Р., 2019

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019

«За грѣхи наша...»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Церковно-ордынские отношения, под которыми подразумеваются как первичные контакты древнерусской церкви с представителями Монгольской Империей, так и её дальнейшие связи с Золотой Ордой, нередко становились объектом пристального внимания историков. Однако до начала XXI века эта тема не получала целостного и, что самое примечательное, отдельного изучения.

Стоит отметить, что вопрос о роли и месте древнерусских элит в становлении ордынской зависимости на Руси представляет собой один из самых сложных и одновременно деликатных вопросов в истории русско-татарских отношений. С одной стороны, нарративные источники не позволяют совершенно точно определить ту степень вовлеченности знати в протекавшие процессы принятия Русью господства Золотой Орды. Древнерусские летописи вообще создают впечатление, что единственной движущей силой политических процессов являлись князья. С другой стороны, огромное количество письменных свидетельств "вопиют" о сюжетах, в которых участвовала часть древнерусской знати, и её вклад в общий результат описываемых событий несомненен. Безусловно, одними из ключевых представителей элиты Руси, нередко оказывавшихся в поле зрения авторов древнерусских литератур-

ных памятников, зарубежных хронистов и дипломатов, были иерархи древнерусской церкви. Анализ их действий открывает для науки возможность ответить на поставленный вопрос хотя бы в отношении этого весьма яркого и неоднозначного института – древнерусской церковной организации.

В представленном исследовании, Галимова Тэймура Рустэмовича, выше обозначенная проблема раскрывается всего лишь относительно глав древнерусской церкви, а именно митрополитов Киевских и всея Руси во второй половине XIII в. И, несмотря на это, комплекс затронутых вопросов представляет собой весьма приличный объем. В своей работе, Тэймур Рустэмович, основываясь на обширном комплексе историографии и источников по данной тематике, с присущей ему дотошностью преследует и «громит» историографические штампы, раскрывает ряд существенных вопросов, а также касается проблемных аспектов, требующих своего дальнейшего разрешения. Благодаря данному исследованию, можно констатировать, что церковь в лице киевских митрополитов сумела не только пережить, но и извлечь выгоду из произошедших потрясений и выстроить сильный и независимый социально-политический институт, по степени влияния равнозначный представителям золотоордынских элит и древнерусского княжеского рода.

Данная работа лишь начало необъятного исследовательского пути автора, что не может не радовать. Надеемся, что она внесет свою лепту в научную дискуссию по столь важной теме.

И.М. Миргалеев
кандидат исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Практически невозможно адекватно описать, понять и представить русско-ордынские отношения, да и всю историю европейского, в том числе русского, Средневековья, без учета и анализа деятельности существовавших на тот момент религиозных институтов. Церковные связи пронизывали все социальные уровни европейских обществ и государств, к которым, несомненно, относилась Древняя Русь. В профессиональной научной среде хорошо осознали данное обстоятельство. Действительно, с приходом на Русь христианства, по мере формирования более или менее «стройной» системы церковного управления древнерусские элиты и, прежде всего, представители правящей династии Рюриковичей оказались под сильным влиянием христианских доктрин и представлений. Новые идейные концепции стремились охватить едва ли ни все стороны жизни восточнославянского мира, начиная с организации быта «рядового» горожанина или жителя села и завершая представлениями об устройстве мира и о высоте служения верховной политической власти.

С известной долей условности можно считать, что к моменту монгольского вторжения Русь являлась христианским государством¹. Ключевыми фигурами в сложившейся на её просторах церковно-политической иерархии выступали носители великокняжеского титула и митрополичьего сана. При этом, если в первое столетие существования церковной организации положение митрополита было крайне неоднозначным, то к началу монголо-татарского нашествия значимость митрополита в социально-политической ие-

¹ *Дорофеев В.* Влияние дохристианских верований древней Руси на культурный процесс России // Аналитика культурологии. № 18 / 2010. С. 3–6; *Лукьянов С.А.* Государство, церковь и язычество в Древней Руси // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. № 2 / 2009. С. 58–61; *Филиппов Г.Г.* К проблеме двоеверия. Историографический анализ // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 27 / 2004. С. 92–97; *Климов Е.В.* К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 / 2009. С. 117–122. *Дворниченко А.Ю.* Крещение Киевской Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 4. С. 76–84.

рархии уже не вызывала существенных сомнений ни у современников, ни у исследователей.

В научной литературе монгольское вторжение на Русь традиционно рассматривается в качестве своего рода рубежа, в след за которым в жизни Руси наступает новый этап, принципиально отличный от предшествующих двух столетий. При том, что в последние годы эта категорическая оценка, хорошо известная из курса образовательных программ, подверглась существенному пересмотру, отказ от устоявшейся периодизации ещё преждевременен². Тем не менее, именно в первые десятилетия власти Орды над Русью положение церкви и её иерарха существенно изменилась. Наглядно эти различия прослеживаются в деятельности киевских митрополитов, в том числе в месте русского первосвященника в системе русско-ордынских связей.

Период с конца 30-х по 80-е гг. XIII в. отмечен самыми драматическими процессами: русско-монгольской войной и последовавшими за нею изменениями внутреннего административно-политического устройства и внешнеполитического положения Руси. Монгольское нашествие существенно изменило направление вектора развития древнерусского государства. Эти перемены затронули и Русскую церковь, иерархия которой была тесно связана с жизнью Византии и от части Западной Европы. После падения Константинополя и дробления церковно-политических элит, формировавшихся вокруг императорского трона и патриаршей кафедры Царьграда, оказались нарушенными устоявшиеся и казавшиеся незыблемыми принципы церковного и политического управления. Всё это в полной мере сказалось на жизни Киевской митрополии. Правда, на фоне бедствий, постигших Византию, положение дел на Руси до конца 30-х годов XIII в. виделось более устойчивым и даже благоприятным. Однако с монгольским вторжением и последовавшим за ним противостоянием и учреждением ордынского господства, произош-

² А.В. Назаренко доводит временные границы существования целостной Киевской Руси до княжения Александра Ярославича Невского (*Назаренко А.В. Древняя Русь // ПЭ. Т. 16. С. 248; Назаренко А.В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 105–107.*

ло еще большее осложнение внутрдинастических отношений на Руси. В итоге, на рубеже XIV–XV вв. это привело к фактическому разделу южнорусских земель между Золотой Ордой, Литвой, Польшей и Венгрией. Церковная жизнь всегда была тесно связана с властными элитами и обусловлена политическими процессами. В результате, всё перечисленное сказалось на положении дел в русской церкви, что обнаруживается уже в первые десятилетия монгольского господства на Руси.

Во-первых, видоизменились связи церкви с княжеской властью и патриархом Византии. Местные церковные власти в лице обладателей первосвятительской кафедры Киева стали менее зависеть от «греков». Во-вторых, изменилось место церкви в политической и социальной структуре общества. В целом можно уверенно утверждать, что в данный период произошло существенное усиление роли церковных иерархов в жизни древнерусских политических элит. Если прежде, княжеская власть и городская верхушка стремились поставить церковь под свой контроль и максимально вовлечь её в круг социально-политических забот княжеских центров, то в XIII–XIV вв. положение дел уже видится иным. Статус и положение церкви, особенно ее первосвятителей в древнерусском обществе возросли. Причины произошедшего следует искать не столько в религиозно-политических концепциях, сколько в обстоятельствах времени, в интересах Золотой Орды, а также в личных амбициях церковных первоиерархов.

В связи с этим предпринята попытка анализа деятельности, а также каноническо-правовых, административных и иных возможностей института киевских митрополитов до монгольского нашествия и во второй половине XIII в., а также установления места киевского первоиерарха в сложных церковно- и русско-ордынских отношениях обозначенного периода. Разрешение этих проблем позволяет не только уточнить многообразные стороны деятельности русской первосвятительской кафедры в первой трети – конце XIII вв., но и выявить истоки того высокого социально-политического статуса, который усаивала себе церковная иерархия в последующие столетия. При этом процессы, позволившие достигнуть церкви определенных результатов, хоть и показательны, но нуждаются в некотором пояснении.

Годы святительства митрополита Кирилла II отмечены принципиальными изменениями, произошедшими в системе церковного управления на Руси. В обозначенные десятилетия церковь обрела широкую автономию от княжеской власти и почти на два столетия превратилась в независимый, почти неподконтрольный местным властям институт. Запущенные митрополитом административно-экономические процессы внутри церкви и протекавшие в эти годы изменения в церковно-княжеских отношениях привели к превращению института Киевских митрополитов в самостоятельную и влиятельную политическую силу, сыгравшую важную роль в дальнейшей истории Древней Руси.

Вместе с тем в исследуемый период действия митрополитов и местных иерархов в целом соответствовали каноническим практикам, сформировавшимся в XI – пер. пол. XIII вв. В связи с этим возникла необходимость в анализе форм влияния церкви на общерусские политические процессы накануне нашествия. Данное обстоятельство привело к несколько значительно расширенному изучению домонгольского периода, что нашло своё отражение в первой главе данного труда³. Отчасти эти же обстоятельства, но по отношению к перспективе церковно-ордынских отношений, вынудили рассмотреть некоторые сюжеты церковной истории XIV в., выйдя за рамки второй половины XIII в.

Благодаря использованию специальных исторических методов: историко-генетического, историко-сравнительного, и источниковедческого анализа и синтеза, в некоторой степени разрешена проблема «нехватки» источников, что позволило реконструировать деятельность митрополита Кирилла по сохранению церкви и выстраиванию отношений первосвятительской кафедры с церковными иерархами, Золотой Ордой и княжеской властью.

Первый из вышеназванных методов, историко-генетический, предоставил возможность выявить причины роста влияния первосвя-

³ Поднимаемые в настоящей главе проблемы ранее не получили исчерпывающего исторического исследования. Единственная работа, посвящённая участию архиереев в политических конфликтах Древней Руси, принадлежит Ф.А. Тероновскому (*Тероновский Ф.А. Участие древне-русских архиереев в делах общественных (в период удельно-вечевой)*. Киев, 1870).

тительской кафедры в условиях первых десятилетий монгольского господства на Руси. Казалось бы, в условиях существенного разорения городов, гибели князей и обеднения большинства ктиторов церковь должна была утратить свой авторитет и прийти в упадок. Однако этого не произошло. Причины произошедшего открываются не только в обстоятельствах времени и в личности митрополита Кирилла II, но и в том, что ко времени монгольского вторжения церковные институты уже обладали вполне ясной административно-канонической структурой, существенными источниками доходов, и располагали значительным опытом участия в межкняжеских конфликтах, межгосударственных и межцерковных отношениях.

Не менее положительный результат принесло использование историко-сравнительного метода. Примером этого может служить сопоставительный анализ летописных сообщений, принадлежащих различным сводам, о драматических событиях 1223, 1237–1240 гг. Сличение известий Галицко-Волынского, Новгородского и Суздальского летописаний обнаружило в оценках современников принципиальные отличия в отношении монголов. Если для книжников и заказчиков свода Южной Руси монголы безусловный враг, с которым можно и необходимо бороться, то для суздальцев и новгородцев – это «бич Божий», кара свыше, сопротивление которой не только бесполезно, но и едва ли не греховно. Именно поэтому в южнорусском летописании сопротивляющиеся князья – герои, в то время как в Новгороде и в Суздале всё иначе. Лица, не способные смиренно принять ниспосланное им свыше испытание, сами становятся виновниками будущих бед. Особенно отчётливо эта идея прослеживается в известиях о битве на Калке и предсмертной речи Владимирского святителя Митрофана. Примененный метод источниковедческого анализа и синтеза при работе над постановлениями Владимирского собора 1274 г. позволил определить структуру епископских доходов и степень влияния митрополита на подчинённый ему епископат. При этом в данном исследовании критически осмыслены исторические концепции и взгляды, сложившиеся в гражданской и церковной отечественной историографии по интерпретации сообщений различных источников о ключевых моментах изучаемой эпохи.

Подводя некоторый итог, стоит отметить, что в данном труде впервые представлен анализ места киевских митрополитов в церковно-ордынских и русско-ордынских связях: исследованы динамика, основные цели, направления, методы и результаты церковной дипломатии в отношении Золотой Орды. Значительно уточнен комплекс каноническо-правовых возможностей киевских митрополитов и системе организации высшей церковной власти в начальный период монгольского господства. Существенно конкретизирована роль митрополитов в установлении монгольского господства над Русью и трансформации церковной организации в целостный и в значительной мере независимый от княжеской власти институт.

Результаты данного исследования могут использоваться при дальнейшем изучении истории древнерусских церковных институтов и истории международной политики Европейского Средневековья. Кроме этого материалы представленной работы могут оказаться полезными при разработке спецкурсов по истории Русской Церкви, отечественной истории и историко-религиоведческим дисциплинам.

Безусловно, данная работа обязана своим появлением не только её автору, но и целому ряду тех, чьи мысли, замечания и моральная поддержка оказывали самое значительное влияние, как на качество проведенного исследования, так и на его издание. Особую благодарность хотелось бы выразить своему первому научному руководителю Павлу Ивановичу Гайденко, и Игорю Николаевичу Данилевскому. Несомненно, стоит отметить большую роль редакторов, корректоров, и всех, кому была не безразлична судьба данного труда, в том числе сотрудников Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, в целом, и Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств, в частности, а также руководителя центра, и одного из научных редакторов данного труда, Ильнура Мидхатовича Миргалеева.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Представить себе квалифицированную работу историка без обращения к опыту предшественников и коллег крайне сложно. В ряде случаев исследовательская интуиция, логика и профессионализм при работе с источниками и разнообразными научно-историческими концепциями, открывающимися в исследованиях других авторов, становятся прочной основой для понимания и истолкования источников.

Корпус исследований и работ, посвящённых истории Золотой Орды, Руси и её церкви в XIII в. значителен и включает ряд монографий, отдельных статей из числа специализированных сборников конференций, изданий и тематических журналов. Несомненную научную ценность представляют диссертационные работы последних лет¹. Что же касается географии научных центров и отдельных ис-

¹ *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.: дисс. д.и.н.: 07.00.02. СПб., 1999; *Суэтин А.В.* Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси, середина XIII – первая четверть XIV веков: дисс. к.и.н.: 07.00.02. Тюмень, 1999; *Мальшев А.Б.* Христианство в истории Золотой Орды: дисс. к.и.н.: 07.00.02. Саратов, 2000; *Белозеров И.В.* Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XVIII–XIV вв.: дисс. к.и.н.: 07.00.02. М., 2002; *Гавриленко А.Ю.* Эволюция государственности на Руси в период монголо-татарского ига и проблемы зарождения централизованного Московского государства: Историко-правовое исследование: дисс. к.ю.н.: 12.00.01. СПб., 2006; *Никитин А.Н.* Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси: дисс. к.и.н.: 07.00.02. М., 2006; *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды: Историко-правовое исследование: дисс. к.ю.н.: 12.00.01. СПб., 2006; *Соколов Р.А.* Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв.: дисс. к.и.н.: 07.00.02. СПб., 2006; *Гартман А.В.* Хронология похода Батые на Северную Русь: дисс. к.и.н.: 07.00.09 Барнаул, 2010; *Иньков С.В.* Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв.: историко-правовой аспект: дисс. к.ю.н.: 12.00.01 СПб., 2010; *Назипов И.И.* Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды: дисс. к.и.н.: 07.00.02 Пермь, 2011; *Петров С.А.* Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой: дисс. к.и.н.: 07.00.02. Белгород, 2011; *Соколов Р.А.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: дисс. д.и.н.: 24.00. СПб., 2013.

следователей, занимающихся вопросами русско-ордынских отношений и истории церкви изучаемого периода, то она охватывает как территории исторически связанные с монголо-татарским вторжением, в том числе современную Монголию и государства Восточной Европы, так и научные центры на территории США. Последний феномен обусловлен миграционными процессами, приведшими к появлению таковых исследователей на Северо-Американском континенте. О степени интереса к данной проблеме можно судить и по ряду специальных работ, посвящённых историографическому обзору новейших исследований, по изучению церковной организации древней Руси и Золотой Орды².

Тем не менее, с сожалением приходится признать, что число исследователей, обращавшихся к проблемам монгольского периода истории церкви и истории религиозной политики Орды и Руси не только в интересующий нас период, но и на всём протяжении русско-ордынских контактов, или хотя бы затрагивавших данные аспекты, до последнего времени оставалось сравнительно небольшим. Объяснение этому можно найти в великодержавном и имперском историческом сознании большинства исследователей XIX – начала XX вв., для которых монгольский период виделся чем-то чужерод-

² Основные работы последних лет по историографии Орды и русско-ордынских отношений XIII–XIV вв.: *Фомина Т.Ю.* Изучение новгородского летописания в отечественной историографии: дисс. к.и.н.: 07.00.09. Казань, 2006; *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси: дисс. д.и.н.: 07.00.09. М., 2007; *Гатин М.С.* Взаимоотношения Руси и Золотой Орды во второй половине XIV века в трактовках немецких историков // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. №2–1 (151). Казань, 2009. С.90–95; *Политов В.В.* Влияние монголо-татарского ига на древнерусское государство в дореволюционной историографии // Вопросы истории. 2016. №2. С.160–172; Золотая Орда: библиографический указатель / автор-сост. *И.М. Миргалеев.* Казань, 2013; *Нолев Е.В.* Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): автореф. дисс. к.и.н. Улан-Удэ, 2013; *Назипов И.И.* Обзор негативной по формам и историческим последствиям оценки русско-ордынских отношений в исторических источниках и историографии // Клио: журнал для учёных. 2015. №6 (102). С. 85–88; *Чебаненко С.Б.* Южная Русь и юго-западная Русь периода монгольского нашествия в работах новейших исследователей // *Rossica Antiqua.* СПб., 2015. Вып. 1 (11). С. 47–62.

ным, варварским, исторически случайным. В ордынском присутствии видели, прежде всего, насилие и нарушение мирного течения жизни. В результате Орда ассоциировалась с войнами и набегами, а её политика отождествлялась исключительно с актами насилия и «национального угнетения». В какой-то мере данный взгляд был характерен и для работ советского периода, прежде всего, исследований Б.Д. Грекова и Ю.Г. Алексеева. В известной мере такой взгляд на историю Золотой Орды и древнерусских земель присутствует и в многотомном издании Истории СССР³. И только в последние десятилетия, несмотря на имеющиеся материальные и административные трудности, переживаемые отечественной наукой, наблюдается пересмотр устоявшихся стереотипических представлений об Орде и рост неподдельного интереса к её истории, политическому и культурному наследию.

Историю изучения русской церкви в XIII–XIV вв., её отношений с Золотой Ордой и с княжеской властью в период татарского господства можно традиционно разделить на три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый из этапов отмечен специфическими научными интересами, отражавшими современные им философские и научные идеи. В какой-то мере научные интересы отражали волновавшие общество вопросы и тревоги. Более того, разнился и объём исследований, обращённых к этому периоду отечественной истории. Если дореволюционный этап отмечен сравнительно небольшим объёмом научных трудов, то за последние 20 лет количество авторов, изданных ими монографий, статей и представленных к защита диссертаций по своему числу (числу наименований), по общему качеству проделанного труда, и по кругу затрагиваемых проблем, уже давно превзошёл усилия мно-

³ История СССР с древнейших времен и до наших дней. В 12 т. Т.2: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого русского государства / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. Широкая критика не только этого издания, но и советской историографии: История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 6–12.

гих поколений учёных всех предшествовавших двухсот лет изучения русско-ордынских связей.

Каждый из периодов обладал своими особенностями. Разнилось число работ, их качество, смелость мысли, идейное (социально-политическое звучание) и научное содержание. На всех перечисленных этапах процесс отражения исторического прошлого в научной литературе обладал некоторыми неповторимыми чертами, выражавшимися в том числе в актуализации тех или иных аспектов деятельности русских и ордынских властей, древнерусской духовной иерархии и различных церковных институтов.

Дореволюционная историография. Дореволюционная историография не представляет собой единого целого. В ней можно условно выделить две основные группы работ. Во-первых, это крупные обзорные исследования по русской гражданской и церковной истории князя М.М. Щербатова, Н.И. Карамзина, митр. Платона (Левшина), архиеп. Филарета (Гумилевского), С.М. Соловьёва, митр. Макария (Булгакова), В.О. Ключевский, Е.Е. Голубинского. Во-вторых, это специальные работы, посвящённые изучению источников, а также истории Орды и возникших на её основе тюркских государств Поволжья, Сибири и Крыма⁴. Обозначенный (дореволюционный) период не отличается большим плюрализмом исторических подходов к исследованию Орды и её отношений с Русью. Однако уже к концу XIX – началу XX вв., благодаря введению в научный оборот большого числа источников и развитию методов

⁴ Фишер И. О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языке // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. С. 421–450; Левашев П.А. Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков. СПб., 1792; Кларрот Ю. Что такое татары? // Северный архив. 1823. Т. 6. № 11. С. 301–314; Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823; Левшин А. Известия о древнем татарском городе Сарайчике // Северный архив. Ч. 4. № 4. СПб., 1824. С. 179–190; Леопольдов А.Ф. О развалинах Сарая // Материалы для статистики Российской Империи. СПб., 1839. С. 97–103; Горлов Н. Полная история Чингис-хана, составленная из татарских летописей и других достоверных источников. СПб., 1840; Языков Д.И. О бывшем монгольском городе Укеке (перевод из сочинений академика Френа) // Труды Российской Академии. СПб., 1840. Ч. III. С. 103–125; Саблуков Г.С.

исторического исследования, пришло понимание того, что история тюркского мира и его связей с соседями намного богаче, чем это было принято считать прежде⁵. Что же касается историографических судеб дореволюционных работ, то они также оказались различными.

Практически все обзорные работы первой группы выстраивались в соответствии с идеями самодержавной власти. В результате, авторы не утруждали себя разбором и изучением мелких, как они считали деталей. Для всех обзорных работ центральной точкой изучения XIII–XIV вв. выступала Москва. Все остальные города северо-восточной Руси, не говоря уже о южнорусских центрах, рассматривалось как периферия, сыгравшая большую или меньшую роль в развитии российского государства. В некотором смысле история входивших в состав российского государства территорий и земель не становилась предметом детального исследования этих ученых, и в итоге, как бы не существовала. Наиболее последовательно этот подход представлен в концепции С.М. Соловьёва, на что неодно-

Исследование о месте Сарая, столицы кипчакской Орды // Уч. зап. Казан. ун-та. 1842. Т. 2. С. 55–76; *Терещенко А.В.* Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение мая, июня и июля месяца // ЖМВД. 1843. Ч. 4. С. 112–131, 279–298; *Куник А.А.* Древние сказания о нашествии Батгя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844. С. 11–14; *Терещенко А.В.* Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, июля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД. 1844. Ч. 8. С. 294–319; *Эрдман Ф.И.* К истории Чингисхана. СПб., 1844 и др.

⁵ Особенно следует отметить появление в научном обороте ханских ярлыков данных киевским митрополитам. Исследования, посвященные этим неоднозначным документам: *Григорьев А.П.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологические исследования. М., 1842; *Григорьев В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Герая // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 337–346; *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. М., 1850. С. 125–138; *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1915.

кратно обращали своё внимание учёные⁶. Значительно ранее подобный взгляд присутствовал у Н.М. Карамзина⁷. Однако в работах В.О. Ключевского оценки ордынского периода не многим расходятся с его предшественниками⁸. На их фоне существенно выделялось исследование М.С. Грушевского, предложившего свою оценку событий XIII–XIV вв.⁹, но его труд продолжительное время оставался не замеченным в кругу московских и петербургских учёных и до сих пор рассматривается в контексте развития украинской историко-политической мысли.

Появление второй группы специальных работ обусловлено изменениями, произошедшими в российской исторической науке в результате великих реформ Александра II. Большинство этих трудов относится ко второй половине XIX – нач. XX вв. Поскольку новые исследования представлены трудами историков-специалистов и посвящены определенным темам, в т.ч. ордынскому времени, то их исторический взгляд оказывался глубже и предполагал скрупулёзное рассмотрение множества деталей и проблем, которые ранее не привлекали внимание составителей обзорных описаний по истории

⁶ *Ostrowski D.* The mongols and Rus': eight paradigms // *A Companion to Russian History.* Malden., Oxford, 2009. P.72–75; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 8.

⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12-и т. СПб., 1816–1829. Критика трудов: *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; *Полевой Н.А.* Рецензия на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): Учеб. пособие для вузов / сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1990. С. 153–170.

⁸ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904. Об исследованиях В.О. Ключевского: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

⁹ *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ., 1891. Лит.: *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 6, 16, 18, 49–52, 88; *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 12–15; *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII – нач. XIII века. СПб., 2010. С. 18.

России и её церкви¹⁰. Возникшие в отмеченный период специализированные работы позволяли проникнуть во внутренние причины действий ордынских властей¹¹, и княжеского рода¹². Пришло понимание необходимости изучения влияния татар на древнерусское общество¹³. Наиболее яркими примерами этого могут служить специальные работы И.Н. Березина посвященные конкретным вопросам по структуре и устройству Джучиева Улуса¹⁴. Не менее

¹⁰ Археологические поиски в развалинах Сарая (из отчетов А.В.Терещенка) // ЗСПБАНО. СПб., 1850. С. 364–410; *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857; *Дашкевич Н.П.* Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католиками // Университетские известия. Киев, 1884. № 8. С. 3–6; *Спицын А.* К вопросу о местонахождении Старого Сарая Золотой Орды // ЗВОИРАО. 1897–1898. Т. XI. СПб., 1899. С. 287–290.

¹¹ *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. СПб., 1875; *Куник А.А.* О походе татар в 1223 г. по Нейбургской хронике // Уч. зап. АН по 2-му и 3-му отд. СПб., 1894. Т. 2; *Лебединский Г.* Монгольское иго. Очерки по русской истории для школ и народного чтения. М., 1900; С. 163; *Лихачев Н.П.* Басма золотоордынских ханов. М., 1916; *Розанов С.П.* Повесть об убиении Батюга // Известия Отделения. Русского языка и словесности Императорской Академии наук. Петроград, 1916. Т. XXI. Кн. 1.

¹² *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, сь 1238 по 1505. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. II. СПб., 1891; *Череванский В.* Хронология событий в ходе борьбы России с татаро-монголами. СПб., 1898;

¹³ *Андреевский И.Е.* О правах иностранцев в России до вступления Ионна III Васильевича на престол великого княжества Московского. СПб., 1854; *Архимандрит Леонид.* Хан Нагай и его влияние на Россию и южных славян // Чтения в историческом обществе истории и древностей российских. Т. 3. СПб., 1868. С. 23–30; *Бестужев-Рюмин К.Н.* О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб., 1898; *Спицын А.А.* К вопросу о Мономаховой шапке // ЗВОИРАО. 1906. Т. VIII. Вып. 1 С. 146–184; *Мелиоранский П.М.* «Что такое басма» золотоордынских послов хана Ахмата? СПб., 1907; *Каллаш В.В.* Половцы-печенеги-татары в начальной русской летописи // Древности Восточные. Т. 4. М., 1913.

¹⁴ *Березин И.Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды: (по ханским ярлыкам). СПб., 1850; *Березин И.Н.* Нашествие Батюга на Россию // ЖМНП. 1855. Ч. 79.

интересны в этом отношении статьи Н.И. Веселовского исследовавшего монголо-татарское влияние на культуру и государственность Руси¹⁵. Несмотря на то, что в профессиональном отношении труды затрагиваемой группы не уступали крупным обзорным работам, уже в силу своего узкотематического характера они оставались известными сравнительно небольшому кругу специалистов и, в результате, продолжительный период были мало востребованными.

Несмотря на немногочисленность работ и их специфичность до-революционным историкам удалось разрешить ряд важных проблем. Во-первых, была сформулирована и представлена общая, хотя и не бесспорная концепция, отношения Золотой Орды с Русью и русской церковью. Во-вторых, благодаря вводу в научный оборот большого числа новых источников формировался критический взгляд на историю церкви, ориентированный на новейшие методы и достижения гражданской науки. В-третьих, все чаще возникала потребность рассмотрения истории русской церкви в контексте гражданской истории. В-четвёртых, в значительной мере были реконструированы отношения митрополичьей кафедры и монастырей с княжеской властью.

Как уже отмечалось, для большинства авторов обзорных работ, Золотая Орда и ее влияние на Русь, представлялись чем-то ужасным. На многие вопросы, связанные с монгольским нашествием, было принято отвечать через обращение к образам мученичества и

Отд. II. С. 79–114; *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1863; *Григорьев В.В.* Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876 и др.

¹⁵ *Веселовский Н.И.* Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // Древняя и новая Россия. Т. 18. СПб., 1880. С. 5–23; *Веселовский Н.И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сб. в честь 70-летия Потанина Г.Н. Записки российского географического общества, XXXIV. СПб., 1909. С. 525–536; *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. Вып. 1. СПб., 1912. С. 27–38; *Веселовский Н.И.* Заметки по истории Золотой Орды // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1916. Т. XXI (1916). Кн. 1. С. 1–15; *Веселовский Н.И.* О религии татар по русским летописям // ЖМНП. Новая серия. Ч. LXIX. №7, отд. 2. Петроград, 1916. С. 81–101.

героики. Этот взгляд оставался характерным и для церковных авторов. Тюркское политическое влияние рассматривалось как исключительно негативное и имевшее самые плачевные результаты в области экономики, культуры и нравов. Правда, уже в первой половине XIX века, по мере ввода в научный оборот новых источников, стало возникать понимание того, что отношения Руси и Церкви с Ордой не были однозначными, как об этом писал князь М.М. Щербатов¹⁶. Например, на такой робкий намёк присутствует у митр. Платона (Левшина), увидевшего несоответствие имеющейся концепции угнетенной церкви с тем материальным достатком и тем правовым статусом, которым обладала церковь в годы ордынского господства¹⁷. Не сумели в полной мере преодолеть это затруднение и последующие авторы: архиеп. Филарет (Гумилевский)¹⁸ и

¹⁶ *Щербатов М.М.* История российская отъ древнѣйшихъ времянь. Томъ III. СПб., 1774. С. 68–70.

¹⁷ *Платон (Левшин) митр.* Краткая Российская церковная история. Сергиев Посад, 2009. С. 76–77. О работе митр. Платона (Левшина): *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 91–92, 111–112, 234–331; *Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С.296–298; *Шапошников Л.Е.* Консерватизм, новаторство и модернизм в русской православной мысли XIX–XX веков. Н.Новгород, 1999. С.13; *Беляев А.А.* Митр. Платон, как строитель национальной духовной школы. Серг. Посад, 1913; *Поселянин Е.* Об изучении жизни и трудов и чествования памяти Платона, митр. Моск. Серг. Посад, 1912; *Солнцев Н.И.* Митрополит Московский Платон – историк и просветитель // Лествица. Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии, памяти профессора В.П. Макарихина. Н.Новгород, 2005. С.171–177; *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003; *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002; *Вишленкова Е.А.* Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань: Издательство Казанского университета, 1998; *Солнцев Н.И.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков: монография. Нижний Новгород, 2005. С. 27–32.

¹⁸ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. Период второй, монгольский, от опустошения России монголами до разделения митрополии 1237–1410 гг. Издание второе. М., 1850. С. 147–150. Кроме того, именно архиепископу Филарету принадлежит введение столь удачной периодизации, которая в дальнейшем стала классической (*Солнцев Н.И.* Вопросы периоди-

митр. Макарий (Булгаков)¹⁹. Правда, благодаря усилиям всех выше перечисленных церковных авторов удалось сформировать более или менее стройную историю отношений русской церкви, и, прежде всего, ее высшей иерархии, с золотоордынской администрацией.

Несомненные успехи в изучении истории церкви были достигнуты в самом конце XIX – начале XX вв. Их олицетворением стали исследования Е.Е. Голубинского. В своих исследованиях Е.Е. Голубинский опирался на современные ему методы исторического анализа

зации истории русской церкви // Вопросы истории, 2009. № 1. С. 164; *Солнцев Н.И.* Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков: дисс. д.и.н. Нижний Новгород, 2009. С. 71; *Солнцев Н.И.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков: монография. Нижний Новгород, 2005. С. 47–55, 146–147). В стиле повествования чувствуется внутреннее сопереживание и сомнения автора, приложена его личная неоднозначная позиция в отношении деятельности церковных иерархов. Исследование первых лет ига, проведенное Филаретом, сочетало в себе как достоинства научного анализа, так и искреннюю эмоциональность. Само монгольское нашествие сопереживалось и описывалось автором как гнев Божий и трудное, очистительное испытание как для Руси так и для церкви (*Филарет архиеп. (Гумилевский)* История Русской Церкви. Период второй.... С. 151–158).

¹⁹ *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 18, 78. Вместе с этим Митрополит Макарий (Булгаков) фактически стал основателем нового этапа в развитие церковно-исторической науки. Его труд «История Русской Церкви...» – это фундаментальное 12-ти томное сочинение, 4-ый том которого посвящен монгольскому периоду (*Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3). Он подверг разностороннему рассмотрению многие стороны церковной жизни Руси середины XIII – конца XV вв.: богослужение, иерархия, церковно-ордынские связи и т.д. Впервые была детально проанализирована социально-экономическая жизнь церкви, что было громадным шагом вперед. Особое внимание митрополит Макарий уделил процессам бурного развития монастырей в период святительства митрополита Алексея. Судя по спискам, приложенным в монографии митр. Макария, за ордынский период было открыто около 180 монастырей. (*Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви: книга третья: история русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). М., 1995. С. 652–653). Об исследованиях митр. Макария (Булгакова): *Солнцев Н.И.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков: монография. Нижний Новгород, 2005. С. 55–62, 148–149.

и, прежде всего, на позитивизм²⁰, вызвавшие критику его научных оппонентов²¹. Как и его предшественники, он намеревался создать большую работу по истории русской церкви. Однако лишь ему удалось наиболее полно описать древнерусский период. Кроме того, Е.Е. Голубинский сопровождал своё исследование постоянной критикой источников²². В результате выдающийся церковный исследователь поставил под сомнение традиционный взгляд на положение церкви, в том числе в период ордынского господства, и сумел ясно сформулировать проблему места церкви в русско-ордынских отношениях²³.

²⁰ *Солнцев Н.И.* Историк русской церкви – академик Е.Е.Голубинский // Мининские чтения. Материалы научной конференции, Нижегородский госуниверситет им. Н.И.Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). Н.Новгород, 2005. С. 314–323; *Солнцев Н.И.* Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков... С. 357; *Солнцев Н.И.* «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. монография. Нижний Новгород, 2010; *Гайденко П.И., Постнов Н.В.* Становление «критического метода» в церковной исторической науке (историографические наброски по истории русской церкви киевского периода) // Вестник МГОУ. №3 С. 43–53.

²¹ Например, Голубинский, раскрывая комплекс противоречий XIII–XIV вв., пытался скрыть свое мнение о неоднозначности нравственной жизни церкви, используя риторические приёмы и осторожные формулировки. Для Голубинского подобное отношение – не критика церкви, как это представлялось его коллегам, например, Н.И. Субботину, сравнивавшего позицию Голубинского с «критическим молотом». (Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 г. // «Православное обозрение». 1881. № 1. С. 158; *Смирнов С.И.* Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. СПб., 1903. Т.IV. С. 505–506; *Барсов Е.В.* Докторский диспут Е.Е. Голубинского в Московской Духовной Академии // ЧОИДР. 1913. Ч. 3. Отд. 5. С. 29–39).

²² Одним из примеров анализа источников может служить след. работа: *Голубинский Е.Е.* О так называемой Иокимовской летописи Татищева ... // Прибавления к Творениям св. Отцов. М., 1881. Ч. 28. Кн. 4 С. 602–640.

²³ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 2. Ч. 1. С. 17–19; *Голубинский Е.Е.* Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский вестник. 1893. № 7; *Он же.* Митрополит всея России Максим. Сергиев Посад, 1894; *Он же.* Митрополит всея России св. Петр. Сергиев Посад, 1892; *Он же.* Митрополит всея России Феогност. Сергиев Посад, 1893.

Вместе с этим в церковном образовании второй половины XIX – начала XX вв. продолжали господствовать упрощенные представления о деятельности церкви в период ордынского господства, во многом копировавшие концепции большинства своих предшественников. Наиболее отчётливо это прослеживается на примере учебников П.И. Малицкого²⁴, П.В. Знаменского²⁵ и А.П. Доброклонского²⁶.

Примерно на эти же годы приходится возрождение региональной интеллигенции и возникновение интереса к национальной истории. Результатом этого становится появление знаковых работ, которые предложили более спокойный взгляд на деятельность Орды, в том числе в области религиозных отношений²⁷.

Революционные события начала XX века привели к существенным изменениям в научной среде. С одной стороны, они вызвали кризис научных исследований, исход ученых за рубеж, а с другой –

²⁴ Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. Подробно охарактеризовал труд Малицкого Н.И. Солнцев: «копируя стиль Знаменского, намеренно уходит от его выводов» (*Солнцев Н.И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков... С. 398*).

²⁵ Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870; Знаменский П.В. «Приходское духовенство на Руси XVI и XVII в.» Казань, 1875; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Казань, 1873. И современное переиздание: Знаменский П.В. История Русской Церкви. (Учебное руководство). М., 2000; О П.В. Знаменском: Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дисс... к.и.н. / А.В. Журавский. М., 1999.

²⁶ При всей схожести исторических концепций А.П. Доброклонского с учебными руководствами, вышедшими в свет во второй половине XIX века, его работа была более качественной и в отличие от предшествующих трудов, была рассчитана на университетский курс. В данном исследовании его работа цитировалась по репринтному изданию: Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.

²⁷ Мэржэни Ш.Б. Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вә Булгар. Т. 1. Казан, 1885; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. СПб., 1891; Ахмеров Г. Разбор татарских сказаний о нашествии Тимура на болгарские города // ИОАИЭ. 1899. Т. 15. Вып. 4. С. 454–462. Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1899. Т. XV. Вып. 3. С. 273–306. Мэржэни Ш.Б. Мөстәфа́д эл-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар. 1–2 к. Казан, 1885–1910.

способствовали росту национального самосознания внутри российской и национальных элит. В результате, последующий период озаменовался возникновением двух неравнозначных по размерам и в значительной степени оторванных друг от друга историографических пластов: во-первых, научных работ, созданных в Советской России и в СССР и, во-вторых, исследований, возникших в кругу эмигрантов.

Историография русской эмиграции XX в. Свое продолжение дореволюционная историография нашла в трудах ученых эмигрантов. Главным образом продолжателями дореволюционной концепции изложения и трактовки материала стали ученые, вынужденные покинуть родину в связи с революционными событиями. Среди историков русской церкви особо выделялись А.В. Карташев и Н.Д. Тальберг. Авторы-эмигранты порой не скрывали свою ностальгию по утраченной отчизне, а в их исследованиях нередко присутствует крайняя религиозная ангажированность, идеализировавшая прошлое и видевшая в русской древности исключительный образец национальной святости, противостоящей внутренним и внешним врагам. Однако имея крайне ограниченный доступ к прежде обильному источниковому ресурсу, их взгляды и выводы в значительной мере опирались на багаж прежней историографии. В итоге, учёные-эмигранты порой позволяли себе смешивать научную дискуссию с политической риторикой, имевшей антисоветский характер, низводя исследования до обычной церковно-политической полемики и нравственных назиданий. Но при всем этом, усилия эмиграции, представляют собой отдельный пласт постреволюционной рефлексии по истории русской церкви, позволяющий понять особенности формирования и функционирования русской ментальности.

Наиболее ярким представителем русских церковных учёных-эмигрантов, следует считать А.В. Карташёва. Его известный труд «История Русской Церкви», был завершён в 1959 году и издан в Париже²⁸. Для него история церкви была связана, прежде всего, с историей митрополитов, что в значительной мере перекликается со

²⁸ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т.1–2; репринтное издание, используемое в данном исследовании: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. М., 2010.

взглядами его предшественников, за исключением, пожалуй, Е.Е. Голубинского. А.В. Карташеву не удалось создать нечто подобное тому, что в своё время написал опальный в церковных кругах академик. В итоге монгольский период истории русской церкви был затронут автором в контексте смены митрополитов и представлен весьма однозначно и достаточно кратко.

Почти одновременно с А.В. Карташевым, в том же в 1959 году, но уже на другом континенте, в Свято-Троицком монастыре Джорданвилля (пригород Нью-Йорка, США), вышла в свет «История Русской Церкви» Н.Д. Тальберга²⁹. При всей своей обширности работа имела компилятивный характер, ориентировалась на непритязательный и тенденциозный вкус местного семинарского руководства, а поэтому была лишена научной критичности. В своих суждениях в лучшем случае автор книги вторил митр. Макарию (Булгакову). К тому же работа копировала содержание дореволюционных церковных учебников, лишь расширяя контекст соответствующих параграфов и наполняя их большими морализаторскими суждениями.

Приходится признать, что в силу множества субъективных и объективных причин церковным ученым-эмигрантам не удалось изменить вектор в изучении истории Русской Церкви и России периода монгольского господства. Работы и взгляды этих учёных находились под сильным влиянием идейного наследия русской дореволюционной церковной историографии. Однако им удалось достичь главного – сохранить и поддержать среди русскоязычной эмиграции интереса к истории покинутой ими родины. На этом фоне выдающимся событием стало появление работы Г.В. Вернадского, сына советского учёного В.И. Вернадского, «Монголы и Русь». Интересы исследователя-эмигранта были связаны с областью истории русско-ордынских отношений. Г.В. Вернадский почитается в качестве одного из основателей евразийства. В результате, его взгляд на историю Руси проникнут единой целью – доказать существование широких социально-политических и культурных взаимодействий Руси и Орды. По мнению историка, все эти взаимодействия сыграли значительную роль в укреплении позиций Московско-

²⁹ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Нью-Йорк, 1959.

го государства и «смерти» Золотой Орды. В отличие от зарубежных церковных историков-эмигрантов, Г.В. Вернадский не гнушался использованием опыта советских ученых и в большинстве случаев перерабатывал догадки и идеи своих советских коллег, подтверждая, опровергая или совершенствуя их³⁰. Важным шагом вперёд стало использование Г.В. Вернадским современных ему зарубежных исследований. Остаётся признать, что в целом, по своему качеству, монография «Монголы и Русь», не уступает многим современным научным работам. Однако появление данного труда можно рассматривать как исключительное явление, лишь подтверждающее, общую характеристику корпуса работ по истории церкви, написанных в условиях эмиграции.

Советская историография. Формирование советской историографии, затрагивающей историю русской церкви XIII в. и Золотой Орды, в полной мере отражает всю гамму противоречий, характерных для процесса становления и развития исторической науки в СССР. Как и дореволюционная, советская историография не обладала полным идейным единством. Различия в исследовательских концепциях и подходах присутствует и в том, как формировались научные интересы учёных, и в том какие мотивы и обстоятельства влияли на возникновение и развитие этих интересов. Подобно дореволюционной, советская историческая наука было пропитана идеологическими концепциями и назидательным тоном.

В итоге, в советской историографии можно выделить три основных подхода, способствовавших возникновению в значительной мере отличных друг от друга историографических комплексов исследовательских работ. Каждый из них формировался в рамках специфических научных, философско-мировоззренческих и идейных влияний. Но практически все они были вынуждены с большей или меньшей

³⁰ Примером этого может служить попытка Г.В. Вернадского вступить в заочную дискуссию с А.Н. Насоновым по вопросу о возможной причастности Александра Невского к серии т.н. антиордынских выступлений 1262–1264 гг. (*Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 2011. С. 176–177*).

степенью старания приспособлять свои выводы к положениям марксистско-ленинской концепции исторического развития³¹.

Первую группу исследований составляют специальные работы, посвящённые истории Русской церкви. Часть из них была написана в 20–30-е годы XX в. Однако наиболее яркие исследования приходятся на последние годы советской власти. При всём их сходстве между ними присутствовали и существенные различия.

Содержание работ, изданных в первые два десятилетия строительства социализма, отражало всю гамму эмоций, связанных с постреволюционным отрицанием прежнего историографического опыта. Как и для многих иных произведений этого периода для них характерны крайние идеологические марксистские концепции, построенные на теории непримиримой классовой борьбы. Практически во всех них присутствует острое антиклерикальное звучание.

Основу второй группы составляют работы по истории Золотой Орды, созданные в предвоенное и послевоенное время. В своей основе они сформировались за счет единой и во многом категоричной линии, построенной на рассмотрении истории монгольского нашествия в контексте отражения агрессии. Всё это вписывалось в умонастроения эпохи. Концепция о вражеском окружении советского государства автоматически переносилась на реалии XIII–XIV вв. В результате, история русско-ордынских отношений представляла как непрекращающаяся двухсотлетняя борьба русского народа против «монгольской экспансии».

Третья группа объединяет работы, посвящённые текстологии древнерусских источников. Большинство из них изданы в 70–80-е гг. XX в. На эти же годы приходится введение в широкий научный оборот новгородских берестяных грамот.

Как уже отмечалось, *первая группа* историографических источников охватывает работы, написанные и изданные в разное время. Специфическое содержание исторических работ, написанных в 20 – 30-е годы объяснялось не только революционным пылом авторов. Такая нервная ангажированность публикаций извинялась ещё

³¹ *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 5; *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж, 2013. С. 15–17.

одним обстоятельством: затяжным кризисом университетского образования и закрытием (до 1937–1939 гг.) большинства исторических факультетов³². Созданные в этот период работы по истории церкви отличались своей крайней тенденциозностью и предвзятостью. При всей важности и актуальности задававшихся в исследованиях исторических вопросов, их разрешение плохо вписывалось в общепринятые нормы научной дискуссии. Практически все советские издания тех лет обладали предельной придирчивостью и критичностью. Возникшая ситуация стала возможной не только по политико-идеологическим причинам, но и особенностями методологии исследований, созданных в церковной среде.

Исторические концепции, сложившихся в рамках дореволюционной церковной исторической науки, с научной точки зрения, были архаичны, несовершенны, что делало их уязвимыми для критики. Неоправданные и не подкреплённые домыслы и суждения, приписывание церкви тех возможностей, какими она не обладала, плохая критика источников, тенденциозное отношение к историографии и низведение истории до уровня агиографии служили той питательной почвой, которая позволяла вполне успешно отвергать достижения церковной исторической науки в целом.

Первым, кто обратил внимание на недостатки церкви, был М.Н. Покровский. Его критика нашла своё отражение в кратких, но многочисленных статьях, преследовавших цели идеологической и классовой борьбы³³. Однако даже в кругу советских историков его выводы не нашли полных поддержки и признания³⁴.

³² Позиция современных исследователей по этому вопросу остается неизменной: вся историческая наука 20–30-х гг. безусловно оказалась в кризисном состоянии (*Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3).

³³ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1920; *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Ком. ун-те 3–7 мая 1923 г. Петроград, 1923; *Покровский М.Н.* Марксизм и особенности исторического развития России. Сборник статей. 1922–1925 гг. Л., 1925.

³⁴ Критика в сборниках научных статей современников М.Н. Покровского: Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / Акад. наук

Не менее знаковыми стали работы другого советского исследователя Н.М. Никольского. Основной его труд – «История Русской Церкви», впервые был издан в 1930 г.³⁵ Высказанные в нём суждения в значительной мере возникли под влиянием идей М.Н. Покровского. Правда, работа Н.М. Никольского не копировала, а развивала идеи основоположника советской исторической науки. Его концепции отличались большей проработанностью деталей, глубиной наблюдений и внимательным отношением к поиску доказательств, призванных оправдать научные выводы и мировоззренческие позиции автора. Между тем в церковной среде работу Н.М. Никольского оценивали иначе. А.В. Карташев назвал её «грубой безбожнической "агиткой"»³⁶. Но как бы ни критиковали данную работу в православной и эмигрантской среде, для советских исследователей она стала своего рода образцом, а предположения автора послужили стимулом к критическому осмыслению истории церкви в целом³⁷.

Различные стороны «классовой» и «антифеодальной» борьбы XIII–XIV вв. нашли свое отражение и в более поздних работах 80-х гг. Это объяснялось двумя круглыми датами, выпавшими на 80-е годы: празднование 1500-летия Киева (1982 г.) и 1000-летия крещения Руси (1988 г.). На этом фоне происходит рост исследовательского интереса к истории церковных институтов и их роли в политической жизни Древней Руси. Уже в 1985 г. переиздается работа М.Н. Никольского³⁸. На эти же годы приходится появление моно-

СССР. Ин-т истории; Ред.: Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М., Л., 1939; Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории; Ред.: Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М., Л., 1940. В послевоенное время: *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 98.

³⁵ *Никольский Н.М.* История Русской церкви. М., 1930.

³⁶ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 2001. Т. 1. С. 37.

³⁷ *Клибанов А.И.* От редактора // Русское Православие: веки истории. М., 1989. С. 7.

³⁸ *Никольский Н.М.* История Русской церкви. М., 1985. Затруднительно утверждать, что повторная публикация приурочивалась к грядущим юбилейным событиям. Однако появление этого издания в данные годы не могло быть случайным.

графий А.С. Хорошева, И.С. Борисова³⁹ и разнообразных сборников научных статей. Пожалуй, наиболее известный из них – «Русское православие: Вехи истории», редактором которого стал А.И. Клибанов⁴⁰. Общим для всех них было то, что в условия ордынского господства церковь оценивалась ими как безусловная «колоборационистская» сила, нашедшая в ордынской власти поддержку, способную избавить клир от княжеской «опеки» и обеспечить высшей иерархии безбедное существование⁴¹.

Не менее интересна *вторая группа* исследований. Она представлена комплексом специальных работ по истории Золотой Орды. Высказанные в них идеи и способы разрешения научных задач находились под сильным влиянием концепций, утвердившихся в 30 – 40-е годы. В условиях милитаризованного сознания они формировали у читателей и у историков устойчивое представление о непрекращающейся борьбе русского народа с «западноевропейскими и немецкими крестоносцами» и «монголо-татарским игом».

Наиболее отчётливо подобные умонастроения присутствуют в исследованиях Б.Д. Грекова (1950)⁴². Правда, присутствовали и более сдержанные оценки происходившего на Руси XIII–XIV вв. Такой взвешенный анализ политической ситуации присутствовал в научных подходах А.Н. Насонова (1940)⁴³.

Акцентированное внимание на конфликтной стороне русско-ордынских отношений наблюдается и в более поздних работах. Пример этого – второй том Истории СССР (1966 г.)⁴⁴ и исследова-

³⁹ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986; Борисов И.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988.

⁴⁰ Русское православие: Вехи истории / под ред. Клибанова А.И. М., 1989.

⁴¹ Никольский Н.М. История Русской церкви. М., 1985. С. Никольский Н.М. История Русской церкви. М., 1985. С. 38–78; Русское православие: Вехи истории / под ред. Клибанова А.И. М., 1989. С. 10–70.

⁴² Греков Б.Д. Золотая Орда и Русь // Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., Л., 1950. С. 179–260.

⁴³ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.

⁴⁴ История СССР с древнейших времен и до наших дней. В 12 т. Т.2: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого русского государства / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966.

ния В.Т. Пашуто (1968)⁴⁵. Названия глав и параграфов указанной книги и трудов В.Т. Пашуто вполне отчётливо демонстрируют устойчивость такого подхода в советской науке.

Важным изменением необходимо считать то, что практически все вышеперечисленные исследователи рассматриваемого периода русского средневековья признавали важную роль церкви в развитии русско-ордынских связей и столкновений. При этом во внимание принимались особая внутривосточная ситуация на самих древнерусских территориях, а также культурные и политические влияния со стороны монголов и Орды. Впервые все перечисленные факторы были комплексно исследованы в работах А.Н. Насонова⁴⁶. В его уже упоминавшейся выше монографии «Монголы и Русь», изданной в 1940 г., древнерусская церковь обозначалась как активный участник византийско-ордынских отношений, а место митрополита в связях определялось как главенствующее⁴⁷.

Аналогичные оценки встречаются и в исследовании Б.Д. Грекова. В соответствующей части своего совместного с А.Ю. Якубовским труда, вышедшего в 1950 г. и посвященного отношениям Золотой Орды и Руси, выдающийся советский историк подчеркивал наличие у церкви широких даннических льгот, дарованных ханами. Именно этим, по мнению Б.Д. Грекова, объясняется оказанная церковью поддержка ордынского господства над Русью. Развитие этих идей можно встретить в исследованиях И.У. Будовниц, рассмотревшего конкретные примеры использования церковью своего привилегированного положения⁴⁸.

Важным достижением советской исторической науки стали уже упоминавшиеся исследования В.Т. Пашуто, сумевшего представить

⁴⁵ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 210–227.

⁴⁶ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.

⁴⁷ Там же. С. 9–49.

⁴⁸ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М., 1960.

события монгольского нашествия в контексте общеевропейских военно-политических процессов⁴⁹.

Особый историографический пласт – исследования, создававшиеся в национальных научных центрах. Однако основное внимание данной группы учёных было обращено к вопросам формирования культуры и государств народов, входивших в состав монгольской империи, а также военно-политической системы Золотой Орды⁵⁰. Правда, к сожалению, тема религиозной политики правителей Улуса Джучи по отношению к русской церкви почти не затрагива-

⁴⁹ *Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

⁵⁰ Сказание об Едигее и Тохтамыше / Пер. И.А. Беляева // Протоколы заседаний и сообщения членов закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Асхабад, 1917. С. 1–39; *Худяков М.Г.* Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922; *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань, 1925. С. 71–111; *Вахидов С.Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. № 4. Казань, 1926. С. 82–91; *Ищеригов П.Ф.* Седая старина. Башкирия 1000 лет тому назад // Башкирский краеведческий сборник. №2. Уфа, 1927. С. 71–73; *Кротков А.А.* К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. №5. С. 71–79; *Губайдуллин Г.С.* К вопросу о происхождении татар // ВНОТ. № 8. Казань, 1928. С. 131–142; Татар халык дастаны Идегэй. Нэкий Исэнбэт жыйнамысы // Совет эдэбияты. 1940. № 12. С. 34–82; *Али-Заде А.А.* Борьба Золотой Орды и Государства Ильханов за Азербайджан // Изв. АН Аз. ССР. № 5, 7. Баку, 1946. С. 57–95; *Сафаргалиев М.Г.* Борьба мордовского народа с татарским игом // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1946. №6. С. 147–160; *Калинин Н.Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 96–104; *Сафаргалиев М.Г.* Разгром Большой Орды. (К вопросу освобождения Руси от татарского ига) // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1949. №11. С. 78–96; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. Вып. 11. Саранск, 1960; Борынгы татар эдэбияты. Казань, 1963. 580 с.; *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и-Чингиз-наме», «Таварих-и-Булгария», «Татарские шаджара». Казань, 1972; *Фахрутдинов Р.Г.* Последствия монгольского завоевания в Волжской Булгарии: историография и постановка вопроса // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978. С. 114–125; *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979; Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988; *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989.

лась, либо сводилась к самым общим формулировкам. При том, что в современной общероссийской историографии многие исследования из данной группы не замечаются. Между тем, их появление стало важной вехой в процессе изучения Золотой Орды и связей с её соседями, в том числе Русью.

Отличная от всех точка зрения обнаруживается в исследованиях Л.Н. Гумилева⁵¹. Его труды по проблемам отношения Руси и Орды представляют собой особый сплав философских, этнографических, филологических и источниковедческих концепций. Называя себя «последним евразийцем»⁵², он стал первым, кто поставил под сомнение существование «монголо-татарского гнёта». Ему принадлежит смелая идея, описывающая русско-татарские отношения в качестве взаимовыгодного союза политических и культурных элит Руси и Сарая. В контексте концепции пассионарности такая форма взаимосвязей позволила увидеть в русско-ордынских отношениях сложную, закономерную и исторически оправданную данность. Правда, в среде профессиональных историков идеи Л.Н. Гумилёва чаще всего встречают критику.

Как уже отмечалось, *третью группу* работ составляют исследования источниковедческого характера. Развитие советской исторической науки в области изучения истории древнерусской церковной организации и монгольского господства над Русью поставило ученых перед необходимостью более внимательного изучения источников. Активизация этих работ во многом связана с возникновением Отдела древнерусской литературы института русской литературы АН СССР и деятельностью Д.С. Лихачёва⁵³. Примером этого

⁵¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2008; *Он же*. От Руси к России. М., 2008.

⁵² *Он же*. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Наше наследие. 1991. № 3.

⁵³ Лихачев Д.С. Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 263–264; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. Л., 1949. Т. 7. С. 257–406; Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова). М., 1963; Лихачев Д.С. Вступительная статья / Памятни-

может служить историография работ, посвящённых «Слову о погибели земли русской»⁵⁴. Что касается Д.С. Лихачёва, то при всей спорности некоторых его суждений, он сумел предложить вполне понятные и для его времени успешные методы исследования древнерусских текстов и вложенных в них смыслов⁵⁵.

В эти же годы публикуются первые исследования И.Н. Данилевского⁵⁶, сумевшего пойти значительно далее, чем это мог предложить Д.С. Лихачёв. Правда, основные и наиболее известные работы И.Н. Данилевского вышли в более поздний период.

Не менее знаковыми стали исследования Я.Н. Щапова. Основное его внимание было сосредоточено на детальном изучении древнерусских княжеских уставов и социально-политического положения церкви в древнерусском государстве XI–XV вв. Ему удалось проследить не только формальные, количественные, но и структурные трансформации, происходившие в церкви и приводившие к изменению её положения в жизни древнерусского общества и государства⁵⁷.

ки литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 9–14; *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. Т. 2; С. 48–51; и др.

⁵⁴ *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 78–115; *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 235–244; *Гудзий Н.К.* О «Слове о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 527–545; *Данилов В.В.* «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 132–142; *Колобанов В.А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 442–445; *Лихачев Д.С.* Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М., Л., 1966. С. 92–96; *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»: к 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.

⁵⁵ *Лихачев Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962; *Лихачев Д.С.* Текстология: крат. очерк. М.; Л., 1964.

⁵⁶ *Данилевский И.Н., Проништейн А.П.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986.

⁵⁷ *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972; *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976;

Особую группу составляют работы В.Л. Янина⁵⁸, А.А. Зализняк⁵⁹ и их коллег по истории Новгорода и новгородских берестяных грамот. При том, что само исследование берестяных грамот, несомненно, должно быть отнесено к источниковедению, предложенные учёными реконструкции нравов новгородцев и их жизни могут и даже должны быть отнесены к историографии.

Таким образом, в годы развития советской науки были заложены основы для дальнейшего изучения в области истории церковно-политических связей и русско-ордынских отношений. Тем не менее, определить верхнюю границу «советской историографии» крайне сложно. Это объясняется тем, что влияние «классового» и «марксистского» взглядов «советских» историков, обнаруживавших на Руси XIII–XIV вв. признаки классовой борьбы, монгольского «угнетения» и «ига», продолжают присутствовать и в современных исследованиях, в том числе учебной литературе для вузов⁶⁰. С известной долей условности, можно считать рубежными работы, написанные во время перестройки и общей либерализации 1985–1990-х. Только в эти годы учёные впервые получили возможность отойти от идеологических требований, хотя не редко и пренебрегали этим⁶¹.

Щапов Я.Н. Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X – XII в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 58–61; *Щапов Я.Н.* Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М., 1989.

⁵⁸ *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998; Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В.Л. Янина. М., 2003.

⁵⁹ *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

⁶⁰ *Деревянко А.П., Шабельникова Н.А.* История России: учеб. пособие. М., 2006. С. 56–64; и др.

⁶¹ В этой связи абсолютным образцом подобного нежелания пользоваться свободой мнений, может послужить работы и сборники, вышедшие в издательстве политической литературы. Например, сборник под редакцией А.И. Клибанова: Русское православие: вехи истории / под ред. А.И. Клибанова. М., 1989.

Современная историография. Постсоветский период изучения история Золотой Орды во многом обусловлен изменениями в политической сфере, способствовавшими возникновению целого ряда независимых друг от друга и вместе с тем взаимосвязанных центров по изучению Золотой Орды⁶². Рассматриваемый этап отличается плюрализмом мнений, расширением проблематики и возникновением открытых дискуссий по темам, которые ранее были «закрыты» и не предполагали обсуждения даже в научной среде. Результатом этого стало значительное увеличение объёма исследований, посвящённых изучению истории Золотой Орды, её внутреннего устройства, внешнеполитических связей, историко-культурного и политического наследия⁶³.

Как указывалось выше, причины повышенного внимания к золотоордынской тематике на постсоветском пространстве, как и в национальных республиках Российской Федерации, во многом объяснялись процессами суверенизации регионов. Рост национального самосознания рождал потребность в установлении своих культурных корней, в переосмыслении и воссоздании собственной истории, призванной вписать прошлое тех или иных народов и территорий в общемировые процессы. Прежний, советский подход, отводил регионам и их научно-преподавательским корпорациям лишь краеведче-

⁶² В настоящее время исследования Золотой Орды проводятся не только в Москве, Санкт-Петербурге и Казани, но и в Кургане, Улан-Удэ, Уфе, Ижевске, Саратове, Воронеже, Киеве. Важным достижением стало появление в 2003 г. Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. В основу принципов работы отдела были положены принципы научной дискуссии, призванной не только аккумулировать результаты работы различных исследователей, но и стимулировать развитие исследований на самых разнообразных направлениях (*Миргалеев И.М.* Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ: итоги и перспективы исследований // Научный Татарстан. 2011. №3. С. 59–61).

⁶³ Обозначенная особенность была отмечена в диссертации Е.В. Нолева (*Нолев Е.В.* Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): дисс. к.и.н. Улан-Удэ, 2013). Однако, наиболее наглядно трансформации прослеживаются в библиографическом обзоре, осуществлённом И.М. Миргалеевым (Золотая Орда: библиографический указатель / авт.-сост. *И.М. Миргалеев.* Казань, 2013).

ские задачи. Написание работ по темам общесоюзного или общероссийского звучания, напротив, рассматривалось в качестве исключительного, хотя и неформального, права московских и ленинградских исследователей. Сегодня ситуация изменилась. В связи с общей либерализацией науки у учёных появилась возможность свободного обращения к вопросам и проблемам безотносительно их места основной службы.

Как уже отмечалось, количество работ современных авторов по истории Золотой Орды настолько велико, что отследить литературу становится крайне сложно. В связи с этим, целесообразно выделить три основные группы историографических источников: диссертационные исследования, монографии и широкий пласт разнообразных статей, представленных в тематических сборниках, в материалах многочисленных конференций и в специализированных журналах.

Диссертационные исследования представляют существенный объем научных текстов. Значительная часть их посвящена военно-политической деятельности Золотой Орды⁶⁴, в том числе устройству системы государственного управления, включая институты власти, действовавшие на Руси⁶⁵. Не менее успешно разрешены вопро-

⁶⁴ *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.: дисс. д.и.н. СПб., 1999; *Мыськов Е.П.* Золотая Орда в XIII – начале XIV в.: политический аспект: дисс. к.и.н. Волгоград, 2000; *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода Токтамышя: дисс. к.и.н. Казань, 2002; *Сусенков Е.И.* Русско-монгольская война: 1237 –1241 гг.: дисс. к.и.н. Томск, 2003; *Воронцов И.А.* Организация военного дела Золотой Орды: по материалам Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. Волгоград, 2006; *Гавриленко А.Ю.* Эволюция государственности на Руси в период монголо-татарского ига и проблемы зарождения централизованного Московского государства: Историко-правовое исследование: дисс. к.и.н. СПб., 2006; *Порсин А.А.* Политическая деятельность Ногай в Золотой Орде: дисс. к.и.н. Курган, 2010; *Гартман А.В.* Хронология похода Батыя на Северную Русь: дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2010; *Иньков С.В.* Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв.: историко-правовой аспект: дисс. к.ю.н. СПб., 2010; *Петров С.А.* Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой: дисс. к.и.н. Белгород, 2011.

⁶⁵ *Рудаков В.Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV века: эволюция представлений, сюжетов и образов: дисс. к.ф.н. М., 1999; *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды: Историко-

сы исследования в области археологии⁶⁶. Правда, при этом исследовании по археологии городов Улуса Джучи, почти не обращают внимание на поиск следов организованной религиозной жизни христиан на территории золотоордынских поселений⁶⁷. Что касается работ, посвящённых изучению церковных институтов этого времени, то их количество невелико⁶⁸. При этом затрагиваемые в них вопросы и темы во многом пересекаются и охватывают лишь комплекс общих проблем высшего церковного управления. Это позволяет выстроить общую перспективу развития митрополичьей власти на Руси XIII–XIV вв., но не разрешает затруднения по частным вопросам властных полномочий митрополитов, принципов управления русской церковью, церковной экономики, организации монашества и мирского духовенства, епархиального управления.

Вторая группа представлена *монографиями*. Спектр затрагиваемых в них тем разнообразен и охватывает проблемы устройства

правовое исследование: дисс. к.ю.н. СПб., 2006; *Никитин А.Н.* Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси: дисс. к.и.н. М., 2006; *Назипов И.И.* Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды: дисс. к.и.н. Ижевск, 2011; *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (орды): дисс. д.и.н. Воронеж, 2014; *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью: баскаки, даруги, послы: дисс. к.и.н. М., 2015.

⁶⁶ Полубояринова М. Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009. С. 379–392

⁶⁷ *Блохин В.Г.* Градостроительные традиции Золотой Орды: на материалах Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. Волгоград, 2001; *Ильина О.А.* Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. Волгоград, 2006; *Рудаков В.Г.* Селитренное городище: хронология и топография: дисс. к.и.н. М., 2007; *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья: дисс. д.и.н. Ижевск, 2011; *Зилишинская Э.Д.* Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: дисс. к.и.н. М., 2012;

⁶⁸ *Сочнев Ю.В.* Русская церковь и Золотая Орда: дисс. к.и.н. М., 1992; *Малышев А.Б.* Христианство в истории Золотой Орды: дисс. к.и.н. Саратов, 2000; *Белозеров И.В.* Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв.: дисс. к.и.н. М., 2002; *Соколов Р.А.* Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв.: дисс. к.и.н. СПб., 2006; *Васильев Д.В.* Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи: к вопросу об исламизации населения Золотой Орды: дисс. к.и.н. Казань, 2007.

и политико-правового регулирования жизни монгольской империи и Золотой Орды⁶⁹, вопросы русско-ордынских связей⁷⁰, многочисленные аспекты истории противостояния монголам Галицко-Волынского княжества⁷¹, некоторые стороны церковно-ордынских отношений⁷². Не менее интересны работы посвященные персоналиям (личности Александра Ярославовича Невского и правителей Золотой Орды), а также отдельным моментам развития церковной организации изучаемого периода и предшествующего ему времени⁷³.

⁶⁹ *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2009; *Он же.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015.

⁷⁰ *Гольженков И.* Битва на Калке 31 мая 1223 г. М., 1994; *Селезнёв Ю.В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV вв. Справочник. М., 2010; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2016; *Он же.* Русское Средневековье. М., 2010; *Он же.* Средневековая Русь. О чём говорят источники. М., 2016; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015; *Он же.* Русская средневековая государственность. СПб., 2008; *Похлёбкин В.В.* Татары и Русь. М., 2000; *Сусенков В.И.* Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). Томск, 2003; *Хрусталеv Д.Г.* Русь от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.). СПб., 2008; *Хрусталеv Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013.

⁷¹ *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: очерки социально-экономических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003; *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий: документаное повествование. СПб., 2008.

⁷² *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; *Соколов Р.А.* Русская церковь и монголы. Очерки социально-политической истории второй половины XIII – первой половины XIV в. Нью-Йорк, 2008; *Соколов Р.А.* Русская церковь в XIII – начале XV в. // Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 91–240; *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. / Под научной ред. Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010.

⁷³ *Иоханес Раймер.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Германия, 1996; *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб., 2010; *Мусин А.Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005; *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие: монография М., 2014; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX –

Также значителен пласт работ по истории становления и развития Золотой Орды, ее наследия как в военно-политическом, так и административно-правовом отношении⁷⁴.

Третья группа историографических источников, наиболее многочисленная, представлена *статьями, опубликованными в сборниках, в журналах, и в материалах конференций*. Представленные в них темы практически полностью повторяют комплекс проблем, рассматриваемых в монографиях и диссертациях. Общей закономерностью можно считать то, что наибольшее внимание к аспектам церковной истории проявляют светские лица, в то время как для самих церковных научных и образовательных корпораций темы русского средневековья и ордынских связей не представляют инте-

начала XIII столетия. СПб., 1992; *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009; *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории Русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Ч. 1. Казань; Набережные Челны, 2008. *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001; *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. *Толочко А.П.* «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов) / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991; *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998; *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.). СПб., 1996. Т. 1; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009; *Сочнев Ю.В.* Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой Орды // История в подробностях, 2013. №8 (38). С. 72–79.

⁷⁴ *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001; *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010; *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010; *Еникеев Г.Р.* *Шихаб Китапчы*. Наследие татар. М., 2012; *Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж, 2013; *Камалов И.Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань, 2016.

реса. Наличие традиционных для церковной историографии штампов, присутствует в работах В.И. Петрушко, А.А. Трапезникова И наиболее наглядно подтверждает существующее положение дел⁷⁵.

Что касается различных сборников и специализированных журналов, то особо стоит выделить журналы «Золотоордынское обозрение»⁷⁶, нумизматический ежегодник⁷⁷ и периодические сборники материалов конференций, посвященных вопросам изучения Золотой Орды и русско-ордынских связей («Золотоордынская цивилизация»)⁷⁸. Не меньший интерес к ордынскому периоду истории Руси присутствует в публикациях Санкт-Петербургского журнала «Rossica Antiqua»⁷⁹. Общей особенностью этих изданий можно считать не только спектр рассматриваемых ими проблем, но и высокое качество исследований. Однако вопросы современной историографии по золотоордынской проблематике и русско-ордынским отношениям заслуживают отдельного диссертационного исследования, что выходит за рамки научных интересов данной работы.

Современная зарубежная историография. Сравнительно небольшой, но не менее интересный пласт работ представляет зарубежная исследовательская литература. Принимая во внимание, что украинские и иные научные школы на постсоветском пространстве тесно связаны с российской наукой, их традиции близки и ещё во многом едины, наибольший интерес вызывают англоязычные ис-

⁷⁵ Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособ. М., 2007; Трапезников А.А. Православие в России и предстоятели церкви. М., 2010.

⁷⁶ Научный журнал Золотоордынское обозрение, главное периодическое издание Института истории им. Ш. Марджани АН РТ на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]: URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=50745 (дата обращения 17.06.16).

⁷⁷ Научный журнал «Нумизматика Золотой Орды» на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=48783 (дата обращения 17.06.16).

⁷⁸ Научный журнал «Золотоордынская цивилизация» на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32091 (дата обращения 17.06.16).

⁷⁹ Научный журнал «Rossica Antiqua» на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]: URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32732 (дата обращения 17.06.16).

следования. Исключая уже упомянутые ранее постсоветские работы, зарубежные работы охватывают ряд важнейших проблем изучаемого периода. Имея близкие с российской наукой позиции, но формируясь в более открытом для дискуссии обществе исследования американских, британских, восточноевропейских и японских⁸⁰ авторов отличаются большей свободой своих оценок и мнений.

При том, что работы зарубежных авторов охватывают широкий круг проблем по истории Золотой Орды, Руси и христианских институтов XIII–XIV вв. Наибольшее внимание учёных обращено на те стороны, которые связаны с историей Европы и нередко, как это в случае В. Чрзановски⁸¹ сосредоточены на истории своих национальных государств. Более того, детально исследована деятельность католических миссий⁸² и вопросы дипломатических отношений

⁸⁰ Работы японских исследователей во многом определены их интересами относительно собственной истории противостояния с китайской империей: *Kawaguchi T.* Kipuchaku sōgen to roshia [Dasht-i Qipchāq and Russia], Iwanami kōza sekai rekishi, 11, chū'ō yūrashia no tōgō: 9–16 seiki [Iwanami Lectures on the World History, vol. 11, Unification of Central Eurasia: 9–16th centuries]. Tokyo, 1997. P. 275–302; *Kawaguchi T.* Jochi urusu ni okeru konkurato buzoku [The Qongirat Tribe in Ulūsi Jūchī], Posuto mongoruki ni okeru ajia shotēkoku ni kansuru sōgōteki kenkyū [Study on Asian Empires in the Post-Mongol Period]. Tokyo, 2002. P. 75–92; *Nagamine H.* “Kazaku han koku” keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara “kazaku han koku” he [Rethinking the Foundation of the “Qazaq Khanate”: From the Left Hand of the Ulūsi Jūchī to the “Qazaq Khanate”]. Toyō gaku hō [The Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90. No. 4, 2009. P. 1–26.

⁸¹ *Chrzanowski Witold.* Wojna tatarska: Najazd mongolski na Polska, 1241 r. Krakow, 2006.

⁸² *Rogers G.S.* An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe // *East European Quarterly*. Vol. 30/1996. P. 3–26; *Muldoon J.* Missionaries and the Marriages of Infidels: The Case of the Mongol Mission // *Travellers, Intellectuals, and the World beyond Medieval Europe* / J. Muldoon (ed.). Farnham, 2010. P. 229–246; *Jakson P.* Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255) // *The Cambridge Companion to Francis of Assisi* / M.J. Robson (ed.). Cambridge, 2012. P. 224–239.

монголов с Польшей, Литвой и Германией⁸³. Не менее внимательно проанализированы венгерским исследователем И. Вашари влияния «татар» на культурные и политические процессы Руси, европейских и тюркских государств⁸⁴. Не меньше информативны и содержательны труды английского учёного Д. Островски, попытавшегося выявить взаимные влияния Москвы и Золотой Орды⁸⁵. Вместе с этим зарубежными авторами рассмотрены вопросы политического управления и военной организации Золотой Орды⁸⁶, а также вопросы культурного наследия золотоордынской культуры⁸⁷.

⁸³ *Hall M.* Essence of Mongol-Christian Diplomacy in the 13th Century // Paper Presented at the Annual Meeting of the ISA's 50th Annual Convention: "Exploring the Past, Anticipating the Future" (2009). P. 1–10.

⁸⁴ *Vasary I.* Clans of Tatar descent in the Muscovite elite of the 14th–16th centuries // *The Place of Russia in Eurasia*. Edited by Gyula Szvák (*Books for Russian Studies IX*). Budapest, 2001. P. 101–113; *Vasary I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005. XVI; *Vasary I.* Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries. (Variorum Collected Studies Series) x. Ashgate Publishing Ltd.: Aldershot, Hampshire Burlington, 2007; *Vasary I.* The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources // *Acta Orientalia Hungarica*, lxi (2008). P. 365–372.

⁸⁵ *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. XVI; *Ostrowski D.* The "tamma" and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 61. No. 2. 1998. P. 262–277; *Ostrowski D.* Moscow and Mongols. Cambridge, 2000. Peter Jackson. The Mongols and Europe. / *The New Cambridge Medieval History*, vol 5: c. 1198–1300, ed. David Abulafia. Cambridge, 1999. P. 703–719; *Ostrowski D.* The mongols and Rus': eight paradigms // *A Companion to Russian History*. Malden., Oxford, 2009. P. 66–86.

⁸⁶ *Hartog Leo de.* Russia and the Mongol Yoke: The history of the Russ. Principalitie and the Golden Horde, 1221–1502. London, 1996. XII; *Buell Paul D.* Historical dictionary of the Mongol world empire / Paul D. Buell. Lanham, Md., 2003; *May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Yardley, 2007; *Broadbridge Anne F.* Kingship and ideology in the Islamic and Mongol worlds. Cambridge; New York, 2008;

⁸⁷ *Allsen Th.T.* Commodity and exchange in the Mongol Empire: a cultural history of Islamic textiles. New York, 1997; *Allsen Th.T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001; Baski Imre. Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) // *Tătarii în istorie și în lume*. Coordonator Tahsin Cemil.

Таким образом, значительная часть проблем исследования истории Орды и церковных институтов XIII–XIV вв. может считаться разрешённой. В значительной мере, реконструирована система высшего управления Золотой Орды, уточнены многие стороны церковно-ордынских отношений, изучена деятельность церковных институтов этого периода.

Между тем, вопросы деятельности митрополитов в контексте русско и церковно-ордынских связей к сожалению не получили полного разрешения. Тем не менее, результаты научной деятельности исследователей таковы что, позволяют разрешить вопросы митрополичьего управления и места киевских первосвященников в русско-ордынских связях первых десятилетий монгольского господства на Руси.

Bucuresti, 2003. P. 39–66; *Don Lessem*. Genghis Khan: the exhibition. Media, PA: Dino Don, Inc., 2009; *Peleggi M.* Shifting Alterity: The Mongols in the Visual and Literary Culture of the Late Middle Ages // *Travellers, Intellectuals, and the World beyond Medieval Europe* / J. Muldoon (ed.). Farnham, 2010. P. 311–330.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Проведенное исследование основывается на комплексе источников по истории русско-монгольской войны, Улуса Джучи, церковно-ордынских отношений и деятельности древнерусской церкви в XIII веке. Корпус привлечённых к работе памятников обширен и охватывает различные виды письменных и археологических свидетельств. Все они опубликованы в авторитетных и широко употребляемых в научной среде изданиях.

В результате можно выделить несколько групп источников. В-первых, это нарративные источники, представленные древнерусскими повестями, летописными сводами, зарубежными хрониками. Во-вторых, это эпистолярные источники: послания и письма. В-третьих, это агиографические сочинения. В-четвертых, законодательные и канонические акты, исходившие от представителей княжеского рода, ордынской администрации или создававшиеся внутри церковной организации в изучаемый период. Несомненно, еще одним немаловажным источником являются иконографические материалы и опубликованные результаты археологических исследований. Все они позволяют разрешить комплекс исследовательских задач: уточнить отдельные аспекты деятельности русских и монгольских властей, выявить динамику развития церковной организации в исследуемый период и определить место киевского митрополита в системе русско- и церковно-ордынских отношений.

Нарративные источники. Важнейшим источником, сообщаемым о состоянии церковной организации в домонгольский период, в годы монгольского нашествия и последующие десятилетия является древнерусское летописание. Немаловажным нарративным материалом по изучению образов участников событий XIII вв. является и древнерусская литература: повести и слова. Не меньшую ценность для настоящего исследования представляют западно и восточно-европейские памятники, главным образом, хроники и анналы.

Объем древнерусского летописания включает комплекс местных и общерусских сводов. Данный круг в основном определяется временем их создания. Это наиболее ранние летописи: Лаврентьев-

ская летопись¹, включённое в Ипатьевский свод Галицко-волинское летописание² и Новгородская первая летопись старшего извода³.

Наиболее употребляемой можно считать Лаврентьевскую летопись. Я.С. Лурье полагал, что свод сформировался к 1305 г.⁴ Выдвинутое ученым предположение о ростовских включениях 80-х годов XIII века, скорее всего, исходит из более раннего утверждения Д.С. Лихачева⁵. При этом, существует мнение, что Суздальские записи по Лаврентьевскому списку, в том числе описание Батыевого нашествия, представляют собой личную интерпретацию событий самого монаха Лаврентия и таким образом могут быть отнесены к 1377 году⁶. В итоге, не смотря на обилие мнений о времени появления памятника⁷, тексты большинства сообщений Суздальской летописи относятся к началу XIV в.

¹ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001.

² ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001.

³ ПСРЛ. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 2001.

⁴ Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 50–67; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 17–36; Лурье Я.С. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 241–245.

⁵ Лихачев Д.С. Русская летопись и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 282.

⁶ Комарович В.Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 27–57; Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974, Т. 28. С. 77–98.

⁷ О датировке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: Борковский В.И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. М., 1931. С. 2; Тихомиров И.А. О Лаврентьевской летописи // Журнал Министерства народного просвещения, 1884, октябрь, отд. 2, С. 240–270; Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения, 1900, ноябрь, отд. 2, С. 149–151; Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938, С. 9–68, 123–124, 228–230, 365; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, С. 147–168; Насонов А.Н. История летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 80–225; Fennell J.L.I. The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the XIII-th – XV-th Centuries. Russia Mediaevalis, München, 1977, t. 3, P. 41–60; Fen-

Не менее значимо Галицко-Волынское летописание. Проблема его появления вызвала жаркую научную дискуссию. По мнению Н.Ф. Котляра, Галицко-волынская княжеская летопись, включенная в Ипатьевский список, и внутренне разделенная на Галицкую и Волынскую части, сформировалась в дошедшем до нас виде в 1264 и 1290 гг. соответственно⁸.

Несомненную научную ценность для данного исследования представляет Новгородская первая летопись старшего извода. А.А. Шахматов относил её появление к XIV в., а временем окончательного её формирования выдающийся исследователь считал 1330 год⁹. Подобного мнения придерживается и Б.М. Клосс. Правда, при этом он замечает, что записи, посвященные второй половине XIII века, были заменены в первой половине XIV в. из-за обострившегося московско-тверского противостояния¹⁰.

Все названные своды, дошли до нас в списках первой трети – второй половине XIV в. и содержат сообщения, позволяющие реконструировать состояние церковной организации, как до монголь-

nell J.L.I. The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources. In: Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln; Wien, 1977, P. 34–46.

⁸ *Котляр Н.Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные особенности Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 30–60. Более ранние изыскания по датировке Галицко-волынской летописи: *Фирсов Н.Н.* Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи. Казань, 1891; *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С.69–118; *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия отдела русского языка и словесности Академии Наук. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126; *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании / ТОДРЛ. Т. 5. 1947. С. 15–24; *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. №12. 1941. С. 228–253; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 176–267; *Паушто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

⁹ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 128–132

¹⁰ *Клосс Б.М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 245–247. Также о времени создания Новгородской первой летописи: *Троицкий И.М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи // Известия АН

ского вторжения, так и в изучаемый нами период. Особенно интересен пласт летописных сюжетов, связанных с описанием монгольского нашествия и последствий золотоордынского господства в княжествах северо-восточной и южной Руси, а также в Новгороде соответственно.

Особенность перечисленных сводов, окончательно сформировавшихся на рубеже XIV века, состоит в том, что доносящиеся ими известия сохранили в себе явные следы редакторской работы, обусловленной влияниями времени, интересами церкви и княжеского рода¹¹. Создаётся впечатление, что, выправляя сообщения об обстоятельствах русско-монгольской войны и последующих событиях, ещё свежих в памяти древнерусских элит (а именно на них было рассчитано летописание¹²), высшая церковная иерархия ещё не могла в пол-

СССР, VII сер. отд. обществ. наук, 1933. № 5. С. 337–362; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 197–215; *Подвигина Н.Л.* К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ, 1966. Сер. 9. История, № 1. С. 67–75.

¹¹ Предположительно, основная часть повествования галицко-волинской летописи, относящаяся к 1205–1250 гг., являлась целостным произведением автора близкого к окружению галицкого князю Даниила Романовича (*Котляр Н.Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные особенности Галицко-Волинской летописи // Галицко-Волинская летопись. СПб., 2005. С. 30–60). В.Т. Пашуго убедительно доказал, что в дошедшем до нас тексте летописи присутствовал ряд вставок, целью которых являлось увеличение роли Василька в событиях вышеназванных лет (*Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М.; Л., 1950. С. 106–108). Сходное мнение относительно галицко-волинской летописи: *Робинсон А.Н.* Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 99.

¹² С.А. Богуславский поддержал мнение А.А. Шахматова высказавшегося за то, что древнерусские летописи были подвержены интересам княжеской среды (*Богуславский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006. С. 56). Схожее мнение представлено в работе И.У. Будовниц (*Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М., 1960. С. 295). При этом, известный специалист книжной культуры И.В. Лёвочкин отмечал, что сами книги не были неотъемлемой частью крестьянского или ремесленного быта, но были необходимым элементом церковной или княжеской жизни (*Лёвочкин И.В.* Очерки по истории русской рукописной книги XI–XIII вв.: монография. М., 2009. С.126). Вместе с тем,

ной мере «переписать» историю, придав действиям своих пастырей едва ли не религиозно-эпическое звучание¹³, как это произошло в более позднее время. Пока же она только стремилась представить себя в более выгодном свете через умолчания и осторожные формулировки. Так, сохранив лояльность к Орде, она, скорее всего, желала если и не скрыть, то, по меньшей мере, сгладить или затушевать свою специфическую позицию в русско-ордынских отношениях.

При анализе церковно-ордынских отношений также были использованы более поздние летописи: Никоновская (Патриаршая) летопись¹⁴, Степенная книга¹⁵, Русский хронограф¹⁶, свод Владимир-

по мнению И.Н. Данилевского цели написания летописей и круг их читателей остается загадкой (*Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов.* М., 2004. С. 84–86). Обобщая гипотезы о конечном потребителе летописей, можно констатировать, что тексты скорее предназначались для узкого круга читателей, включавшего княжескую семью и древнерусскую церковную элиту. Подробнее: *Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.* М., Л., 1947. С. 71, 97; *Творогов О.В. Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение сюжетного повествования в древнерус. лит. Л., 1970. С. 31–66; Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли.* М., 1978 С. 143; *Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985 Т. 40. С. 204; Килунов А.Ф. К вопросу о морализме древнерусской летописи // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья: Историко-философские очерки.* Киев, 1988. С. 141–146; *Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы.* М., 1958. С.45; *Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи // журнал ФИПП. 1998. №1. С. 9; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.* СПб., 1996. С. 61, 71, 73, 80.

¹³ В древнерусском летописании особенно в более поздних летописях текст обладает апологетическим звучанием нередко призвано оправдать участников тех или иных. В целом такое апологетическое звучание является одной из черт христианского сознания книжника (*Робинсон А.Н. Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.* М., 1980. С. 41, 103).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000; ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000; ПСРЛ. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2001.

ский летописец¹⁷, Ермолинская¹⁸ и Типографская летописи¹⁹. Их использование способствовало заполнению пробелов, встречающиеся в древнерусских летописях XIV века²⁰. Однако по-прежнему не утратила свою актуальность критика сведений, содержащихся в этих сводах. В ряде случаев, записи поздних летописей включают в себя существенные дополнения не известные для более ранних сводов, внося путаницу и ставя под сомнение достоверность таких сообщений. Примером подобного можно считать записи о взятии монголами Киева²¹.

Субъективные и тенденциозные по своему характеру²², отстоящие на столетия от описываемых событий, записи сводов XVI века интересны и в ином. Это важный источник, доносящий оценки потомками действий своих пращуров. Применительно к исследуемой эпохе это оценка поступков святителей и князей, оказавшихся в сложных обстоятельствах монгольского вторжения и его последствий. Если в раннем русском летописании первые десятилетия монгольского господства на Руси рассматриваются как божественное испытание, а действия современников оцениваются через призму их готовности принять благое Христово иго постигшего, то в поздних летописях присутствует отличное отношение к описываемым событиям. Образ святой Руси для них ассоциировался уже не с Израилем

¹⁵ ПСРЛ. Т. 21. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2001.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 22: Русский хронограф. М., 2001.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2001.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. М., 2001.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. М., 2001.

²⁰ Тверской летописец уже знал откуда пришли татары на рязанскую землю в 1237 г. и кого они собой представляли: ПСРЛ. Т. 15. С. 365–366. Более подробно описано падение Владимира: ПСРЛ. Т. 10 С. 107–109.

²¹ Записи Никоновской летописи посвященных взятию Батыем Киева повествуют о после Менгучаке, которого ранее летописцы XIII в. не замечали (ПСРЛ. Т. 10. С. 115–116). Поздняя вставка скорее всего преследует своей целью показать религиозную стойкость Михаила Всеволодовича перед соблазном сдать хану. Ради сохранения города, великий князь не стал жертвовать своей христианской верой.

²² Характерная проблематика в изучении летописных сводов в целом: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 3–16.

и Иерусалимом²³, а с усиливающимся родом московских князей. Действиям правителей Руси уже не нужны оправдания и в итоге им приписывается далёкая от действительности готовность до последнего противостоять монголам и Орде.

Не менее примечательно, что даже в поздних летописях отсутствуют образы святителей, благословляющих защитников русских городов и разделяющих со своей паствой трудности времени. Если не считать описаний смерти святителя Митрофана Владимирского, то и раннее русское летописание, а с ним и современники трагедии, не знали подобных примеров. Тем не менее, тексты сводов XVI века ценны при анализе определенных обстоятельств деятельности архиереев XIV века. Например, их использование оправдано при рассмотрении проблем, связанных с ростом церковной социально-политической, канонической, административной и экономической самостоятельности. При сопоставлении с сообщениями раннего русского летописаний известия поздних сводов позволяют увидеть перспективу развития церковных институтов и их социального и каноническо-правового самосознания. Именно в данном контексте были применены сообщения летописей XVI–XVII вв.

Важно отметить, что весь комплекс летописных сводов был хорошо исследован как в дореволюционных трудах, так и в современных работах. Исследованию были подвергнуты как сами летописные тексты, так и запечатлённые в их сообщениях сюжеты. Огромная заслуга в изучении этой группы источников, безусловно, принадлежит А.А. Шахматову, В.Т. Пашуто, Д.С. Лихачеву, Б.М. Клоссу, И.Н. Данилевскому, Риккардо Пиккио, А.А. Горскому, В.Н. Рудакову и иным, главным образом, современным исследователям²⁴. В общем

²³ Данилевский И.Н. Загадки «Русьской земли» // Знание – сила. 1997. №11. С. 99–109.

²⁴ Наиболее крупными работами необходимо считать: Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л.: Институт истории, 1950; Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Т. 2. Л., 1987; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1956; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; Рудаков В.Н. Монголо-татары

объеме трудов перечисленных авторов выделяются исследования, посвящённые изучению повестей о монгольском нашествии²⁵.

Наряду с летописями важное значение для реконструкции места церкви и её первоиерарха в событиях первой трети и конца XIII в. важное значение имеет ряд повестей и Слов, написанных по следам драматических событий, связанных с монгольским вторжением и его последствиями²⁶. Сохранённые в этой группе источники образы событий и их участников ценны и имеют безусловную научную значимость. Это своего рода рефлексия постигшего Русь бедствия. Пожалуй, наиболее рельефно это осмысление произошедшего присутствует в «Слове о погибели земли русской», в поучении и словах Серапиона владимирского, а также в описании падения Рязани²⁷.

При работе над исследованием были использованы древнерусские летописные своды, реконструированные в результате работы археографической комиссии и опубликованные в книжной серии

глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009; *Горский А.А.* Средневековая Русь. О чём говорят источники. М., 2016.

²⁵ *Клосс Б.М.* В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 5–13; *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли»: К 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38; *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М., 2002. С. 110–112; *Майоров А.В.* Повесть о вторжении Батые в Ипатьевской летописи // ROSSICA ANTIQUA. СПб., 2012. Вып. 1. С. 33–94; *Рудаков В.Н.* Ордынское иго: термин, восприятие, реальность // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сб. статей / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 122–144.

²⁶ Слово о перенесении мощей святителя Николая // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / науч. ред. А.В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2. С. 555–557. Съказание чуд[е]сь с[вя]тотоу страсотъльцю х[ристо]воу Рамана и Двда // Успенский сборник XII–XIII вв. / сост. О.А. Князевская и др.; под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 58–71.

²⁷ Слово о погибели Русской земли // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 27; Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 51–60; Наставление тверского епископа Семена // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 306; Поучения и слова Серапиона, епископа Владимирского // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 308–316.

издательства «Языки русской культуры». На сегодня – это не только самое широко употребляемое в научной среде, но и наиболее авторитетное в исследовательской среде издание русских летописей.

Древнерусские повести и слова также цитировались по недавно вышедшему академическому изданию «Памятники общественной мысли Древней Руси» под редакцией И.Н. Данилевского²⁸. В отличие от публикаций Пушкинского дома ИРЛИ РАН под редакцией Д.С. Лихачёва²⁹, на этот момент ещё не утратившего своего значения, перевод осуществлённый И.Н. Данилевским, обладает несомненно большей точностью, исправляет ошибки, допущенные в публикациях Пушкинского дома, и сопровождается более широким и вместе с тем более глубоким текстологическим комментарием.

Как уже было отмечено, корпус нарративных источников не может быть полным без учёта западноевропейских, южнославянских и византийских текстов. Это связано не только с тем, что южные и западные соседи Руси в полной мере испытали на себе мощь монгольских орд, но и потому что, имея широкие связи с древнерусскими землями, они сохранили бесценные воспоминания о событиях военно-политической и религиозной жизни, о которых древнерусские летописи по каким-то причинам предпочитали умалчивать. Не менее интересны и сохранённые в рассматриваемой группе источников оценки событий XIII в, разворачивавшихся на евразийском пространстве в целом и на Руси в частности. Для европейцев Русь была ещё частью Европы, её далёкой границей, отделяющей Европу от неведомых народов и исходивших от них угроз. К тому же при всей своей тенденциозности взгляд европейцев и византийцев не был «замутнён» интересами, присутствовавшими в

²⁸ Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М., 2010.

²⁹ Комментарии И.Н. Данилевского: Комментарии // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 337–339; 339–364; 365–376; 382–386; 667–669; 669–676. Комментарии Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева, ср.: Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1997. Т. 5: XIII век.

церковной и княжеско-боярской среде русских земель. В какой-то мере взгляд европейцев – это взгляд со стороны.

Наиболее значимыми для данного исследования видятся западно- и восточноевропейские источники, а также южнославянская Хорватская хроника³⁰. При этом польские, венгерские и западноевропейские хроники в контексте предпринятого исследования обладают наибольшей информативностью. Эта группа текстов включает «Великую хронику» о Польше, Руси и их соседях XII–XIII вв.³¹, Анналы Бертонского монастыря (конец XIII в.)³², «Великая хроника» Матфея Парижского³³, «Горестную песнь о разорении Венгерского королевства татарами»³⁴, хронику нотариуса Риккардо из Сан Джермано³⁵, «Второе продолжение» (аналов Мелька) Клостернойбурга³⁶. Значительным памятником истории и литературы являются заметки, оставленные папским легатом и невольным путешественником в земли монголов Джованни дель Плано Карпини³⁷.

³⁰ *Klaic Viekoslav. Poviesti Hrvata. Zagreb, 1899.*

³¹ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XII–XIII вв.: (перевод и комментарии) / под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М., 1987.

³² Анналы Бертонского монастыря (конец XIII в.) // *Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий.* М., 1979. С. 177–189.

³³ *Матфей Парижский* (ок. 1200–1259). «Великая хроника» // *Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий.* М., 1979. С. 107–172. Ценность заключается не только в передаче событий, произошедших в восточной Европе, но и в составе «Великой хроники», содержащей в себе подробные описания I Лионского собора 1245 года.

³⁴ *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. Досаев А.С. СПб., 2012.

³⁵ Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано // *Хаутала Роман.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. С. 131–133.

³⁶ Краткое упоминание битвы на Калке во «Втором продолжении (анналов Мелька) Клостернойбурга» // *Хаутала Роман.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. С. 133–134.

³⁷ *Иоанн дель Плано Карпини.* История Монгалов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / перевод А.И.Малеина. СПб., 1911.

Как ни странно, но именно зарубежные источники позволяют воссоздать внутрицерковную ситуацию на Руси и выявить присутствовавшие в кругу древнерусских церковно-политических элит настроения в отношении перспектив отношений с Европой и монголами. Например, в своём своеобразном отчете для папской канцелярии Плато Карпини отразил не только личные, не лишённые эмоциональности, впечатления относительно территорий, по которым он путешествовал или о которых был наслышан от местных жителей, но и о страхах галицких князей и епископата относительно их будущего.

Не меньшей научной ценностью обладают византийские источники. Для предпринятого исследования важнейшие из них – «Алексиада»³⁸, и «Хронография» Михаила Пселла³⁹. Их свидетельства не только проливают свет на внутринарусские отношения и взаимосвязи Руси и монголов, но и позволяют посмотреть на развивающиеся просторах Восточной Европы XIII в. события извне, на основе иных культурных ценностей и стереотипов. В исследовании были использованы академические переводы этих источников, выполненные под руководством М.В. Бибикова⁴⁰. Несомненно, весьма интересными, но заслуживающими более тщательного изучения, являются византийские хроники из комплекса «*Chronica Breviora*», раскрывающие отдельные аспекты времени золотоордынского господства на подвластных территориях, и татарском влиянии в целом, часть которых переведены Александром Николовым и представлены в его исследовании⁴¹.

Ранние известия о «татарах» в исследовании были представлены краткими выдержками из восточноевропейских хроник, собранных в антологии ранних латинских сведений о монголо-татарах, под авторством Романа Хаутала при редакторской правке сотрудников центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова

³⁸ Комнина Анна. Алексиада. СПб., 2010.

³⁹ Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. СПб., 2003.

⁴⁰ Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1.

⁴¹ Николов А. Татары в византийских хрониках «*Chronica Breviora*»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.22-36

Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан⁴². Помимо указанных источников к работе над исследованием привлекались переводы Великой Хроники Матфея Парижского и Анналы Бертонского монастыря, осуществленные В.И. Матузовой⁴³. Прделанная в конце XX в. исследовательницей работа, будучи выверенной и стилистически точной, и сегодня признаётся образцовой⁴⁴. Труд Джованни дель Плано Карпини цитировался по широко употребляемому переводу А.И. Малеина, не утратившему своего значения и по прошествии более чем ста лет, но все чаще, особенно в последнее время, вызывающего критику и яркую дискуссию.

Послания и письма (эпистолярные источники). Реконструкция прошлого и оценка исследуемых событий не будет полной без принятия во внимание содержания ряда посланий и писем, авторство которых принадлежит древнерусским церковным иерархам, а также представителям восточно-европейских и грузинских элит.

Первая группа эпистолярных произведений – послания русских епископов Серапиона Владимирского и Семена Тверского. Эти сочинения обладают одной важной спецификой: они могут быть рассмотрены как примеры эпистолий, так и в качестве канонических сборников. Во-первых, такая смысловая двойственность объясняется их содержанием (все они касаются проблем церковной дисциплины и в какой-то мере продолжают традицию поучительных и назидательных посланий, по мысли Н.В. Поньрко являясь основным типом письма характерного для Древней Руси⁴⁵). Во-вторых, причина возникшей ситуации может объясняться и особенностью правосознания, характерного для канонической и юридической культуры Средневековья, признававшей высокий моральный и правовой

⁴² Хаутала Роман. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. С. 134–135;

⁴³ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

⁴⁴ Досаев А.С. Предисловие переводчика // *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. Досаев А.С. СПб., 2012. С. 3–5.

⁴⁵ Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 4.

авторитет прецедента. Поднимаемые в посланиях проблемы, как и обстоятельства возникновения этих текстов, указывают на крайне непростую административно-каноническую ситуацию на Руси. Очевидно, что послания указывают на то, что святители ясно осознали трудность и неоднозначность своего положения как в Орде, так и в пределах Руси, и в результате предпринимали усилия по обеспечению своих властных полномочий.

Вторая группа представлена зарубежными византийскими, латиноязычными и грузинскими источниками. Большая часть этих эпистолий, были созданы в период наиболее активной фазы монгольской экспансии в Восточной Европе и на Кавказе. Затрагиваемый корпус памятников включает в себя послания грузинской «королевы» Русудан и амирпасалара Иванэ к римскому папе Гонорию III⁴⁶. Все эти письма могут служить не только свидетельством той мощи, которая представляла разрастающаяся монгольская империя, но и восприятие пришедших с востока завоевателей в сознании современников: как тех, кто уже испытал на себе плоды этой угрозы, и тех, кто еще не осознавал всей серьезности грядущих перемен.

При анализе и оценке упомянутых епископских и политических посланий были приняты во внимание и более ранние эпистолярные памятники, хоть и не связанные с описываемыми в данном исследовании событиями, но позволяющие понять особенности взаимоотношений внутри древнерусских элит и межцерковного диалога, имевших место в домонгольской Руси⁴⁷.

⁴⁶ Письмо грузинского амирпасалара Иванэ папе Гонорию III // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Казань, 2015. С. 127–129; Письмо грузинской королевы Русудан папе Гонорию III // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Казань, 2015. С. 124–126.

⁴⁷ Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 295–297; Окружное послание Фотия... // Древняя Русь в свете зарубежных источников. В 5 т. Т. 2: Византийские источники. М., 2010. С. 132–133; Послание митрополита Иоанна Римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие древней Руси XI–XIII века. Исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 24–40; [Послание неизвестному князю] митрополита Никифора о латинах // Митрополит Никифор

Принимая во внимание большое число переводов вышеупомянутых посланий, в работе были использованы эпистолярные тексты, переведенные, прокомментированные и опубликованные при участии И.Н. Данилевского, В.В. Милькова и М.В. Бибикова⁴⁸. Кроме этого не утратили своей значимости и тексты, изданные Археологической комиссией в серии «Русская историческая библиотека»⁴⁹.

Агиографические сочинения. Представлены Киево-Печерским патериком⁵⁰ и посмертным словом о князе Михаиле Черниговском⁵¹. Данная группа источников крайне мала, однако она позволяет оценить вклад церкви в борьбу с монголами и с точки зрения современников и потомков. Очевидно, что для тех, кто пережил монгольское нашествие, образцами праведной жизни служили не современные им пастыри, а аскетические идеалы Печерского монастыря. Что же касается христианской доблести, то она также была явлена не на епископской кафедре или церковной амвоне, а в поступке черниговского князя и его боярина.

/ исслед. В.В. Мильков, С.В. Милькова, С.М. Полянского. СПб., 2007. С. 379–383; *Бруно Квертфутский* Послание к германскому королю Генриху II // Древняя Русь в свете зарубежных источников. В 5 т. / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010. Т. 4. С. 55–62.

⁴⁸ Наставление тверского епископа Семена // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М., 2010. С. 306; Поучения и слова Серапиона, епископа Владимирского // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М., 2010. С. 308–316; Вопрошание Кириково // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 351–428; Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю Всея Руси [о вере латинской] // Митрополит Никифор / исслед. В.В. Мильков, С.В. Милькова, С.М. Полянского. СПб., 2007. С. 281–286.

⁴⁹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского других иерархических лиц // РИБ. Т. 6. Ч. 1 С. 21–62; Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 1–20;

⁵⁰ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 2004. С. 296–641.

⁵¹ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники общественной мысли Древней Руси / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М., 2010. Т. 2. С. 69–72.

Законодательные и канонические акты. Исследование русско-монгольских отношений и внутрицерковной жизни невозможно без учета политико-правовых и административно-канонических реалий времени. Именно поэтому канонические постановления и правовые акты должны быть отнесены к числу первостепенных источников по истории церковно- и русско-ордынских связей. Основу этого комплекса составляют: во-первых, золотордынские ярлыки киевским митрополитам, во-вторых группа канонических памятников (вопросы сарайского епископа Феогноста патриаршему собору 1276 г.⁵², назидательные послания к духовенству и князьям епископа Серапиона Владимирского⁵³, наставления тверского епископа Семена⁵⁴, определения собора 1274 г.⁵⁵), в-третьих грамоты и уставы князей, закреплявшие особое правовое положение церкви.

Все перечисленные тексты позволяют увидеть существенные трансформации внутри самой церковной организации, выразившиеся в том, что, с установлением прямых отношений между Сараем и митрополией кафедрой, высшее духовенство на долгие годы получило особые права и своего рода привилегии. Закрепленные в ярлыках пожалования способствовали фактическому выведению из-под прямого контроля княжеской власти практически всех церковных институтов и их материального обеспечения. Более того, получаемые митрополитами ярлыки уравнивали их в статусе с представителями великокняжеской власти. Складывавшаяся ситуация способствовала возникновению широкой внутрицерковной автономии.

Канонически-правовые памятники интересны и в ином аспекте. Они позволяют увидеть рост самосознания высшей церковной иерархии. В итоге, при сопоставлении текстов упомянутых канонически-правовых памятников с более ранними актами, регулировав-

⁵² Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 129–140.

⁵³ Поучения владимирского епископа местному князю // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 117–118.

⁵⁴ Наставление тверского епископа Семена // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. М., 2010. Т. 2. С. 306.

⁵⁵ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 83–102.

шими церковную жизнь домонгольской Руси (вопрошание Кирика Новгородца, канонические ответы Иоанна, ранние княжеские уставы церкви), удастся выявить количественные и качественные изменения, происходившие внутри церковного института ставшими возможными благодаря санкции первоначально монгольских, а несколько позже ордынских властей.

При работе над исследованием были использованы уже упоминавшиеся издания памятников древнерусского канонического права, опубликованные археографической комиссией, а также новейшие работы по исследованиям вопрошания Кирика Новгородца⁵⁶. Тексты княжеских уставов церкви цитируются по изданию, осуществленному под редакцией Я.Н. Шапова. Тексты ханских ярлыков митрополитам приводятся по реконструкции А.П. Григорьева⁵⁷.

Изобразительные источники. Данная группа источников применительно к исследуемому периоду и теме не велика. Ее основу составляют миниатюры лицевого свода XVI века⁵⁸. Кроме того, были использованы две иконы XV в.⁵⁹ Все они позволяют реконструировать особенности религиозного сознания жителей XII–XIII века, их представления о природе царской власти через изобразительный ряд, созданный иконописцами и иллюстраторами XV–XVI вв. на основе агиографических сказаний и древнерусских летописей. Более того, анализ рассматриваемой группы источников позволяет проследить трансформации в восприятии событий в XII–XIII вв., произошедшие в сознании их современников и проживавших в XV–XVI вв. потомков. При этом практически все эти памятники свиде-

⁵⁶ Мильков В.В. Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI в. 2010. № 6. С. 90–125; Вопрошание Кириково // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 351–428; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011.

⁵⁷ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золоордынских документов. СПб., 2004.

⁵⁸ Миниатюры с изображением хана Батые в царских венцах: Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Книга 5. 1217–1241 гг. М., 2014. С. 327–331, 333, 337, 339, 343, 346, 352.

⁵⁹ Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. С. 64–65 [ил. 51], [ил. IV, 30].

тельствуют о включенности церковных институтов во внутривосточные отношения на Руси. Не менее интересным видится и то, что и в XVI в., после покорения Казани, Астрахани и Сибири, положение правителей монголов и Орды продолжало оцениваться как царское, находя своё отражение не только в высоком статусном, положении Чингизидов и их наследников при царском дворе Ивана IV⁶⁰, но и в различных изображениях. Пример этого – миниатюры лицевого свода XVI в., сопровождавшие русскую летописную историю изобразительным рядом. На них хан Батый увенчан царским венцом. Однако монголы, а за ними и правители Орды не использовали подобные головные уборы в качестве инсигний власти. Легитимизация прав и положений правителя в монгольском обществе определялась решением курултая, а не обладанием символическими одеждами. Тем не менее, для автора рисунка было важно показать высокий царственный статус хана, и это было достигнуто через изображение «царского» венца. Всё это в иерархическом плане, несомненно, ставило Батыя выше русских князей.

Две иконы «Битвы новгородцев с суздальцами» датируемые 60 гг. XV в. и нач. XVI в., оказались важными при оценке места церкви в межкняжеском противостоянии XII в. Создание данных икон позволяет говорить о настойчивом декларировании Новгородцами своего особого политического положения и своей независимости по отношению к Владимиру, а позже – к Москве. Одним из доводов, обосновывавших правомерность такой позиции, служили обстоятельства и результаты неудачного похода войск Андрея Боголюбского на Новгород⁶¹.

Привлеченный в данном исследовании ряд изобразительных источников был использован по двум работам. Миниатюры летописного свода представлены в объемной серии восстановленных

⁶⁰ *Лаврентьев А.В.* Казанская шапка и казанские цари // *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века.* Выпуск №12. М., 2008. С. 99–117; *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // *Восток.* 1994. №2. С. 49–62.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362.

репринтных изданий фирмы «АКТЕОН»⁶². Что касается икон, то их изображения и посвящённые им труды опубликованы в развёрнутом исследовании В.Н. Лазарева⁶³.

Результаты археологических исследований. Золотоордынская культура оставила сравнительно небольшой по объёму корпус собственных письменных источников, а имеющиеся свидетельства в значительной мере представлены в письменных памятниках Руси и иных государств. Уже в силу этого важнейшим источником по истории Улуса Джучи и первых десятилетий ордынского господства на Руси должны быть названы результаты археологических раскопок. Объём археологических свидетельств о жизни Орды грандиозен. Однако для данного исследования наибольшую ценность представляют памятники, указывающие на следы деятельности церковных институтов и христианских общин.

Если не подвергать детальному анализу археологию разрушенных древнерусских городов⁶⁴, то интересующий корпус источников невелик и может быть условно разделён на две подгруппы. Первая из них охватывает новгородские берестяные грамоты XIII в., которые помимо этого являются одним из примечательнейших памятников письменности XIII в., относясь, по классификации С. Франклина к источникам т.н. «первого разряда»⁶⁵. Вторая подгруппа включает результаты археологических раскопок городов Золотой

⁶² Издание фирмы ООО «Актеон»: Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Книга 5. 1217–1241 гг. М., 2014.

⁶³ Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000.

⁶⁴ Комплекс археологических исследований городов, подвергшихся монгольскому разорению, достаточно разнообразен, но не многочислен. Города Северо-восточная Руси, см: Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 372–380. Города южной Руси: Лысенко П.Ф. Открытие Берестья, Минск, 2007; Он же. Берестье. Минск, 1985; Цинкаловский О. Стара Волинь і Волинське Полісся. Вінніпег, 1984. Т. 1; Томенчук Б. Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. Матеріали досліджень 1976–2006 рр. Івано-Франківськ, 2008; Терський Святослав. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Київ, 2014; Филипчук М. Слов'янські поселення VIII–X ст. в українському Прикарпатті. Львів, 2012; Войтович Л. Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011.

⁶⁵ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 50.

Орды, в частности Сарая⁶⁶. Особый интерес вызывают материалы древнерусских захоронений, обнаруженные на территории Сарая. Основу последней группы составляют предметы личной религиозности: нательные крестики и иконки⁶⁷.

Привлечённые берестяные грамоты, прежде всего, В2-№718 и В8-№293, датируемые 1220–1240 гг., позволили пролить свет на некоторые стороны материального положения древнерусской церкви в период Ордынского господства. Уже содержание первой из них крайне интересно, хотя и имеет косвенное значение. Данная грамота сообщает не о церковной жизни, а об объёме четырёхлетнего долга города Бежец перед Новгородом⁶⁸. При сопоставлении имеющихся в ней цифр объёма дани с величиной церковных вир и сборов, оговаривавшихся нормами каноническо-правовых памятников, удаётся решить две важные задачи. Во-первых, представляется возможность проследить динамику изменений в области штрафов и внутренних сборов, поступавших в пользу епископата. Во-вторых, определяется приблизительный объём расходов рядового новгородского священника и некоторых доходов правящих архиереев. Вторая грамота не менее интересна. Благодаря результатам работы А.А. Зализняка, реконструировавшего текст данного памятника, подтверждается причастность новгородского священства к торговым операциям. Данное обстоятельство в значительной мере уточняет структуру доходной части пастырей, в которую вполне могла входить прибыль по процентам от дачи денег в ссуду⁶⁹. Последнее, между тем, противоречило церковным правилам.

Не менее важны результаты работы М. Полубояриновой по изучению археологического материала в контексте деятельности ино-

⁶⁶ Денике Б.П. Китайская керамика среди золотоордынских находок: (Из собрания Центр. Музея ТАССР) // Материалы Центрального музея ТАССР. № 2 (1920). Казань, 1920. С. 1–2; Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды // Результаты археологических работ летом 1922 г. Казань, 1923.

⁶⁷ Полубояринова М. Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3. С. 379–392.

⁶⁸ Подготовка текста и комментариев новгородской грамоты: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 468–469.

⁶⁹ Там же. С. 474.

конфессионального населения Сарая⁷⁰. Они позволяют увидеть состояния Сарайской епископии и некоторые нюансы местной религиозной жизни, которые прежде не привлекали внимание исследователей. Например, следы проживания и захоронения местных христиан (нательные крестики и иконки, т.е. предметы личной религиозности) локализуется крайне небольшим ареалом. Столь же неоднозначны и не допускают широкой интерпретации обнаруженные учёными остатки богослужебной утвари, представленной единичными находками. В итоге, результаты исследований этого археолога подводят к выводу о том, что миссионерская и богослужебная жизнь Сарайской епископии в традиционной историографии значительно преувеличена.

Подводя итог источниковедческому обзору, можно заключить, что привлечённый к исследованию комплекс источников позволяет произвести реконструкцию деятельности русской церковной организации в первые десятилетия монгольского господства и определить место митрополита в русско- и церковно-ордынских отношениях изучаемого периода.

⁷⁰ *Полубояринова М.* Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3. С. 379–392.

ГЛАВА 1.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО МИТРОПОЛИТА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

1.1. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв.

Межкняжеские усобицы домонгольской Руси – тяжелый и одновременно естественный и даже закономерный этап в истории нашего отечества. Отражив собой сложные процессы разрастания правящего рода, усложнение межкняжеских родственных и военно-экономических отношений, они были порождены множеством обстоятельств. Главным из них необходимо считать усложнение социальных отношений, вызванное повышением роли городских вечевых структур, а также обострением межсоциальных и этнических конфликтов¹.

Своеобразие политического устройства древнерусского государства и общества накануне монгольского нашествия придало политическим связям этого периода настолько необычные черты, что отождествить государственную организацию этого периода с современным пониманием государства крайне трудно. В итоге в историографии на сегодняшний день отсутствует единство в определении типа той формы государственности, с которой приходится иметь дело на Руси в середине XII – первой трети XIII вв. Именно поэтому представляется важным определиться с тем, что понимать под *дипломатическими отношениями и междоусобицами* на Руси в обозначенный период.

Сформулированная проблема отчасти была разрешена в исследованиях В.Т. Пашуто, А.Н. Сахарова, М.Б. Свердловца, А.В. Назаренко, Н.Ф. Котляра, а в отношении западнорусских земель в рабо-

¹ Наиболее обстоятельно проблема этнических отношений в Древней Руси была разработана В.Т. Пашуто (*Пашуто В.Т.* Русь. Прибалтика: Избранные статьи. М., 2011. С. 162).

тах А.В. Майорова². Даже если оставаться на точке зрения А.В. Назаренко, увидевшего в политическом устройстве Руси исследуемого периода не распавшуюся державу, как это представлено в работах Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова и И.П. Ермолаева³, а государство в форме братского совладения⁴, то приходится признать, что такое родственное соуправление ничуть не ограничивало прав князей и городов в сфере международных отношений. Все они могли выступать в качестве равноправных субъектов международного права (насколько этот термин вообще применим к реалиям древнерусской и современной ей европейской действительности). С сере-

² Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968; Паушто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство: Избранные статьи. М., 2011; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980; Он же Дипломатия Святослава. М., 1991; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003; Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1991 г. М., 1994. С. 5–138; Он же. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история, 1994. № 4–5. С. 181–194; Он же Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001; Он же «Зело неподобно правоверным» (Межконфессиональные браки на Руси в XI–XII вв.) // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1. С. 269–279; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: очерки социально-экономических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Он же Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011.

³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 605–616; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 469–564; Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия: Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. М., 2004. С. 58–93.

⁴ Назаренко А.В. Братское совладение, отчина сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. М., 2008. С. 132–179; Он же. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. С. 505–558; Он же Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 5–206.

дины и второй половины XII в. значительная часть земель и городов Руси выступали силой, самостоятельно решающей свои внутри- и внешнеполитические задачи: выбор князей, избрание епископа, участие в различных междоусобных и европейских конфликтах, призвание военной помощи и т.д. Кроме этого внутреннее политические устройство древнерусских центров имело региональные особенности, порой принципиально, отличавшие политические структуры различных княжеств. При этом наличие епископской кафедры придавало городам и князьям этих земель высокий внутрирусский и международный статус.

Вся перечисленная совокупность условий сформировала на Руси несколько типов земель. М.Б. Свердлов различил три основных варианта: 1) «монархическая княжеская власть»; 2) «средневековая республиканская структура», определяемая выборами властных институтов и должностей города и регламентированная договорными отношениями в том числе с княжеской властью; 3) южнорусские и юго-западные княжества с приблизительным «равенством» власти князей, боярства и города⁵. В итоге внутрирусские межкняжеские, меж- и внутригородские отношения нередко выстраивались так, как если бы их участники были жителями не одного, а различных государств. Некоторые земли действительно обладали широкой политической автономией. В возникших условиях значительная часть усобиц между князьями и городом или же между соперничающими княжествами или землями может быть рассмотрена в контексте дипломатических отношений. При этом следует отметить, что одна из ключевых ролей в развивавшихся конфликтах, и в подобных дипломатических отношениях соответственно, отводилась церкви. Как правило, ей определялось место своеобразного и «беспристрастного» посредника, либо полномочного представителя одной или нескольких сторон.

Древнерусское летописание и западноевропейские источники содержат большое число примеров этой политической автономии, которая воспринималась в Европе как естественное явление, ничуть не бросающее тень недоверия на политическую правоспособность участников дипломатических диалогов и противостояний. Приме-

⁵ *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 37.

рами этого служат княжеские браки. Если во времена Владимира Святославича и Ярослава Владимировича Мудрого такие супружеские союзы возникали исключительно по воле или при прямом участии главы правящего рода, отца⁶, то уже младшие Ярославичи, после смерти своего родителя, не считали себя обязанными согласовывать с великим князем, Изяславом, вопросы о браках своих детей. Во всяком случае, письменные источники больше не упоминают о такой практике. Децентрализации власти и развитие новых политических центров не могла не сказаться на жизни киевской митрополии и деятельности киевских митрополитов. Примером этого служит возникновение на Руси во второй половине XI в. трёх митрополий. Помимо Киевской на некоторое время были учреждены митрополии в Чернигове и Переяславле⁷. О статусе этих церковных новообразований возникла полемика. А.В. Назаренко выступил за то, что по отношению к Киеву эти кафедры считались титулярными⁸. Но было высказано и иное мнение, допускавшее широкую каноническую автономию Черниговского и Переяславского митрополитов⁹. Правда, в любом случае сложившаяся ситуация может быть рассмотрена как результат дипломатического признания самостоятельности (от Киева) Черниговского и Переяславского княже-

⁶ Назаренко А.В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого... С. 181–194..

⁷ О переяславской митрополии: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; Хрусталёв Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 97–98. О черниговской митрополии: Назаренко А.В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в. // Вестник истории, литературы, искусств. М., 2008. Т. 5. С. 86; Съказание чюд[е]сь с[вя]тою страстотыпцю х[ристо]воу рамана и двда // Успенский сборник XII–XIII вв. / сост. О.А. Князевская и др.; под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 62.

⁸ Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 70–95; Поппэ А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник [далее – ВВ]. М., 1968. Вып. 28. С. 85–108; 1969. Вып. 29. С. 95–104; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 207–245.

⁹ Гайденко П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006. С. 84–115; Он же Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дисс. д.и.н. Екатеринбург, 2011. С. 187–232.

ских столов, что и выразилось в повышении статуса местных церковных структур.

С точки зрения Б.А. Рыбакова, межкняжеские противоречия и особенности социально-политической организации общества привели в первой трети XII столетия к распаду цельного тела Киевской Руси, что, впрочем, представляет предмет научной дискуссии. Однако, несомненно то, что проблемы политической автономизации не обошли стороной и церковь, что подтверждается событиями середины и второй половины XII в.

Середина XII – первая треть XIII столетий могут быть однозначно названы временем непрекращающихся княжеских усобиц. Это период поиска политического равновесия между вечевыми и княжескими началами в древнерусском политическом устройстве, между стареющим Киевом, амбициозным Галичем и усиливающимся Владимиром, между родовым старейшинством и фактическим доминированием в княжеском роду¹⁰.

После смерти Мстислава Великого (†1132) произошло дальнейшее усложнение структуры государства. Однако изменения не предполагали уничтожения статуса Киева, как «матери городов Русских». Обладание великим киевским княжением в качестве титула и признака старейшинства сохраняло свою ценность даже после разграбления города во время похода Мстислава Андреевича (1169 г.)¹¹ и усиления Владимирского княжения. Указанное обстоятельство было удачно отмечено и обосновано А.А. Горским¹². Примечательно, что возникшая ситуация во многом повторяла состоявшие дел в области высшего церковного управления.

В обозначенный период сын Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский, попытался создать во Владимире собственную митрополию во главе со своим любимцем Феодором¹³. Тем не менее, князь так не добился для своего любимца Феодора митрополичьего сана. Вместе с этим трудно отрицать то, что это обстоятельство не помешало установить в Ростово-Суздальской земле фактическую цер-

¹⁰ Цветков С. Древняя Русь: Эпоха междоусобиц 1054–1212. М., 2009.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 544–545.

¹² Горский А.А. Русское Средневековье. М., 2010. С. 91–108.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356.

ковную автономию по отношению к киевской митрополичьей кафедре. Последнее, вероятно, и стало причиной жестокой митрополичьей расправы над Феодором¹⁴.

Не менее интересны и более ранние события, затянувшиеся на несколько лет церковно-политические конфликты вокруг имени русского митрополита Климента Смолятича¹⁵. Отказавшийся подчиняться новому киевскому первосвятителю новгородский епископ Нифонт был возведён в сан архиепископа¹⁶, а его церковный округ был выведен из подчинения Киеву и переподчинён непосредственно константинопольскому патриарху. За этим шагом Нифонта скрывались не только его явное грекофильство, но и интересы Новгорода¹⁷.

На вторую половину XII в., помимо указанных противостояний, также приходится всплески внутрицерковных противоречий и церковно-политических конфликтов. Они выразились в регулярно возникавшем недовольстве клириков и городского населения поведением епископата¹⁸, в активном оформлении местного канонического

¹⁴ *Петр (Гайденко П.И.), иером., Филиппов В.Г.* Церковные суды домонгольской Руси: декларируемые причины и возможные мотивы // Современные проблемы изучения истории церкви: Международная конференция. Тезисы докладов / науч. ред. Г.М. Запальский. М., 2011. С. 177–180; *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240). М., 1995. Кн. 2. С. 289–291; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 300–316.

¹⁶ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 443–444.

¹⁷ *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 88–89.

¹⁸ Это видно и по множеству прямых и косвенных свидетельств: по умолчанию древних общерусских летописей о митрополитах и значительной части епископата, по комментариям в адрес Феодорца, по панегирикам о скончавшихся архиереях, по известиям об изгнании из Новгорода нескольких епископов, по завещанию Антония Римлянина, по обстоятельствам суда над Авраамием Смоленским.

права¹⁹, в активизации епископских и митрополичьих перемещений²⁰. Все перечисленные изменения были вызваны к жизни и обусловлены политической жизнью, ростом национально-религиозного самосознания древнерусских элит, а так же противоречиями, неминуемо возникавшими в условиях феодализации Руси. Именно на эти десятилетия приходится появление целой плеяды блестящих мыслителей: Кирилла Туровского, Никифора, Кирика Новгородца и других.

Как уже отмечалось, в ряде случаев княжеские междоусобицы крайне трудно отделить от противостояний между внутригородскими элитами (или партиями) и различными городами вообще. Например, свержение и убийство в 1146–1147 гг. князя Игоря²¹ в равной степени можно считать и следствием межкняжеских противоречий и рассматривать как один из результатов сложных отношений между князем и городом. Наконец, упомянутые события характеризовались и как внутригородское волнение. Подобным же образом можно оценивать конфликт 1113 г., приведший в нарушение лестничного права на киевский престол князя Владимира Мономаха²². Не менее интересны конфликты 1134–1135 гг., связанные с Суздалем, Черниговом, Киевом и Новгородом²³. Примечательно, что активными участниками всех перечисленных усобиц и мятежей, особенно 1113, 1135 гг., была церковь в лице её высших иерархов, киевского митрополита и новгородского епископа.

Городские (межгородские) противоречия, касавшиеся вопросов власти, так или иначе, были обусловлены межкняжескими разногласиями, что объяснялось высоким статусом князя в древнерусской иерархии, даже не предполагавшей возможности существова-

¹⁹ Пример этого – появление «Вопрошания Кирика» и канонических ответов «митрополита Иоанна». Вероятно, произошедшее было как-то связано с появлением местных «Правд» (о развитии городских Правд: Пауцто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. С. 60–79).

²⁰ Гайдено П.И., Филиппов В.Г. Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XIV научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2011. С. 66–80.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 317–318.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274–276.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302–303; Т. 3. С. 207–209; Т. 9. С. 158–159.

ния политической автономии без представителя правящего княжеского рода. История Древней Руси сохранила память лишь об одном случае попытки отказа бояр от княжеского управления, выразившемся в установлении собственного самоуправления в западнорусских землях в 1212 году²⁴. На особое положение князя в древнерусской системе управления и власти обратил внимание ещё А.Е. Пресняков. Он следующим образом характеризовал отношения земель и князей: «[В XII–XIII вв. – Т.Г.] внутренняя обособленность земель-волостей не только не встречала противодействия во влиянии княжого элемента, но, напротив, встречала в нем силу, которая каждой земле-волости давала возможность выработать себе законченный политический строй в соответствии с общим укладом древней политической жизни». Делая выводы, выдающийся учёный подытоживал: «Каждая волость-земля становилась волостью княжением, стремясь упрочить свой политический быт укреплением у себя определённой княжой семьи»²⁵. Одним из примеров такого развития событий могут служить противоречия, существовавшие между Новгородом и Псковом, двумя могущественными центрами княжеской власти и вечевого самоуправления. Но и в их случае – присутствие в городе князя являлось неперенным элементом легитимности и стабильности власти, подтверждением суверенитета²⁶. Особенно ярко этот комок проблем выявляется в отношениях Киева

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727–728. Однако этот опыт, источники которого следует искать в политических амбициях Венгрии, стремившейся воспользоваться любой возможностью для расчленения Галиции, оказался невостребованным и политически бесплодным (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: очерки социально-экономических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община... С. 408–436; *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси... С. 128–131).

²⁵ *Пресняков А.Е.* Княжеское право в древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 466.

²⁶ Именно к таким выводам пришел Мусин А.Е. при анализе противоречий, возникавших между Новгородом и Псковом (*Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб., 2010. С. 70–73).

и Новгорода в XII в.²⁷, у которых, как верно акцентировал внимание С.Э. Цветков, отсутствовали собственные княжеские ветви²⁸.

Для церковной организации Древней Руси, в которой даже в XII в. епископ был «словно вытесненным из его социального пространства», подобные конфликты имели самое серьёзное значение. Это выражалось, прежде всего, в правовом и социальном статусе духовенства, жизнь которого никак не охранялась древнерусским законодательством этого периода. Впервые жизнь священника получила правовую защиту в договоре 1191–1192 г. между Новгородом и Готландом, одна из статей которого предусматривала за убийство новгородского или немецкого «попа» «20 гривен серебра за голову». Вместе с этим внутри Руси жизнь собственных священников никак не оценивалась. Поэтому установленная по договору вира (штраф), очевидно, возникла под влиянием зарубежного права по вопросам охраны жизни и имущества духовенства²⁹. В итоге, митрополит оказывался вовлечённым в политическую борьбу. Осуществление первосвятителем своей дипломатической и посреднической деятельности в усобицах и в мятежах домонгольской Руси – важная научная проблема. Для её решения наиболее оптимальным видится: во-первых, рассмотреть механизмы митрополичьего влияния на политические и со-

²⁷ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 186–207; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 43–66; Петров А.В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 109–160.

²⁸ Цветков С.Э. Древняя Русь: эпоха междоусобиц. 1054–1212. М., 2009. С. 213.

²⁹ Мусин А.Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого / науч. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2010. С. 161; Гайдёнок П.И., Фомина Т.Ю. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 135; Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. Н.С. Валка. М.; Л., 1949. С. 56; Мельникова Е.А. К предыстории Готского двора в Новгороде // История: дар и долг. Юб. сб. в честь А.В. Назаренко. СПб., 2010. С. 191–193.

циальные конфликты Древней Руси и, во-вторых, определить степень участия киевского иерарха в различных конфликтах.

Разрешение сформулированных проблем невозможно без рассмотрения вопросов о светских и церковных правах русских первоирархов в условиях древнерусских политических и канонических реалий. В значительной мере обозначенная проблема была разрешена как в дореволюционной, советской, так и современной историографии. Привлечение митрополитов к решению политических задач, имевших дипломатический характер: укрепление княжеского представительства на территориях обладавших широкой автономией, преодоление социальных, политических и династических конфликтов, – во многом выражалась в канонических шагах первосвятителей. Именно посредством своей архипастырской власти (церковных судов, интердиктов, объездов [в том числе миссионерских], рукоположений или отказов от них, посланий, поучений и миротворчества) он мог участвовать в преодолении тех или иных конфликтов. Решимость предпринимавшихся действий архиереев во многом определялась не только личными их качествами, но и иными факторами, например, остротой конфликтов или важностью решаемых задач. Таким образом, был выработан целый комплекс инструментов первосвятительского влияния на власти и элиты древнерусского общества.

Миссионерская деятельность и митрополичьи поездки. Если верить Никоновской летописи, то в качестве одного из первых политических шагов киевских первосвятителей можно рассматривать миссионерские митрополичьи поездки 990 – 991 гг. в Новгород и в Ростовскую землю³⁰. При том, что личности русских иерархов Михаила и Леона легендарны, а сам факт их существования нередко становится предметом научной дискуссии, практика миссионерства, несомненно, может быть оценена в дипломатической плоскости. Использование проповеди христианства не только в религиозных, но и политических целях было нормальным явлением и в Византии,

³⁰ ПСРЛ. Т. 9. Стб. 63–65; *Татищев В.* История Российская. В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 56.

и в Германии³¹. Собственно, и культ византийских императоров со времён Константина был тесно связан с культом апостольства³².

Очевидно, что распространение самого христианства на Руси в эпоху князя Владимира было заслугой, не столько прибывшей на Русь высшей церковной иерархии, усилия которой на проповедническом поприще более чем сомнительны, сколько самого великого князя. Данная точка зрения уже давно утвердилась в историографии. Вместе с этим хотя бы и косвенное участие киевского иерарха³³ в распространении евангельской проповеди было бы несправедливо отрицать. К тому же глава киевского диоцеза не мог не участвовать в рукоположении архиереев и духовенства.

Административное устройство Киевской Руси времени Владимира Святославича и его предшественников обладало особой спецификой: значительная часть территорий государства находилась если не в условной, то, по меньшей мере, ограниченной зависимости от Киева и его правителей. Существовавшая ситуация находила отражение и в ограниченной территории полюдя³⁴, и в постоянной необходимости каждого нового правителя «матери городов русских» завоёвывать территории, которые, казалось бы, уже были покорены его предшественниками. В сложившихся условиях епископские кафедры и храмы выступали зримыми символами великокняжеской власти на этих землях. Вероятно, прежде такую функцию

³¹ *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

³² *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? С. 224–226; *Дагрон Ж.* Император и священный. Этюд о византийском «цезарепализме». СПб., 2010. С. 176–185.

³³ Скорее всего, первоначально резиденция русского первосвятителя располагалась в Переяславле (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

³⁴ О том, что княжеское полюдые X в. охватывало лишь ограниченные территории видно и по описанию полюдя Константином Багрянородным, и по реформе порядка и норм сбора полюдя во времена княгини Ольги, власть которой ограничивалась Киевской, Древлянской и Новгородскими землями (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т. 2. С. 158–166; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60).

выполняли создававшиеся во времена «языческой реформы Владимира» капища. Однако в отличие от прежних языческих символов великокняжеской власти, устанавливавшихся за пределами городских стен³⁵, христианские храмы строились внутри них. Данное обстоятельство, наверное, и спровоцировало новгородский мятеж 991 г., разразившийся после прибытия на берега Волхова епископа Иоакима Корсунянина³⁶. Таким образом, миссионерская деятельность первых русских первосвятителей была тесно связана с процессами укрепления великокняжеской власти. С некоторой долей условности предпринимаемые усилия можно квалифицировать и как меры, способствовавшие консолидации древнерусских земель.

Поездки митрополитов в Киевской Руси могут считаться редким явлением³⁷. При этом перемещения, обусловленные не церковными, а политическими интересами, занимают в череде архиерейских путешествий крайне ничтожный процент. По сути дела, в домонгольской Руси зафиксирован только один случай путешествия митрополита из Киева в Новгород (1135). Целями поездки были снятие церковного интердикта и преодоление возникшего между Новгородом и Суздалем конфликта³⁸. Обозначенный сюжет полу-

³⁵ Это хорошо видно на примере археологических свидетельств северо-западных районов Древней Руси и особенно Новгорода, в котором капище Перуна располагалось вне городских стен (*Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1953. Вып. 50. С. 92–103 [далее – КСИИМК]; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. М., 1954. Вып. 53. С. 105–108; *Свирин К.М.* Языческие святилища северо-запада Древней Руси в VIII – начале XI вв. // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2006. Вып. 20).

³⁶ В отличие от капища Перуна, устроенного за пределами городских стен, христианский храм был взведён внутри них. Возможно, именно это вызвало протест новгородцев, увидевших в храме и прибывшем епископе покушение на свои свободы (*Кузьмин А.Г.* Крещение Руси. М., 2004. С. 221–226).

³⁷ *Гайденок П.И.* Архиерейские поездки в домонгольской Руси: К вопросу о механизмах церковного управления // Гайденок П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. М., 2013. С. 43–54.

³⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 145–146; Т. 4. Ч. 1. С. 208; Т. 9. С. 158.

чил освещение и анализ в диссертации П.И. Гайденко³⁹. Однако автор сосредоточил своё внимание на внутрицерковной стороне этой истории. Вместе с этим проблема видится более сложной. Такое путешествие не могло быть осуществлено без помощи княжеской власти. Поэтому здесь необходимо искать корни не только во внутрицерковных противоречиях, но и противоречиях между Киевом и Новгородом, а также Киевом, Новгородом и Суздалем.

Миротворчество. Участие митрополитов в примирении враждующих сторон одно из интересных явлений церковно-политической жизни домонгольской Руси. Это объясняется существенными отличиями реалий затрагиваемых исторических эпизодов от более поздних конфликтов XVI–XVII вв., в которых архиереи, как правило, занимали сторону «центрального правительства», и их усилия в преодолении противостояний имело целью не столько примирить враждующие стороны, сколько склонить одну сторону в пользу другой. В условиях Киевской Руси ситуация видится более сложной. Во-первых, большая часть конфликтов была порождена внутренними противоречиями в правящей княжеской династии. Во-вторых, роль митрополитов в примирении сторон оказывалась более чем неоднозначной. Летописание запечатлело четыре случая участия митрополитов в подобных ситуациях.

В 1097 г. митрополит Николай примирял Владимира Мономаха со Святополком Изяславичем и киевлянами⁴⁰. В церковной историографии киевскому иерарху отводилась едва ли ни ведущая роль в совершённом примирении⁴¹, однако реконструкция событий, проведённая П.И. Гайденко, позволила увидеть более сложную и интересную ситуацию⁴². Не сумевший покинуть Киев, митрополит был вынужден подчиниться воле горожан и против своего желания вошёл в состав посольства к Владимиру. Однако, как справедливо за-

³⁹ Гайденко П.И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. С. 340–342.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263–264; Т. 2. Стб. 237–238.

⁴¹ Муравьёв А.Н. История российской церкви. М., 2002. С. 66–67; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 47.

⁴² Гайденко П.И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. С. 302–308.

метил исследователь, тем самым был создан прецедент участия русского первосвященника в подобном конфликте.

Второй случай примирения в 1101 г. враждующих князей также связан с именем этого митрополита, вступившегося перед великим князем Святополком за Ярослава Ярополчича⁴³. На этот раз, если верить летописанию, первосвященник сам пожелал стать посредником.

Третий пример участия киевского архиерея в межкняжеских и княжеско-городских противоречиях – уже рассматривавшееся путешествие в 1135 г. митрополита Михаила в Новгород, которое, судя по всему, едва ли можно рассматривать в качестве успешного. Поэтому неудивительно, что в противостоянии того же года между Киевом и Черниговом примирителем враждовавших сторон стал уже не митрополит, а новгородский епископ Нифонт⁴⁴.

Четвёртый случай миротворческой деятельности киевских первосвященников связан с событиями 1195 г., когда митрополит Никифор II убедил великого князя Рюрика Ростиславича пойти на уступки его сопернику, суздальскому князю Всеволоду⁴⁵.

В определённой степени к названным эпизодам примыкает история 1113 г., связанная с вовлечением митрополита Никифора в возведение на киевский престол Владимира Мономаха⁴⁶. Рассматриваемая история крайне примечательна уже тем, что одним из активных инициаторов, произошедшего тогда в Киеве династического переворота стал глава русской церковной организации⁴⁷.

Церковные суды и интердикты. Ещё одним эффективным способом преодоления политических конфликтов было употребление киевскими иерархами интердиктов и использование в политических целях церковных судов или судов, в которых церковь имела право принимать участие. В истории домонгольской Руси отмечено два интердикта и несколько церковных судов. Вполне возможно, что

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275; Т. 2. Стб. 250.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 208–209.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 684.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 267–268; Т. 2. Стб. 275; *Татищев В.Н.* История Российская... Т. 2. С. 146.

⁴⁷ *Гайденок П.И.* Место русской церковной иерархии в событиях киевского восстания 1113 г. // Клио: журнал для учёных. 2011. 1 (52). С. 34–37.

практика применения судов и интердиктов для преодоления церковно-политических конфликтов была в той или иной мере заимствована из Византии и Западной Европы⁴⁸.

История домонгольской Руси сохранила лишь несколько упоминаний о митрополичьих судах, или о действиях, которые могут быть отождествлены с судами. Практически все они обусловлены и вызваны не только каноническими, но и политическими проблемами. Первый суд (1054–1059) связан с именем новгородского епископа Луки Жидяты⁴⁹. Обстоятельства этого суда малопонятны. Обвинённый в каких-то злоупотреблениях от своих холопов, епископ Лука провёл три года в Киеве, а на обратном пути к месту прежнего служения скончался. Вполне можно согласиться с выводами В.В. Милькова и П.И. Гайденко о том, что суд был несправедливым, отразив процессы автономизации новгородской кафедры и новгородской земли⁵⁰. Очевидно, что суд не мог состояться без поддержки киевского князя и части новгородской знати. Вероятно, совершённое митрополитом Ефремом разбирательство имело своей целью не допустить укрепления церковной и государственной самостоятельности северо-западных земель Руси.

Второй митрополичий суд 1168 г. над печерским игуменом Поликарпом также оказался пристрастным. Игумен прославленной обители был в тесных отношениях с Черниговским князем Святославом. Это вызвало ревность черниговского епископа Антония. Дело осложнилось тем, что советы, которые давались черниговскому князю Антонию и Поликарпом относительно соблюдения поста в господские праздники различались. Возникшее противоречие и стало формальным поводом для суда над известным настоятелем⁵¹. Но могла быть ещё одна причина организации суда. Весьма вероятно, в Поликарпе видели возможного преемника Антонию, который

⁴⁸ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений... С. 106–116.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 4. С. 118.

⁵⁰ Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 116–157; Гайденко П.И. Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7. М., 2009. С. 53–63.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354.

в свою очередь не собирался уступать кому-либо свою кафедру. В итоге, летописец назвал совершённое дело «митрополичьей неправдой». В данном случае важно то, что суд был призван ограничить влияние строптивного, с точки зрения Антония и митрополита Константина, Поликарпа на князя и не допустить дальнейшего усиления русского духовенства⁵². В условиях усиления церковно-политической автономии Новгорода и Владимира, такая задача было более чем актуальной. Что касается Антония, то своими действиями он всё же вызвал гнев своего князя и вскоре был изгнан из Чернигова.

Наконец, самый яркий пример митрополичьего суда домонгольской Руси – расправа над любимцем Андрея Боголюбского Феодорцом. Как бы ни оценивались эти события – суд и казнь были призваны остановить политическую экспансию и ограничить властные амбиции владимирского князя. В результате, ключевая роль в разрушении «тандема» Андрея Боголюбского и владыки Феодора принадлежала митрополиту. Поэтому неудивительно, что во время взятия Киева разграблению подверглись не только город, но и его храмы. Во всяком случае, с падением Феодора начался закат всевластия и деспотии Андрея.

Рукоположения, постриги или отказ от них. Рукоположения, постриги или отказ от них в контексте церковно-государственных отношений вполне могут, а в ряде случаев и должны рассматриваться в качестве важнейших инструментов церковной и политической власти. В акте рукоположения присутствовало множество интересов.

Во-первых, рукополагаемый или постригаемый, если речь идёт о монашествующем, оказывался в духовной зависимости от того, через чьи руки становился преемником благодати священства, епископства, архиепископства или ангельского образа. Такая зависимость открывала в ряде случаев неограниченные возможности для контроля возглавляемых ставленниками и рукоположенными лицами церковных институтов, их материальных и финансовых ресурсов. Более того, через посредство рукоположенных можно было оказывать влияние и на их паству, представлявшую самые различные политические

⁵² Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 220.

и социальные интересы. История изобилует такими примерами. Так, возведение в 1165 архиепископский сан новгородского епископа Ильи открыло для митрополита и киевского князя колоссальный источник личного дохода, о чём недвусмысленно сообщает В.Н. Татищев⁵³. Конечно, приведённый пример, – прежде всего, образец взятки (симонии), вошедшей в норму русской церковной жизни XII в.⁵⁴ Вместе с этим указанные события выявляют один из интереснейших механизмов поиска взаимовыгодных отношений между Новгородом и Киевом. Очевидно, обе стороны считали ситуацию наиболее выгодной: Новгород поддерживал статус архиепископии и сохранял широкую церковную автономию, а Киев не утрачивал возможность получения денежных и материальных поступлений из богатейшего города Руси. Во всяком случае, в 1219 г., когда по вине местной знати в городе оказалось два архиепископа, Митрофан и Антоний, новгородцы отправили их решать свой спор в Киеве⁵⁵.

Ещё один пример того, как митрополит мог влиять через постриг и рукоположение на политическую и церковную жизнь – события 1183 г. В то лето в Киеве умер архимандрит Печерского монастыря Поликарп. Необходимо отметить, что отношения Печерской обители с митрополитом в предыдущие годы переживали не лучший период. После 1171 г. монастырь волей Андрея Боголюбского вновь приобрёл княжескую ставропигию и удостоился статуса архимандритии. Перемены стали ответом на злоупотребления со стороны митрополита и греческого духовенства⁵⁶. Вопрос о восстановлении митрополичьей власти над обителью стоял крайне остро. Возобновление первосвятительского влияния на монастырь было достигнуто руками престарелого туровского епископа Лаврентия, постриженника Печерского монастыря и недавнего затворника⁵⁷. Отличаясь на закате своей

⁵³ Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. С. 331.

⁵⁴ Гайденок П.И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. С. 351, 359.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 261.

⁵⁶ Прищёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 220–221.

⁵⁷ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 360–361.

жизни неумеренным послушанием, этот старец, единственными добродетелями которого были пост, молитва и затвор⁵⁸, принял епископский сан и взошёл на туровскую кафедру, смиренно сместив с неё находившуюся в какой-то духовной оппозиции к Киеву Кирилла Туровского, яркую и даровитую личность⁵⁹. Последний был не менее искренним подвижником, но в отличие от Лаврентия обладал образованием, пастырской ревностью и снисходительностью. Таким образом, киевским светским и духовным властям удалось пресечь возрастающую самостоятельность туровской земли. Теперь, в 1183 г., участвуя в постриге «попа Василия»⁶⁰, Лаврентий способствовал духовному подчинению Василия митрополиту через постриг, монашеское восприемство и возведение в сан архимандрита. Примечательно, что хиротессия Василия в архимандриты на этот раз совершалась не по воле князя, а по благословию митрополита, а участие Лаврентия снимало вопрос о законности возведения на архимандритию Василия, поскольку один из участников службы был постриженник знаменитой обители. Результаты такого духовного сыновства нового архимандрита по отношению к митрополиту не заставили себя ждать. Последующие десятилетия однозначно характеризуются как время духовного упадка монастыря и снижение его влияния на политическую и церковную жизнь Руси⁶¹.

Во-вторых, учреждение в какой-либо земле кафедры и присутствие в городе епископа придавало княжеству больший вес. Поэтому отказ в своевременном рукоположении также может рассматриваться как способ церковно-политического давления на строптивного князя. В этом отношении заслуживает внимание возникновение во второй половине XI в. ещё двух митрополий помимо Киевской: Черниговской и Переяславской. Уже фактом своего появления, существования

⁵⁸ Киево-Печерский патерик. С. 396–397.

⁵⁹ О том, что Лаврентий взошёл на Туровскую кафедру при ещё живом Кирилле позволяют заключить результаты исследований О.В. Лосевой (*Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV вв. М., 2009. С. 122*).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 627.

⁶¹ *Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 222.*

и исчезновения они позволяют заключить, что их учреждение было способом церковно-политического влияния на ситуацию на Руси.

Послания и поучения. Митрополичьи послания к князьям и духовенству были одним из инструментов оказания влияния на действия князя. Насколько эти послания были эффективны, существуют различные мнения. Так, сообщение 996 г. о приходе к князю Владимиру епископов⁶², которых согласно Никоновской летописи, якобы послал митрополит⁶³, сообщает, что данный епископами совет был отвергнут, а между крестителем Руси и церковными иерархами пролегла трещина княжеского раздражения. В XI–XII вв. обращения митрополитов к князю или лицам, способным повлиять на представителей правящей династии, приобрели более изысканный характер. Практически во всех случаях эти обращения были связаны с интересами Византии, не желавшей сближения киевских властей с Западной Европой. Например, в 70-е годы XI в., в условиях тесных политических (военных, дипломатических и брачных) сношений Ярославичей с Западной Европой митрополит Георгий предпринял попытки создания полемического сочинения, «Стязание с латиною»⁶⁴. Митрополит Иоанн II пошёл дальше и писал о нежелательности княжеских браков с еретиками⁶⁵. Но наиболее изысканно действовал митр. Никифор⁶⁶. По мнению петербургского церковного историка, о. Константина (К.А. Костромина), результат такого влияния привёл к переориентации внутри- и внешнеполитического курса Киева в сторону Византии⁶⁷.

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 111–112.

⁶³ ПСРЛ. Т. 9. С. 67.

⁶⁴ О том, что указанное послание связано с борьбой Изяслава за киевский престол писал митр. Макарий (Булгаков) (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 282).

⁶⁵ РИБ. Т. 6. Стб. 7.

⁶⁶ Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю Всея Руси [о вере латинской] // Митрополит Никифор / исслед. В.В. Мильков, С.В. Милькова, С.М. Полянского. СПб., 2007. С. 281–286; [Послание неизвестному князю] митрополита Никифора о латинах // Там же. С. 379–383; *Полянский С.М.* Этика отношений с иноверцами в антилатинских произведениях Никифора // Там же. С. 112–125.

⁶⁷ *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. СПб., 2011. С. 163–167.

* * *

Таким образом, можно заключить, что киевские митрополиты домонгольского периода истории русской церкви обладали широким спектром возможностей влияния на религиозно-политическую ситуацию в древнерусском государстве. Это влияние осуществлялось посредством различных канонических действий: миссионерства и поездок, миротворчества, церковных судов и интердиктов, рукоположений или отказов от них, постриги, послания и поучения. Дискуссионным может считаться вопрос эффективности предпринимавшихся шагов. Однако в совокупности все они способствовали всё большему вовлечению митрополитов во внутривластическую жизнь Руси.

1.2. Место церковной иерархии в русско-византийских отношениях XI – начала XIII вв.

Церковная организация домонгольской Руси ещё не обладала независимостью и оставалась частью константинопольского патриархата. Между тем, в Византийской империи церковь довольно рано стала частью государственного организма. Это привело к тому, что церковные иерархи привлекались к выполнению не только разнообразных функций по управлению империей, многочисленными службами, ведомствами сената и двора базилика, но и нередко обременялись различными дипломатическими обязанностями⁶⁸. Данная практика не была чем-то необычным. Для всего периода Средневековья участие духовных лиц в качестве легатов в европейской политике было обычным делом. Прибывавшие в пределы другой страны епископы или священники становились не только представителями империи, но и провозвестниками соответствующих религиозных доктрин в области догматики или же канонического права. Более того, их миссия, совмещавшая в себе переплетение политических и религиозных интересов, а также проповеди, становилась

⁶⁸ *Гийу Андре* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 108–204.

наиболее эффективным орудием культурного и идейного влияния⁶⁹. Поэтому неудивительна та ревность, с какой византийцы отстаивали своё, как они полагали, исключительное право занимать центральные кафедры организованных ими диоцезов. Примерами этого могут служить судьбы первых русских (по этнической принадлежности) митрополитов Илариона и Климента Смолятича, права которых так и не были признаны империей и её священной иерархией. После отстранения Илариона Десятинный храм был переосвящён, а сподвижник митрополита-русина Лука Жидята подвергся несправедливому митрополичьему суду⁷⁰.

Личности и деятельность самых первых русских митрополитов крайне скупо отражены в раннем русском летописании. Большинство исследователей склонны полагать, что продолжительное время, по крайней мере, в первые сто лет деятельности древнерусской церковной организации инициатива в области церковного строительства принадлежала не церковной иерархии, а княжеской власти. Очевидно, что одной из причин складывавшегося положения дел могло быть совмещение греческими иерархами дипломатических и церковных функций.

Хорошо известно, что «проводником византийской политики на Руси был митрополит киевский <...> фактически являвшийся агентом константинопольского правительства в Киеве»⁷¹. Собственно, учреждение самой церковной организации на Руси стало результа-

⁶⁹ *Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // *Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир.* Выпуск 10. М., 2001. С. 16–39; *Он же.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия.* М., 2002. С. 9–34; *Он же.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 182–183; *Гайденок П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) ... С. 53–63; *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята... С. 116–157). Что касается Климента, то наиболее показательным, что первым шагом византийского митрополита Константина (1157) было низложение поставленных Климентом священнослужителей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485).

⁷¹ История дипломатии. В 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 120.

том политического торга Владимира и империи, что наглядно представлено в легендарной корсунской легенде⁷². Вероятно, именно выполнением митрополитами консульских функций можно объяснить регулярное исчезновение русских первоиерархов из Киева в годы перемен на киевском великокняжеском столе и в периоды серьёзных осложнений русско-византийских отношений. Так, например, в 40-е годы XI в., ознаменовавшиеся русско-византийской войной⁷³, со страниц летописи исчезло имя митр. Феопемпта⁷⁴. М.Д. Присёлков объяснял эту ситуацию осложнением отношений между Ярославом, с одной стороны, и греческим иерархом и самой Византией, с другой. Причиной конфликта стали противоречия, сложившиеся в торговых отношениях. Не менее острой оставалась проблема канонизации Владимира Святославича⁷⁵. В 1073 г. уехал в «греки» митр. Георгий⁷⁶. Причины этого отъезда в историографии объяснялись по-разному, однако, вероятнее всего, отбытие иерарха было вызвано целым комплексом причин. Главные из них были как-то связаны с интересами империи, столкнувшейся с болгарской военной угрозой, обострением русско-византийских отношений по вопросам канонизации Бориса и Глеба и изменением внешнеполитического курса при Святославе Ярославиче⁷⁷, стремившегося установить крепкие связи с Германией⁷⁸. Новый виток осложнений в отношениях Руси и империи ромеев наблюдался при Владимире

⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109–116; *Толочко П.П.* О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // ВВ. М., 2011. 70(95). С. 92–93.

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153–154; *Пселл Михаил.* Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 98–99.

⁷⁴ Митрополит Феопемпт упоминается лишь под 1039 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153).

⁷⁵ *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 52–53.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

⁷⁷ *Васильевский В.Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *Васильевский В.Г.* Труды. М., 2010. Кн. 1. С. 419–471; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 76–79.

⁷⁸ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. С. 505–558; *Он же.* Древняя Русь и славяне. С. 114–123.

Мономахе, отношения которого с митр. Никифором в целом можно считать доброжелательными и даже союзными. Пиком этих противоречий стала русско-византийская война 1116 г., связанная с именем некоего Леона Деогеновича⁷⁹. Между тем, согласно сообщениям Михаила Пселла и Анны Комнин, имя Диогена фигурировало в событиях заговоров против императора в 1070-х и 1094 гг.⁸⁰ Правда, как бы ни был остр конфликт вокруг этой таинственной личности, именуемого «зятем» великого князя, в 1122 г. отношения с империей нормализовались, следствием чего стало заключение выгодного династического брака и присылка на Русь митрополита Никиты⁸¹. Поэтому преувеличивать остроту Киевско-Константинопольских разногласий во времена Владимира Всеволодовича было бы неверно. Современный церковный историк священник Константин Александрович Костромин вполне обоснованно заметил, что эти противоречия никак не сказались на провизантийских предпочтениях самого Владимира Всеволодовича. По мнению исследователя, в правление Мономаха произошла переориентация внешнеполитического вектора великокняжеского стола с Западной Европы в сторону Константинополя⁸². Какие-то осложнения, в которые был втянут митрополит, наблюдались в 1145 г. В тот год русский первоиерарх Михаил также отбыл в Византию, где, вероятно, и скончался⁸³.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291; *Присёлков М.Д.* Указ соч. С. 182.

⁸⁰ *Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 2010. С. 211–214, 512; *Пселл Михаил.* Хронография. Краткая история... С. 190–193; *Успенский Ф.И.* История византийской империи. Т. 4: Комнины. Расчленение империи. М., 2002. С. 186, 194–195.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292; Т. 2. Стб. 286.

⁸² К.А. Костромин в следующих словах подытоживал время правления Мономаха: «После правления Владимира Мономаха начался необратимый процесс разрушения русско-европейских связей, затянувшийся до середины XIII века. Целенаправленная политика киевского князя и влияние киевского митрополита упразднили централизованные западноевропейские контакты, вытеснив их на периферию государства и общественного сознания» (*Костромин К.А.* Церковные связи древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. ... С. 179).

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 312; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 135.

В итоге постоянные ничем не объясняемые летописцами «исчезновения» митрополитов и их поездки в Византию заставляют задуматься над причинами такого положения дел. Пробуя разрешить эту проблему, П.И. Гайденко высказал предположение о том, что первые митрополиты могли и не умирать в Киеве, как это обычно представляется в традиционной историографии, черпающей свои выводы по этому вопросу из трудов церковных историков. По мнению данного исследователя, являясь послами, при смене правителей греческие иерархи обычно возвращались в пределы родной империи⁸⁴.

Впрочем, дипломатическим нуждам византийской политики служили как сан, так и личные качества митрополита. В начале XI в. в Византии произошло существенное расширение прав митрополитов. Это было сделано за счёт некоторых полномочий епископов⁸⁵. Поэтому появление на русской первосвятительской кафедре митрополита означало не только дипломатический успех Ярослава, повышение ранга древнерусской церковной организации⁸⁶, но и отражало церковные реалии XI столетия. Несомненно, что в самой Византии данный шаг расценивался как проявление со стороны Нового Рима особой милости в отношении варваров⁸⁷.

⁸⁴ Гайденко П.И. «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 46. 2011. 22 (237). С. 87.

⁸⁵ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексей I Комнина. СПб., 2010. С. 409–409.

⁸⁶ Впрочем, преувеличивать реальное положение русских митрополитов в иерархии византийских митрополий и епархий не стоит, поскольку на протяжении домонгольского периода место киевских митрополитов не поднималось выше 62-го. Пытаясь объяснить эту ситуацию, Я.Н. Шапов высказывался за то, что порядок кафедр объяснялся не их престижностью, а порядком открытия (Шапов Я.Н. Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X–XII в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 59). Однако их «плавающее» положение в различных списках не позволяет признать данное мнение безусловным.

⁸⁷ Наиболее отчётливо и рельефно в отношении событий крещения Руси византийский снобизм проявляется в окружном послании Фотия (Окружное

В складывавшихся условиях ни о каком доверительном отношении между византийскими иерархами (греками) и великокняжеской властью не могло быть и речи. Очевидно, что во время Владимира размещение главы русской церковной организации в Переяславле⁸⁸, вдалеке от Киева, было не только следствием болгарского, а также, возможно, и сербского влияния⁸⁹, но и проявлением осторожности по отношению к византийцам⁹⁰. Поэтому создание в 1037 г. митрополии в Киеве стало признаком, по меньшей мере, некоего сближения интересов митрополитов-византийцев и Ярослава Мудрого⁹¹. Однако и после этого преувеличивать теплоту русско-византийских церковных связей было бы преждевременно. В сложившихся условиях эффективным способом влияния на церковно-политическую ситуацию в государствах, вошедших в состав византийского мира стало использование специфического инструмента политического манипулирования элитами: учреждение в национальных церковных иерархиях различных должностей, приводивших к повышению или понижению статуса лиц, занимавших эти посты. Примером подобного манипулирования присутствуют в истории церковной иерархии домонгольской Руси.

Небезуспешной попыткой влияния на развитие внутривизантийской ситуации на Руси со стороны Византии во второй половине XI в. посредством церковного участия стало появление помимо киевской ещё двух митрополий, в Чернигове и Переяславле. Учитывая, что утверждение митрополий было прерогативой императора, возникновение новых диоцезов по сути ещё более ограничивало и без того условную власть киевских князей над уделами и усиливало

послание Фотия... // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5 т. Т. 2: Византийские источники. М., 2010. С. 132–133).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208.

⁸⁹ *Присёлков М.Д.* Указ соч. С. 28–42; *Малицкий П.И.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. С. 33.

⁹⁰ О причинах отстранения русского епископата от великого князя: *Гайденко П.И.* Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.): дисс. к.и.н. Казань, 2005. С. 145–151.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151.

влияние империи на внутривосточную ситуацию на Руси⁹². Упоминания о двух последних кафедрах, Черниговской и Переяславской, спорадичны и немногословны⁹³. Эти округа так и не сформировались в самостоятельные канонические территории, оставшись явлением временным, служившим ответом на противоречия в среде Ярославичей. В результате, статус обозначенных церковных образований представляет предмет научной дискуссии. Скучная информация о личностях возглавлявших эти кафедры архиереев позволяет видеть в этих образованиях как титулярные митрополии⁹⁴, так и реальные диоцезы, подчинённые Константинополю⁹⁵.

Ещё один похожий пример сохранила история Новгорода. Возвышение еп. Нифонта до архиепископа с выведением кафедры из подчинения Киева также может быть рассмотрено в качестве одной из уловок византийской церковной дипломатии, поощрившей усиление Новгорода и подпитывавшей его политические амбиции. Правда, со временем, в 1164 г., киевский митрополит Иоанн сумел преодолеть эту независимость, возведя новгородского епископа Илью в архиепископы. В итоге право поставления новгородских архиереев закрепилось за киевским первосвятительским престолом⁹⁶. Во всяком случае, уже в 1219 г., во время споров, возникших в Новгороде вокруг двух новгородских архиепископов Митрофана

⁹² Сопоставление административно-политических полномочий великих князей и императоров: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 470–477.

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; Съказание чюд[е]сь с[вя]тою страстотьпъцо х[ристо]воу рамана и двда... С. 62.

⁹⁴ *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 70–95; *Поппэ А.В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии... С. 95–104; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 207–245.

⁹⁵ *Гайденко П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.)... С. 84–115; *Он же.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дисс. д.и.н. ... С. 187–232.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 219.

и Антония, горожане предпочли свои недоумения разрешать не в Константинополе, а в Киеве⁹⁷.

Не менее интересны обстоятельства учреждения смоленской епископии, образованной решением патриарха без учёта мнения киевского митрополита. Появление в городе кафедры совпало (вероятно, и было следствием) с усилением местного княжеского рода. Широкий корпус взаимных грамот даёт основание полагать, что возникновение здесь кафедры стало результатом долгих политических и экономических переговоров⁹⁸.

Вместе с этим не менее показательны попытки Византии в обратном: в отказе кафедрам в возвышении. Одним из таких примеров предстаёт в событиях 1161 г. В тот год патриарх Лука Хризверг отдал Андрею Боголюбскому в организации самостоятельной владимирской митрополии⁹⁹. Судя по письму, направленному князю, в Константинополе были обеспокоены амбициями и самостоятельностью князя в церковных вопросах¹⁰⁰. Во всяком случае, послание обнаруживает твёрдое намерение патриархата сохранить и усилить свою супрематию над русской церковью¹⁰¹. Вероятно, церковная дипломатия империи приложила немало усилий для разрушения прочного и эффективного союза Андрея Боголюбского и еп. Феодора. Греческая иерархия неодобрительно относилась к любым попыткам создания на Руси диоцезов, возглавляемых русскими, о чём было уже сказано.

Особого внимания заслуживает участие византийских иерархов, прежде всего, наделённых архиерейским саном, в различных дипломатических акциях. К сожалению, далеко не все известия о

⁹⁷ Князь и новгородцы со следующими словами обратились к двум архиепископам: «Идита к митрополиту, да коего нам послеть, то намъ владыка» (ПСРЛ. Т. 3. С. 261).

⁹⁸ *Щанов Я.Н.* княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 136–150.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 223–230.

¹⁰⁰ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб., 1878. С. 546–550; *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // ВВ. М., 1962. Вып. 46. С. 29–50.

¹⁰¹ *Бибиков М.В.* BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 110–112.

подобных посольствах вызывают доверие. Наиболее наглядным образцом подобной ситуации может служить известие Никоновской летописи о посольстве к Владимиру Всеволодовичу: «и посла царь Константин к великому князю Владимиру Неофита, митрополита Эфесского, и сним два епископа Митилинска и Милитинска, и стра- тига Антиохийска, и агустолия Александрийска, игемона Иерусалимска Еустафья, и посылает с ними к великому князю крест от животворящаго древа, и с нем от своеа главы венец царьский, иже именуется Манамахова шапка, и крабицу сердоликову, из неа же Август, царь Римский, веселяшеса, и чепи златыа и иные многие царьские дары»¹⁰². Данное сообщение невероятно хотя бы потому, что византийские нормы запрещали передачу варварам и особенно росам символов царской власти¹⁰³. Не исключено, что основанием для создания этого мифа послужило появление на Руси перста Иоанна Крестителя, воспринимавшегося в качестве одной из императорских регалий¹⁰⁴. При том, что сообщения Никоновской летописи не более чем вымысел, возможность существования подобных посольств едва ли может быть совершенно отвергнута.

* * *

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что митрополиты и высшее духовенство играло важную роль в Русско-Византийских военно-политических отношениях. Высшая иерархия в лице греческого епископата была не только проводником имперской идеологии, но и силой, призванной влиять на внешнюю политику Руси. Это влияние осуществлялось посредством множества

¹⁰² ПСРЛ. Т. 9. С. 144.

¹⁰³ *Константин Багрянородный. Об управлении империей...* С. 54–57.

¹⁰⁴ *Орлов А.С.* Владимир Мономах. Л., 1946. С. 63; *Флоря Б.Н.* К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования 1987 г. М., 1989. С. 187–195; *Толочко А.П.* «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 35; *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001; *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси... С. 65–67.

разнообразных инструментов, выработанных многовековым опытом византийской дипломатии. Эффективность предпринимавшихся византийцами шагов в отношении Руси едва ли может быть признана однозначно успешной. Однако, есть все основания полагать, что влияние византийских иерархов на политику великих князей нередко приносило свои плоды. Несомненно, что в межкняжеских конфликтах второй половины XI и середины XII вв., ознаменовавшихся возникновением митрополий в Чернигове и Переяславле, учреждении Смоленской епископии, внутренних церковных конфликтах, связанных с деятельностью Андрея Боголюбского и еп. Феодора участие византийской церковной дипломатии очевидно, и важнейшим проводниками этой политики являлись митрополиты Киева.

1.3. Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой

Отношение древнерусской иерархии XI–XIII вв. к Западной Европе давно привлекает внимание исследователей. В наши дни интерес к религиозным аспектам русско-европейских связей способствовал появлению сравнительно небольшого, но крайне интересного и яркого комплекса работ, связанных с именами М.Б. Свердлова, Г. Подскальски, А.В. Назаренко, М.Ю. Парамоновой, Т.Н. Джаксон, свящ. К.А. Костромина и иных авторов¹⁰⁵. Степень доступности и

¹⁰⁵ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.). СПб., 1996. Т. 1; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1991 г. М., 1994. С. 5–138; *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ Вацлавского и Борисоглебского культов. М., 2003; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / сост. Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон. М., 1987; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и её соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 5–169; *Костро-*

изученности источников и богатство историографической мысли таково, что позволяет провести комплексную оценку места митрополитов в русско-европейских политических отношениях.

Как уже не раз отмечалось, византийские первоиерархи древнерусской церковной организации при несении своих пастырских обязанностей выполняли в том числе и дипломатические функции, призванные обеспечивать и защищать интересы Византии в землях восточных славян. Очевидно, статус греческих архиереев в социальной и политической организации восточнославянского государства был такой, что некоторое время представлял им некую автономию от полного контроля княжеской властью. Правда, по мере упрочения христианской церковной организации происходило и расширение княжеского контроля над деятельностью иерархов. Именно последним можно объяснить, по крайней мере, три периода осложнения отношений между великокняжеской властью и митрополитами. Во-первых, это конфликт, возникший в период правления Святослава Ярославича, во-вторых, осложнения в отношениях между митр. Иоанном и Всеволодом Ярославичем¹⁰⁶. Наконец, в-третьих, время борьбы за митрополичью кафедру в период святительства Климента Смолятича¹⁰⁷.

Систематическое исчезновение и даже бегство митрополитов с киевской кафедры ясно указывает на то, что зачастую византийские

мин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. СПб., 2011.

¹⁰⁶ В 1072 или 1073 гг. Киев оставил митрополит Георгий. До 1087 г. ни сан, ни имена митрополитов не появлялись на страницах летописей. Что касается митр. Иоанна, то на имевшиеся между ним и князем разногласия указывает его послание. В нём святитель помимо всего неодобрительно отнёсся к вопросам браков русских князей с западноевропейцами (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173, 198; Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 7 [вопр. 13]; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 83, 86).

¹⁰⁷ О Клименте Смолятиче и его времени: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 289–294; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 300–316; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 21–79.

иерархи оказывались неспособными к защите интересов империи при великокняжеском столе. Встретив неудовольствие князя, они нередко были вынуждены покинуть свои кафедры, отбывая в Константинополь или в стан своих союзников¹⁰⁸. Возникавшими противоречиями, лишавшими митрополитов реальной власти над церковью, можно объяснить то, что продолжительное время греческие иерархи предпочитали умирать у себя на родине, а не в пределах окормляемого ими диоцеза¹⁰⁹.

Только после смерти Святополка Изяславича с приходом к власти Владимира Мономаха, ситуация стала изменяться в пользу Византии и «начался необратимый процесс разрушения русско-европейских связей, затянувшийся до середины XIII века»¹¹⁰. Во всяком случае, по мнению П.И. Гайденко, уже к концу XII в. киевских митрополитов можно рассматривать уже не только в качестве заложников местных социально-политических и религиозных реалий, но и активных участников церковно-политической жизни Руси, действующих как в интересах слабевшего Константинополя, так и местной великокняжеской власти¹¹¹.

Тем не менее, особый статус митрополитов, да и самого византийского духовенства, заключавшийся в том, что, будучи легатами, те представляли интересы империи, обязывал греческих иерархов к определённом и хорошо предугадываемому отношению к латинской Европе. Поэтому интересы византийского епископата не ограничивались интересами Русско-Византийских отношений. В сферу их внимания попадали, в том числе и отношения Руси с Западной Европой.

¹⁰⁸ Так сложилась судьба митрополита Константина, умершего в Чернигове и удивившего современников своим завещанием, касавшимся организации его похорон (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века... С. 80–137).

¹⁰⁹ *Гайденко П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси ... С. 82–87.

¹¹⁰ *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): автореф. дисс. к.и.н. СПб., 2011. С. 11–12.

¹¹¹ *Гайденко П.И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: автореф. дисс. д.и.н. Екатеринбург, 2011. С. 32–34, 36.

Можно выделить, по крайней мере, две группы причин такого ревностного отношения византийцев в этом направлении. Несомненно, основная причина сложных политико-канонических противоречий – разногласия, существовавшие во взаимоотношениях между Византией, с одной стороны, и Римом и Германией, с другой. Завуалированные догматическими противоречиями споры за права первенства чести, церковный и политический контроль над спорными территориями и, наконец, существенные различия в понимании политических целей и принципов существования христианского мира, безусловно, становились мощными факторами взаимного непонимания, недоверия и ревности. Всё перечисленное усугублялось осознанием целостности христианского мира, оказавшегося перед угрозой исламского вторжения¹¹².

Вторая группа причин была обусловлена внутренними проблемами в самой церковной организации Руси. Наличие целого ряда заимствований, привнесённых из Европы в русскую церковную жизнь и жизнь правящего дома Рюриковичей, детально проанализированных в работах М.В. Мурьянова, М.Ю. Парамоновой, А.В. Назаренко, В.В. Милькова, К.А. Костромина, П.И. Гайденко и Т.Ю. Фоминой, позволяют заключить, что митрополиты домонгольской Руси едва ли были способны контролировать отношения собственного клира с западным христианством. Эта продолжительная слабость митрополичьего авторитета и византийского влияния даже в церковной среде нашла своё отражение в целом комплексе свидетельств: в бегстве Анастасия Корсунянина в Польшу¹¹³, в латинских влияниях в Борисо-Глебском культе¹¹⁴, в возможном уча-

¹¹² Кардини Франко. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007; Ле Гофф Жак. Рождение Европы. СПб., 2008.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 131; Гайденко П.И. Очерк древнейшего периода Русской Церкви: Место киевских митрополитов в системе политических отношений Киевской Руси. Saarbrücken, 2011. С. 183–184.

¹¹⁴ Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ Вацлавского и Борисоглебского культов. М., 2003; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. ... С. 107–117.

стии будущего митрополита Илариона в дипломатии Ярослава¹¹⁵, во введение на Руси волей митр. Ефрема празднования перенесения мощей святителя Николая из Бари¹¹⁶, в учреждении в Новгороде помимо воли митрополита празднеств и культов латинских святых, в деятельность ирландского монастыря Антония Римлянина в Новгороде¹¹⁷, в заимствованиях архитектурных и литургических элементов из западноевропейской церковной жизни¹¹⁸, в терпимом отношении, а порой и в дружественных связи новгородских архиереев с западноевропейским духовенством, пребывавшем на территории города, а также в иных признаках¹¹⁹. Подобные связи и симпатии не

¹¹⁵ *Овчинников Г.К.* Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М., 2011. С. 96–97.

¹¹⁶ Для греков данное событие было настоящим похищением. Однако на Руси восприняли именно латинскую версию произошедшего, представившую событие как «чудесное перенесение», призванное спасти останки чудотворца от поругания мусульманами и для пользы христианского мира (Слово о перенесении мощей святителя Николая // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 555–557; *Димитрий Ростовский, митр., свт.* Жития святых. М., 1908. Кн. 9 (Май). С. 292–297; *Хрусталёв Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 119–186).

¹¹⁷ *Кузьмин А.Г.* Крещение Руси... С. 197–203; *Семикопова Т.В.* Истоки учёности Кирика Новгородца – монаха, ученого мыслителя XII в. // православие и русская литература: сб. стат. / под ред. Г.А. Пучковой. Арзамас, 2009. С. 49–54; *Мильков В.В.* Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI в. 2010. № 6. С. 92–94; *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Учёный инок. Антониев монастырь. XII век // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 30–80.

¹¹⁸ Примерами этого могут служить широкое использование колоколов, присутствие на Руси «божниц» (домовых храмов по образцу латинских домовых церквей и часовень), некоторые архитектурные решения и живописные решения в храмовом строительстве и т.д. (*Беляев Л.А.* Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII – первая треть XIII вв. // История: дар и долг. Юб. сб. в честь А.В. Назаренко. М., 2010. С. 12–24; *Костромин К.А., свящ.* Разделение церквей на Руси и европейское романское искусство // Труды Київської Духовної Академії, 2011. №15. С. 182–186; *Бондаренко А.Ф.* История колоколов России XI–XVII вв. М., 2012. С. 24–85).

¹¹⁹ Наиболее яркий пример – перенос православного храма в угоду немецкому костёлу. «Заложиша церковь деревяну Иоанн архиепископ Собор свягата

могли не беспокоить киевских архиереев, власть которых над большинством русских кафедр, пользовавшихся покровительством князей и городов, в обозначенный период, до 60–80-х гг. XII в., была во многом условной¹²⁰. Всё происходившее во многом было обусловлено самыми близкими отношениями русских князей и знати с правящими домами Европы и их дворами.

По мнению К.А. Костромина, появление антилатинских обличительных сочинений на Руси имело не столько практическое значение, сколько отвечало византийской традиции, предполагавшей написание архиереями подобных полемических творений¹²¹. Вместе с тем, нельзя не учесть ещё одну точку зрения, предположение, высказанное П.И. Гайденко. Он допустил, что полемические произведения в какой-то мере всё же могли быть востребованы обстоятельствами времени, поскольку обращены не столько к местному, восточнославянскому, сколько греческому духовенству на Русской земле. Послания не имели широкого хождения, а порой, как в случае послания митрополита Леона, даже не были переведены¹²². Поэтому единственными, кто мог выслушать или прочесть сочинение своего митрополита могли оказаться только византийцы. Возникшая на Руси ситуация осложнялась тем, что подобное терпимое отношение духовенства к латинянам могло легко найти сочувствие и понимание в княжеской среде, связи которой с Западной Европой и её культурным нормам становились предметом особого беспокойства. Подтверждение этих беспокойств обнаруживаются в послании Феодосия к князю Изяславу, обличав-

Иоанна Предтечи; и в лето 6700 пренесли церковь древяну святаго Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша Немецкую ропату, и о том бысть чудо о посадники Добрыни» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 194).

¹²⁰ *Гайденко П.И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: автореф... С. 34–36.

¹²¹ *Костромин К.А., свящ.* Разделение церквей на Руси и европейское романское искусство... С. 180.

¹²² На это обстоятельство обращало внимание большинство исследователей этого текста. Историография, посвящённая данной проблеме достаточно объёмно изложена у Г. Подскальски (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.). Т. 1. СПб., 1996. С. 280 в т.ч. примечания).

шем «пороки» латинян¹²³, и в рекомендациях Иоанна II, призывавшего близких к князьям иноков не одобрять княжеские браки с западно-европейцами¹²⁴. Судя по числу этих браков, опасения византийцев были ненапрасными¹²⁵. Если при этом учесть то, что жены князей могли сохранять право молиться на латинский манер¹²⁶, а русские князья принимали финансовое участие в религиозной жизни Западной Европы¹²⁷, то эмоциональность этого послания и пастырская ревность греков в вопросах сближения князей с церковными и светскими кругами Европы становятся вполне объяснимыми и понятными¹²⁸.

¹²³ Послание Печерского игумена Феодосия-грека ясно указывает на то беспокорство, какое вызывали прозападные интересы Изяслава Ярославича (Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 295–297; *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 6–13; *Гайденко П.И.* Место письменных наставлений и назидательных посланий духовенства в религиозно-политической жизни Киевской Руси // *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Ч. 1. ... С. 163–176; *Костромин К.А., свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение, 2011. 1(36). С. 6–97).

¹²⁴ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 7 [вопр. 13].

¹²⁵ О княжеских браках: *Назаренко А.В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого... С. 181–194; *Он же.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001; *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. ... С. 202–103, 105, 109, 119–126.

¹²⁶ Подтверждение этому может служить молитвенник Гертруды (*Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. 4. С. 142–164; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 277–283).

¹²⁷ Примеры подобных пожертвований исследованы А.В. Майоровым (*Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. №4 (34). С. 78–96).

¹²⁸ Примерами этого могут служить пожертвования Изяслава Ярославича в кафедральный архиепископский собор в Гнезне и вклад Романа Мстислави-

Обличительный тон посланий в адрес латинян позволяет заключить, что современники этих текстов не вполне ясно осознавали канонические реалии и догматические нормы латинской Европы. Более того, они не всегда понимали те различия, которые существовали между Германией и Римом по церковным вопросам. Примером этого могут служить антилатинские обличения Феодосия-грека, в которых смешано национальное и религиозное, «мелочное» и важное, реальность и домыслы¹²⁹.

Привлекает внимание то обстоятельство, что в окружении великих князей, до митрополита Иоанна III, а особенно до Никифора, продолжительное время местные русские первосвященники пользовались меньшей честью перед латинским духовенством. Примером этого может служить сцена трогательного прощания еп. Бруно с князем Владимиром Святославичем¹³⁰. Ничего подобного в отношении русских архиереев не известно. Всё это хорошо объясняет то, почему митрополит Иоанн II, неожиданно почтённый вниманием римского понтифика, так искренне откликнулся на послание папы, отправив ему письмо в самых уважительных тонах и выражениях¹³¹.

ча в монастырь св. Петра (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне... С. 282; *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа... С. 118–125).

¹²⁹ Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской»... С. 295–297; *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862–1462 гг.) СПб., 1998. С. 254; *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. С. 11–12; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.). Т. 1... С. 294–301; *Гайденко П.И.* Место письменных наставлений и назидательных посланий духовенства в религиозно-политической жизни Киевской Руси // *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Ч. 1. ... С. 198.

¹³⁰ *Бруно Квертфутский* Послание к германскому королю Генриху II // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т. 4. С. 55–62.

¹³¹ Послание митрополита Иоанна Римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие древней Руси XI–XIII века. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 30–34.

* * *

Проведённое исследование позволяет заключить, что киевские митрополиты пытались принимать активное участие в Русско-Европейских отношениях. Однако их действия и усилия не имели большого успеха. Послание митрополита Иоанна II к папе – едва ли не единственный пример вовлечённости русских первосвященников в европейские церковно-политические процессы. Более традиционным способом митрополичьего влияния выступали послания, обращённые к князьям или пастырям, способным повлиять на княжескую волю. Тем не менее, этот не слишком богатый и далеко не всегда успешный опыт участия греческих митрополитов в европейской политике русских князей, несомненно, способствовал поддержанию их авторитета если и не в светской, то в церковной среде.

* * * *

К моменту монгольского нашествия (концу 30-х годов XIII в.), церковь подошла вполне сформировавшимся институтом, хорошо интегрированным в систему социально-политических отношений Древней Руси. К указанному времени высшая церковная иерархия в лице митрополита, епископата и игуменов важнейших древнерусских монастырей приобрела значительный опыт участия во внешне- и внутривосполитических конфликтах различного рода. Это участие выражалось как в форме мирного посредничества, так и в разнообразных специфических усилиях, характерных для религиозных структур: interdиктах, посланиях, увещаниях, соборных решениях. Всё перечисленное либо предупреждало конфликт, либо, в случае обострения противоречий, способствовало снятию излишней напряжённости в возникавших противостояниях. Успех подобных миссий во многом объяснялся высоким рангом епископата и осознанием духовного авторитета пастырства и архипастырства всеми сторонами того или иного противостояния. Нередко благоприятный исход дела зависел и от личных достоинств самого епископа, как это было в случае епископа Нифонта или митрополита Никифора. В значительной мере авторитет святителя обеспечивался греческим

происхождением архиерея, возвышавшим «переговорщика» над договаривающимися сторонами.

Необходимо признать, что, начиная с конца XI века, во главе церковного управления появляется целый ряд очень ярких личностей, среди которых особо выделялись митрополит Иоанн II или уже упоминавшийся митрополит Никифор. Неудивительно, что, обладая богатым политическим опытом, епископат умело распоряжался находившимся в его распоряжении набором инструментов воздействия на конфликтующих. Правда, следуя византийской традиции, такое влияние чаще всего осуществлялось через оказание морального давления на представителей правящей династии и господствующих элит. В основе таких механизмов лежали усилия по навязыванию стереотипических представления о дозволенном и табуированном в сфере брака, быта, наследования власти.

В итоге упоминавшаяся система канонических норм, интердиктов, посланий и личных увещаний в немалой мере способствовала поддержанию на Руси более мирных отношений, чем это могло бы быть. Более того, сложившиеся к середине XIII века инструменты церковного управления уже не только существовали в восточнославянском обществе, но и оказались вполне эффективными и достаточно гибкими для осуществления эффективного церковного влияния на городские элиты и на членов семьи правящей династии.

ГЛАВА 2.

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Киевская митрополия в 1237–1251 гг.: от разрушения к воссозданию

Монгольское нашествие стало временем безусловного перелома прежнего устройства, как для самой Руси, так и её церковной организации. Историографические представления о положении церкви монгольского периода постоянно претерпевают различные трансформации. Но не может быть подвергнут сомнению тот факт, что в 1237–1241 гг., в период особо острого противостояния Руси и Монгольской империи, вполне верно названный Е.И. Сусенковым русско-монгольской войной¹, священная иерархия разделила трагические судьбы русских городов и своего народа. Летописание XIII–XV вв. донесло до потомков т.н. Повесть о нашествии Батые². Оно вполне ясно свидетельствует о том, что духовенство, монашество и даже высшая иерархия в дни вторжения монголов претерпевала бедствия и тяготы наравне со своей паствой и князьями. Сведения Повести находят подтверждение в комплексе письменных свидетельств, а также результатах археологических изысканий.

Подобно многим своим современникам духовные иерархи, клирики и монахи либо умирали, либо попадали в плен, либо спасали свою жизнь бегством. Летописание сообщает, о том, что в 1237 г. во время осады Владимира-на-Клязьме в огне пожара погиб укрывшийся в соборе еп. Митрофан³. Через два года, в 1239 г., был убит Пере-

¹ Сусенков Е.И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.): дисс. к.и.н. Томск, 2003.

² Ставиский В.И. Рассказ о нашествии Батые на русские земли по рукописи из Пскова // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 47. С. 148–150; Майоров А.В. Повесть о вторжении Батые в Ипатьевской летописи // ROSSICA ANTIQUA. СПб., 2012. Вып. 1. С. 33–94.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

яславский еп. Симеон⁴. Оба архиерея в русском летописании названы «преподобными», что означает одно – их смерть воспринималась как мученичество и вскоре получила церковное почитание. Подобно Митрофану черниговский епископ Порфирий также не покинул своей кафедры и остался в городе до его падения. Но в отличие от владимирского епископа Порфирий был оставлен монголами в живых, оказался в плену и вскоре отпущен и препровождён в Глухов⁵. Пытаясь объяснить случившееся, Н.М. Карамзин высказывался за то, что монголы помиловали святителя, желая «обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению»⁶.

Вероятнее всего, спасение черниговского архиерея, объясняется тем, что к 1239 г. монголы стали различать духовенство от мирного населения. Очевидно, остальная часть епископата предпочла оставить свою паству на попечение Бога и на милость противника⁷. Например, рязанский епископ покинул кафедру ещё в самом начале осады города, что вероятно и стало причиной того, что летописец изгладил его имя из историй⁸. В поведении других иерархов присутствовали и извинительные обстоятельства. Некоторые архиереи могли осознанно выводиться из городов, подвергшихся опасности. Так, в 1243 г. Даниил Романович вывез с собой из готовившегося к осаде Холма наречённого митрополита Кирилла⁹. Не исключено, что и находившиеся в Киеве во время пребывания там Джованни Плато Карпини епископы (имена которых, впрочем, не названы), также оказались в столице Южной Руси по инициативе княжеской власти ради их безопасности и спасения¹⁰.

⁴ ПСРЛ. Т.2. Стб. 782.

⁵ ПСРЛ. Т.2. Стб. 782.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2: Т. 4–6. М., 1997. С. 41.

⁷ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2: Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Ч. 1. М., 1997. С. 14–15.

⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 287; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 14.

⁹ ПСРЛ. Т.2. Стб. 794.

¹⁰ Иоанн дель Плато Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / перевод А.И.Малеина. М., 1957. С. 82.

Хорошо известно, что законы Яссы охраняли права религиозных культов исключительно на территориях покоренных монгольской империей¹¹, и совершенно очевидно, никак не распространялись на покоряемые народы, и тем более, на их духовенство. Также, судя по самому тексту статьи Яссы, в которой отражена веротерпимость монголов, не придавалось особого предпочтения ни одной религии внешнего окружения. Для монголов любой религиозный культ виделся всего лишь как средство получения «благопожеланий» в делах.

Зимой 1240 г. пал Киев. Многочисленные результаты раскопов, систематизированные М.К. Каргером, вполне наглядно воссоздают размах драмы разорения города. Следы произошедшего бедствия, представленные не только руинами и тайниками, но и братскими захоронениям, прослеживаются практически на всей площади древнейшей части современной столицы Украины и бывших киевских пригородов и монастырей¹². Захвату и разгрому подверглись и иные церковные центры: Владимир на Клязьме, Суздаль, Ростов, Переяславль, Чернигов, Галич¹³. А сожжённое и запустевшее городище Старой Рязани, оставленной жителями, и по сей день представляет интерес для археологов¹⁴. Правда, было бы ошибкой считать, что Батый полностью уничтожил Киев. Разорённый город продолжал существовать, в нём теплилась и политическая, и церковная жизнь даже после того, как волны монгольских орд откатились далеко от стен Киева. Свидетелями этого возрождения, произошедшего в

¹¹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан: эссе. Казань, 2008. С. 224.

¹² *Каргер М.К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М., Л., 1958. Т. 1. С. 488–518.

¹³ Общерусское, южнорусское и новгородское летописание с разной степенью подробности рисует ужасающую своей жестокостью картину разграбления городов, монастырей, храмов, их ризниц и святынь, убийств, пыток и пленения не только обычных горожан, но и знати, духовенства, членов их семей, иночества и различных церковных лиц (ПСРЛ. Т.1. Стб. 261–264, 269–270; ПСРЛ. Т.2. Стб. 779–782, 784–786; ПСРЛ. Т.3. С. 216–223; ПСРЛ. Т.10. С. 105–109).

¹⁴ *Цепков А.И.* Рязанский край и соседние земли до середины XIII века: в 2 т. Рязань, 2010.

1246–1249 гг., оказались западноевропейские миссионеры¹⁵. До наших дней сохранилась значительная часть храмовых комплексов Киева, а имеющиеся в них существенные утраты стали результатом действия не монголов, а польской шляхты XV–XVII вв., а также советских реконструкций и сносов 30-х – 50-х гг. XX в. Впрочем, в свою очередь и преуменьшение степени разрушений, нанесённых городу монголами оказалось бы ещё большей нелепостью. Масштаб бедствий не мог не сказаться не только на общем управлении разорёнными территориями Южной и Северо-Восточной Руси, но и на состоянии церковной власти. В какой-то мере ситуация вокруг митрополичьего управления на Руси напоминала положение дел, связанных с развитием событий вокруг великокняжеского стола. Наиболее наглядно это проявилось в обстоятельствах падения Киева.

В 1237 г. Менгу-Тимур подошёл к древней столице Руси и, как уверял летописец, удивлённый красотой города, начал переговоры с князем и горожанами о сдаче «матери городов Русских»¹⁶. В этот час великим князем киевским был Михаил Всеволодович. Отказав послам, он почему-то не стал организовывать оборону столицы и бежал из города «перед Татары во Угры». В итоге Киев перешёл к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. Но вскоре и тот был смещён Даниилом Романовичем Галицким. Правда, Даниил также не стал задерживаться в городе и доверил оборону столицы боярину Дмитрию, передав в его в «роуце» всю полноту власти над Киевом¹⁷.

К 1239 г. Михаил и Даниил примирились. Галицкий князь обещал вернуть город Михаилу¹⁸. Однако тот в Киев так и не выехал¹⁹.

¹⁵ Иоанн дель Плано Карпини, сообщая о своём пребывании в Киеве, отмечает здесь присутствие и князей, и знати, и духовенства, и епископов, оказывавших ему радушный приём и ведших с ним различные переговоры и беседы (*Иоанн дель Плано Карпини. История Монгалов...* С. 81–82).

¹⁶ «Меньгоуканови же . пришедшоу сгладать градъ Къева . ставшоу же емоу на внои странѣ Днѣстра . во градъка Пѣсочного видивъ градъ . оудивисѣ красотѣ его . и величествоу его присла послы свои к Михаилуоу и ко гражаномъ . хотя е . прельстити и не послушаша егѣ» (ПСРЛ. Т.2. Стб. 782).

¹⁷ ПСРЛ. Т.2. Стб. 782.

¹⁸ ПСРЛ. Т.2. Стб. 782.

¹⁹ По всей видимости, ко времени нашествия монголов Киевский удел утратил своё экономическое значение, и обладание им рассматривалось князьями

Вероятной причиной этой медлительности являлся страх перед монголами²⁰. Черниговский князь возвратился в Киев, разместившись на одном из днепровских островов, только после того, как войска Батые ушли из разоренного ими города²¹.

Бегство князей из Киева, а затем и падение города позволяют рассматривать исчезновение митрополита Иосифа, судьба которого стала предметом непродолжительной, но весьма показательной научной дискуссии, в качестве закономерного явления²². Возникшая ситуация способствовала если не разрушению, то, несомненно, дезорганизации и без того довольно слабой системы высшего церковного управления, ещё не вполне сформировавшейся ко времени нашествия²³. Однако и дальнейшие события вплоть до 1251 г. показыва-

главным образом в контексте старейшинства. Поэтому отъезд князей мог быть вызван не столько страхом перед врагом, который первоначально не решился на штурм хорошо укрепленной крепости, сколько желанием защитить свои отчины.

²⁰ Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 218–219.

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

²² В научном сообществе так и не сложилось единого мнения относительно того, что произошло с киевским святителем. Умер ли он своей смертью или сгинул по дороге в империю, погиб ли при обороне Киева, достоверно не известно (*Макарий (Булгаков), св., митр.* История Русской Церкви: история Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1448): Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М., 1995. Кн. 3. С. 13, 15; *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью... С. 459) или бежал ли в Византию в виду угроз и дипломатических интересов Византии (*Карташев А.В.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 29; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества: Очерки. СПб., 2012. С. 92–93; *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С.15). Однако, нельзя не заметить того, что память об Иосифе ни разу не представлялась для современников в качестве примера мученичества. И такое молчание источников убеждает, что в исчезновении митрополита с кафедры ничего героического и заслуживающего доброй памяти не было.

²³ О слабости высшего церковного управления в домонгольской Руси: *Кантевев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 5–14; *Гайденко П.И.* Место киевского митрополита в системе политических отно-

ли, что судьбы киевских митрополитов во многом были обусловлены судьбами стоявших за ними князей и политических сил. Поэтому представляет интерес, во-первых, выяснить состояние высшего церковного управления на Руси после падения Киева, во-вторых, уточнить логику событий, связанных с выбором кандидата для занятия вакантной митрополичьей кафедры, и, в-третьих, проследить изменения в отношении главы русской церкви к монголам.

Возвращение Михаила в разорённый Киев должно было способствовать восстановлению церковной жизни и канонического управления. Перед Русью впервые открывалась возможность выбрать кандидата на митрополию без принципиального нарушения обычаев византийского мира и без прямого вмешательства патриархии, которая в эти годы сама находилась в изгнании в Никее и переживала не менее тяжёлые времена. Острота проблемы сохранения церковного единства Руси обнаруживается уже в том, что исчезновение митрополита Иосифа, чем бы оно ни объяснялось, трусостью или дипломатическими интересами Византии, дезориентировало систему церковного управления. Собственно, и проблема каноничности действий киевского иерарха и патриархии, оставивших огромную митрополию без церковного управления в исторической науке не разрешена. Высказанные по этому поводу мнения лишь объясняют мотивы оставления кафедры, но не дают каноническую

шений Киевской Руси (988 –1037 гг.): дисс. к.и.н. Казань, 2005 [диссертация без исправлений представлена в отд. монографии *Гайденко П.И.* Очерк древнейшего периода Русской Церкви: Место киевских митрополитов в системе политических отношений Киевской Руси. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011]; *Он же.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дисс. д.и.н. ...; *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9. Ч. 2. С. 38–44; *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009; *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие: монография. М., 2014; *Петр (Гайденко П.И.), иером., Филитов В.Г.* Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2. С. 40–59 и др.

оценку произошедшему²⁴. Между 1240 и 1251 гг. не зафиксировано ни одного рукоположения епископов. Только появление трёх претендентов на митрополию позволяет обнаружить некоторую вялую активность в направлении воссоздания архиерейского управления.

Судя по всему, вопрос о возведении епархиальных архиереев в глазах епископов и князей, которые, кстати, тоже не торопились с восстановлением кафедр, считался компетенцией митрополита²⁵. Поэтому наиболее важным считалось решение проблемы занятия киевской первосвятительской кафедры. Правда, и здесь епископат проявлял предусмотрительную осторожность, вызванную опасением быть наказанными подобно тому, как это произошло в 1156 г., когда новый митрополит Константин «низложил климову службу» и подверг церковным прещением союзников своего предшественника²⁶.

О неудовлетворительном состоянии высшей церковной власти в период нашествия и последующие годы можно судить, по меньшей мере, по двум важным признакам, во-первых, по росту злоупотреблений среди епископата и, во-вторых, по участию архиереев в династических конфликтах. О не высокой нравственности архиереев позволяют заключить решения Владимирского собора 1274 г., обличившие главный порок церковных иерархов этого периода – взяточничество, симонию²⁷. Источниками злоупотребления, скорее

²⁴ Правила церкви предполагают суровые наказания для клириков и иерархов, самовольно оставивших место своего служения или отрёкшихся от своей кафедры [33 апостольское правило, послание 3 Вселенского собора и др. определения] (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1911. Т. 1. С. 97–98, 312–328).

²⁵ Скорее всего, медлительность и даже попустительство князей в вопросе восстановления еп. и архиеп. кафедр было связано с тем, что во-первых, в условиях войны выделение и без того скудных средств на епископские и архиепископские расходы было делом бесцельным и обременительным, а во-вторых князей останавливали политические обстоятельства – существование оппозиционных сил, в лице епископата и вечевыми структурами городов. Князья несли ответственность за неудачу в русско-монгольской войне, поэтому в сложившихся условиях выборы митрополита могли грозить Руси обострением внутренних противоречий.

²⁶ ПСРЛ. Т.2. Стб. 485.

²⁷ На первом месте названа симония (взятки и поборы с духовенства), которой посвящена значительная часть объёма решений собора (Определения Вла-

всего, стали а) концентрация в руках архиереев (помимо канонических) существенных светских прав, б) необычайная степень свободы, открывшаяся перед епископатом в период отсутствия твёрдых основ великокняжеской и митрополичьей власти, в) предоставленные церкви со стороны монголов льготы, выведшие епископскую власть из-под княжеского и какого-либо иного суда²⁸.

Не менее остро стояла проблема втягивания епископов во внутривнутриполитическую борьбу на фоне русско-монгольского противостояния. Так, например, неприглядно смотрится вмешательство галицкого архиерея и перемышльского владыки в политическую борьбу в княжестве в 1240–1242 гг. Оба епископа стали участниками «крамолы» против Даниила. Дело завершилось постыдным бегством заговорщиков²⁹. Примечательно, что перемышльский архиерей назван «владыкой», что говорит о сосредоточении в его руках значительной светской власти³⁰. Прежде, в период подобных ссор, войн и противостояний, архиереи либо не вмешивались в борьбу враждовавших сторон, либо выступали в качестве примирителей³¹. Даже амбициозный

димирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 83–93).

²⁸ По предположению Р.Ю. Почекаева льготы закрепляемые в ярлыках могли выдаваться также и епископам (*Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / Редактор И.М. Миргалеев. Казань, 2009. С. 184). Получение подобного рода ярлыка по решению хана выводило из-под юрисдикции князя епископат, церковных людей и церковную собственность.

²⁹ ПСРЛ. Т.2. Стб. 793–794.

³⁰ О применении титула «владыка» в Древней Руси: *Гайдено П.И.* Церковная титулатура в домонгольской Руси: историко-культурные параллели // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодежной научной школы. 5–6 сентября 2012 г. В 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой и др. Казань, 2013. Т. 2. С. 36–46.

³¹ С конца XI в. примеры подобных усилий довольно многочисленны. В 1097 г. митрополит Николай участвовал в примирении Владимира Мономаха со Святополком Изяславичем и киевлянами, а через четыре года, в 1101 г., ходатайствовал перед Святополком за Ярослава Ярополчича (ПСРЛ. Т.2. Стб. 237–238). В 1136 г. митрополит Михаил выступал посредником между Ольговичами в их борьбе за Чернигов (ПСРЛ. Т.2. Стб. 299) и без особого успеха пробовал примирить новгородцев и ростовцев (ПСРЛ. Т.9. С. 158–159). В 1140 г. митрополит улаживал спор князя Всеволода в княжеском противостоянии за

любимец Андрея Боголюбского ростовский епископ Феодор не выступал с открытыми действиями против соперничавших с владимирским князем иных княжеских группировок. Не имело антикняжеской направленности и участие в 1113 г. митрополита Никифора в возведении на престол Владимира Мономаха³². Ныне же епископы оказались замешанными в тайном заговоре против своего князя. Нельзя исключить возможности того, что действия иерархов могли объясняться не только сближением архиереев с местными боярскими группировками, но и возросшей свободой их действий, неподконтрольных церковной и княжеской властям. Не способствовала стабилизации канонической жизни на Руси и состояние дел в патриархии, расположившейся после падения Константинополя в Никее и переживавшей тяжёлый период своей истории.

Никейская империя находилась в состоянии военных угроз со стороны сельджуков³³, монголов, перманентной войны с латинскими государствами и была вынуждена преодолевать споры и конфликты с единоверными политическими образованиями, возникшими на осколках распавшейся Византии. Эта нестабильность проявлялась и в

обладание Киевом (ПСРЛ. Т.2. Стб. 302–303). Под 1147 г. новгородское летописание сообщает об участии епископа Нифонта в заключении мира между новгородцами и суздальцами (ПСРЛ. Т.3. С. 214). В 1149 г. переялавский епископ слёзно умолял о примирении князей Изяслава и Ярослава (ПСРЛ. Т.2. Стб. 380). 1154 г. помимо всего ознаменовался миротворческими усилиями каменевского епископа Демьяна, пригласившего на киевский великокняжеский стол черниговского князя Изяслава (ПСРЛ. Т.1. Стб. 344). В 1164 г. черниговский архиерей участвовал в княжеском совете, решавшем вопрос о передаче княжеского стола Олегу Святославичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–523). В 1172 г. епископ Илья вёл переговоры с Андреем Боголюбским (ПСРЛ. Т. 3. С. 222). Подобные летописные сообщения отметят и последующие годы, вплоть до конца первой трети XII в. (*Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви... С. 47–48; *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 179–188).

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. С. 146. *Петр (Гайдено П.И.), иером., Филиппов В.Г.* Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 173–184.

³³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. М., 2002. С. 201–296.

церковной плоскости. Трудности преследовали патриархию уже с первых дней падения Царьграда. Спасшийся во время погрома Константинополя патриарх Иоанн X Каматир, родственник супруги императора Алексея, покинул разграбленную столицу и пребывал во фракийском городе Дидимотихе. Несмотря на то, что в 1204 г. в почти захваченной латинянами столице Иоанн сам венчал Феодора императорским венцом, по прошествии двух лет, в 1206 г., он отказался переехать в Никею и провозгласить Ласкариса императором, совершив его помазание. Обряд, на соблюдении которого настаивал Феодор, очевидно, воспринимался современниками как прямое заимствование из латинской церемонии помазания Болдуина, покорителя Константинополя и первого латинского императора на берегах Босфора³⁴. Иоанн оказался настолько решительным в своём нежелании отбыть под опеку Ласкариса, что даже сложил с себя сан, о чём оповестил духовенство. Данный шаг святителя, к сожалению, не получил всесторонней оценки в отечественной историографии³⁵, поэтому можно лишь догадываться о причинах произошедшего.

³⁴ Среди учёных, высказывавшихся за латинское заимствование обряда помазания, были Г.А. Острогорский, прот. Иоанн Мейендорф, Ж. Дагрон и др. (*Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева.* М., 1973. С. 33–42; *Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви. Киев, 2007. С. 99–100; *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме»... С. 344–345). Более сдержанную оценку обряда помазания высказал П.И. Жаворонков, допускающий византийские корни этого ритуала (*Жаворонков П.И.* Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. М., 1988. Вып. 49. С. 55–59).

³⁵ На решительный отказ патриарха вполне резонно обратил внимание А. Величко (*Величко А.* История Византийских императоров. В 5 т. М., 2010. Т. 5. С. 28). Но только Ф.И. Успенский высказал по этому поводу своё осторожное суждение. Он предположил, что отрицательный ответ патриарха был обусловлен старостью Иоанна и его родством с прежней императорской семьёй, которой святитель оставался верен до смерти (*Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 210). Думаем, что ситуация была сложнее и интересней. Не исключено, что решительность Иоанна помимо религиозных оснований обличает и личную неприязнь патриарха к Феодору. Никейский деспот проявлял не только патриотический пыл, но ради победы над едино-

Помазание Феодора на царство совершил новоизбранный местным духовенством (не без помощи самого Ласкариса) патриарх Михаил Авториан. Правда, некоторое время права нового православного патриарха, усвоившего себе титул «Вселенского», если и имели признание, то только в пределах Никеи. Во всяком случае, в 1207 г. Михаил оказался вынужден потребовать от подчинённого ему духовенства принесения клятв верности Ласкарису, что должно было поддержать не только авторитет Феодора, но и самого патриарха. В это же время в Константинополе действовал латинский патриарх, признанный частью местного греческого священства, высказавшего готовность поминать за церковными службами, на многолетии, папу³⁶.

Не менее спорной была ситуация в Болгарии. Здесь архиепископ Василий при одобрении своего покровителя Иоанна Колояна последовал примеру греков и, воспользовавшись их слабостью, нарёк себя высшим церковным саном восточно-христианского мира и подписывался как патриарх. Но наибольшую проблему представляли настроения греческого священства в Эпире. Здесь господствовали настроения, основанные на убеждении, что помазание Феодора и избрание патриарха в Никее – незаконны. Это мнение имело немало сторонников среди самых разных слоёв духовенства. Что же касается прав Константинопольского патриарха, то реагируя на действия никейских первосвященителей, эфирцы и их приверженцы вполне обоснованно считали, что константинопольский патриарх не имеет канонических оснований для вмешательства в жизнь других поместных церквей³⁷. Эта напряжённость, а порой и неопределённость продлилась вплоть до восстановления в 1261 г. византийской империи. Так, например, в начале 40-х годов XIII столетия патриаршая кафедра подолгу пустовала, а вокруг неё не утихали споры и волнения. Волны этих церковно-политических бурь и интриг наверняка доходили и до Руси, но здесь они оставались в стороне.

верными болгарами был способен и на союз с латинской империей, о борьбе с которой ещё совсем недавно решительно заявлял Ласкарис.

³⁶ *Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви... С. 98.

³⁷ *Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви... С. 101–104.

Разоренная и небезопасная русская митрополия в условиях войны едва ли могла привлекать внимание греков. Очевидно, амбициозный князь Михаил Черниговский воспользовался представившейся возможностью и возвёл на митрополию своего ставленника, некоего Петра Акеровича, вероятно, игумена монастыря Спаса-на-Берестове. Личность этого предстоятеля, не единожды привлекавшая внимание поздних историков, таинственна³⁸. О его существовании, как «архиепископа Руси», упоминают только западноевропейские источники – Матвей Парижский и хроника Бретонского монастыря³⁹. Древнерусские летописи, сообщая об игумене Петре⁴⁰, ничего не знают о митрополите Петре. Причины этого не вполне ясны. Именно этим можно объяснить то, что личность данного митрополита стала предметом небольшой, но крайне интересной дискуссии.

Первым, кто высказался в пользу гипотезы о том, что таинственным русским архиепископом следует считать прежнего игумена Петра Акеровича, состоявшего на дипломатической службе у своего князя Михаила Черниговского, был С. Томашевский⁴¹. К подобной версии был склонен и А.В. Карташев, увидевший в этом архиепископе главу русской митрополии. Но принимая во внимание то обстоятельство, что ни византийские, ни русские источники ничего не знают об этом митрополите, учёный полагал, что Пётр Аке-

³⁸ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви Т. 1. ... С. 293–294; *Соколов Р.А.* Русская церковь в XIII – начале XV в. // *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 94.

³⁹ «Великая Хроника» Матфея Парижского // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. С. 151. Аналы Бретонского монастыря // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 180.

⁴⁰ Единственное упоминание об игумене Петре Акеровиче под 1230–1231 гг.: «приде же с нима игумень прѣтго манастыря стго Спаса Киевѣ на Берестовѣмъ . Петръ Акеровичъ . и инъ мужъ Володимерь Гюргии столникъ его . си . г . е приходиша с митрополитомъ проса мира Михаилу съ Арославомъ». ПСРЛ. Т.2. Стб. 456.

⁴¹ *Томашевский С.* Предтеча Исидора Петр Акерович, незнаний митрополит руський (1241–1245 г.) // *Analecta ordinis s. Basilii Magni.* Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1927. Т. II, вип. 3–4. С. 281.

рович не являлся в полном смысле первосвятителем и оставался лишь нареченным митрополитом⁴², возглавляя церковь исключительно административно. То есть А.В. Карташёв видел в Петре одного лишь только носителя митрополичьего сана, т.е. архиерея, не обладавшего каноническими и богослужебными правами реального предстоятеля поместной церковной организации. Ещё одним сторонником данной идеи был В.Т. Пашуто. Признавая в архиепископе Петре того самого игумена Петра Акеровича, он всё же отказывал ему в реальной канонической власти над митрополией⁴³. Однако своё предположение о том, что «русский архиепископ» прибыл в Лион только в качестве наречённого предстоятеля, выдающиеся учёные никакими существенными доводами не подтвердили. Между тем, логика, положенная в обоснование, предполагающее категорический отказ Петру в канонических полномочиях, обладает уязвимым местом. А.В. Назаренко вполне убедительно показал, что в западноевропейском каноническом понимании титулы архиепископа и митрополита выступали синонимами⁴⁴. Лионцы же видели перед собой не местоблюстителя, а действующего архиепископа, настоящего архиерея, имевшего какие-то вполне убедительные полномочия главы киевской митрополии⁴⁵.

⁴² *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 125; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 54; *Петрушко В.И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособ. М., 2007. С. 96; *Анти Селарт.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // ROSSICA ANTIQUA. СПб., 2011.

⁴³ *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. С.284

⁴⁴ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. С. 314–315.

⁴⁵ Великая Хроника и анализы Бертонского монастыря сообщают о получении Петром особого приглашения. К тому же папа Иннокентий IV признал, что русский архиепископ прекрасно знает Евангелие и носит соответствующие «священные одежды». Правда, вид этих одежд существенно отличался от европейских (*Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 151, 180).

Необходимо заметить, что поездка в Лион требовала существенных материальных затрат⁴⁶, предварительных политических и межцерковных согласований, сопроводительных и подтверждающих грамот. Осуществить такое путешествие можно было только в том случае, если поездка была санкционирована светскими властями, а личность и полномочия Петра как действующего главы русской митрополии не вызвала у принимающей стороны возражений и сомнений. Кроме этого старания «изгнанного» митрополита вполне вписывались в политические усилия, как Михаила, так и Даниила, искавших военную помощь в Западной Европе. А значит, Пётр не был «наречённым митрополитом» и уж тем более самозванцем.

Никак не проявив себя во внутрицерковной жизни Руси, новый митрополит оказался замечен и даже в чём-то успешен на дипломатическом поприще. Его участие в Лионском соборе, возглавленном папой, имело большое значение, как для латинян, так и самих русских. Кроме этого вопрос о вторжении монголов был поставлен вторым в повестке дня собора⁴⁷. Всё это позволяет говорить о Петре, как об опытном дипломате. А.В. Карташёв полагал, что основной миссией Петра, пребывавшего в Европе, был поиск политических и воен-

⁴⁶ Необходимо особо отметить «священные» одежды, в которые был облачен архиепископ Руси Петр. Изготовление таких риз стоило больших средств, что лишний раз указывает на высокое положение их обладателя (*Там же*, С. 151, 180).

⁴⁷ Едва ли было бы верно всю заслугу этого приписывать Петру. Не менее Руси от нашествия монголов пострадали и венгры (*Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. Досаев А.С. СПб., 2012). А значит можно предположить, что Петр действовал совместно с венгерской делегацией. В дальнейшем имя Петра потерялось. Однако «Великая хроника о Польше и их соседях XI–XIII вв.» упоминает некоего епископа Петра Плоцкого, участвовавшего в одном из местных соборов. Временем его созыва указывается 1245 год. Как бы ни было соблазнительно допустить, что в 1245 г. Петр Акерович перешел под юрисдикцию одной из латинских церквей (в данном случае Польской), для отождествления личностей «архиепископа Петра» с Петром Плоцким нет никаких достаточных оснований («Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XII–XIII вв.: (перевод и комментарии) / под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М., 1987. С. 160).

ных союзников для борьбы с монголами⁴⁸. Опасность этого нашествия осознали не только на Руси, но и во всей Восточной и Южной Европе. Действительно, пространные описания ужасов монгольского нашествия, отражённые в записях Матвея Парижского, дают основание полагать, что источником этих сведений могли стать как доклады венгров, так и рассказы киевского «архиепископа».

О том, что на Руси в среде знати и духовенства присутствовали особые надежды на военную поддержку европейцев подтверждают записи Платона Карпини. Описывая своё возвращение в 1249 г. из Орды, он в следующих словах характеризует свои встречи и беседы с Даниилом Романовичем, его окружением, южнорусскими иерархами и боярами: «Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к Татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей, и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов»⁴⁹.

Тем не менее, при всех достижениях галльской миссии русского митрополита проблема того, почему же имя Петра не вошло в список киевских первосвятителей, остаётся неразрешённой.

Исключение Петра Акеровича из перечня русских митрополитов могло объясняться рядом причин. Во-первых, избрание Петра, с точки зрения византийского канонического сознания, было небезупречно, потому что оно совершилось без согласования с Никеей. Во-вторых, есть основания полагать, что поставление Петра произошло в «узком кругу» епископов без созыва собора всех русских архиереев, что лишало нового митрополита легитимности и безусловного авторитета в глазах местного епископата. В-третьих, митрополит Пётр был фактически замешан в заговоре против монголов. Подоб-

⁴⁸ *Карташёв А.В.* История Русской Церкви. М., 2010. С. 126–127.

⁴⁹ *Иоанн де Плано Карпини.* История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны... С. 61.

ные дипломатические сношения с Европой, по всей видимости, не оказались незамеченными монголами. Поставивший его князь Михаил вскоре был казнён за неповиновение и неуважение к ханам. В церковной житийной традиции «убиение» Михаила Черниговского связывается с отказом князя поклониться языческим богам и соблюсти определённые священные ритуалы⁵⁰. Однако нельзя исключать того, что гибель Михаила была обусловлена в том числе и политическими обстоятельствами, раздражавшими монголов. Положение Петра могло усугубиться и тем, что к 1243 г. Михаил утратил власть над киевским великим княжеством, которое волей монголов перешло в руки Ярослава Всеволодовича. Учитывая, что канонические права Петра гарантировались исключительно его патроном, с падением власти, а несколько позже и смертью Михаила, и утверждением великокняжеского достоинства за лояльным к монголам Ярославом, участь архиепископа была предрешена. Поэтому возвращение данного митрополита на Русь и признание за ним прав на кафедру влекли гнев кочевой империи. В таких условиях исчезновение Петра на просторах Галлии кажется вполне закономерным. В какой-то мере судьба этого предстоятеля во многом повторила судьбу одного из его предшественников, Климента Смолятича, жизнь и права которого также оказались обусловленными интересами княжеских семей и превратностями политической фортуны⁵¹.

Не менее суровой считается судьба ещё одного претендента на киевскую кафедру, угровского епископа Иоасафа, хоть и не именовавшего себя митрополитом, но попытавшегося усвоить себе его права и за это изгнанного из города князем Даниилом⁵². Насколько

⁵⁰ ПСРЛ. Т.6. Вып. 1. Стб. 318–327; Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2. М., 2010. С. 69–72.

⁵¹ Исчезновение Петра могло объясняться угрозами, возникающими во время путешествия. Территории Венгрии и некоторых областей Восточной Европы в целом были разорены и оставались небезопасными для странтсвий. Так или иначе, но «архиепископ Русии» не сумел довести до конца задуманное и не нашёл помощи на Западе.

⁵² Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью... С. 459; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 290.

серьёзными и обоснованными были намерения этого архиерея, и, в конце концов, признавались ли его канонические претензии иными иерархами, – ничего не известно. Эти годы ознаменованы ослаблением княжеской власти в Галицкой земле. Измотанный татарскими вторжениями и преследованием местный князь Даниил Романович искал спасения в Венгрии, а после вторжения в неё монголов, в Польше. Согласно мнению Антона Владимировича Карташева, по возвращении в Галицию, 1241 г., Даниил Романович резко пресёк действия самозванца⁵³. Однако летописные источники относят этот эпизод к более раннему времени. Вероятно, любой самопровозглашённый митрополит, мог найти поддержку у партии недовольных бояр и, по всей видимости, у местных епископов. В 1241 году Даниил Романович силой принудил подчиниться своей воле епископии и мятежные земли⁵⁴. Не исключено, что произошедшее в Угровске являлось лишь частным эпизодом и могло объясняться не только амбициозными действиями южнорусского епископата, что едва ли можно поставить под сомнение, но и насущной необходимостью хоть как-то преодолеть возникшее на Руси церковное «безвластие».

Большинство исследователей высказывается за то, что именно в эти годы, 1242–1243 гг.⁵⁵, Даниил и выдвинул на митрополичью должность Кирилла. Однако признание европейцами прав за митрополитом Петром Акеровичем, позволяет предположить, что выдвигание Кирилла должно было последовать не ранее открытия Лионского собора, т.е. не ранее 1245 г. При этом стоит отметить объективное замечание А.П. Толочко, допустившего, что титул архиепископа в отношении Петра мог быть поздней вставкой, что вполне обычно для церковных источников⁵⁶. Данное обстоятельство

⁵³ *Карташёв А.В.* История Русской Церкви. М., 2010. С. 124.

⁵⁴ ПСРЛ. Т.2, Стб. 791–794.

⁵⁵ Высказанная точка зрения основана на записи 1243 г. (в Ипатьевской летописи): «Въ лѣтѣ . љѣ . . ѡ . нѣ . [6751 (1243)] ... Даниль же затворивъ Холмъ . еха ко братоу си Василкови. поима с собою Коурила И митрополита.» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 794; *Карташёв А.В.* История Русской Церкви. М., 2010. С. 124–125; *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 52–53).

⁵⁶ *Толочко А. П.* Канцлер, митрополит и летописец: действительно ли митрополитом Кириллом был печатник Даниила Романовича? // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время:

позволяет отдалить дату наречения Кирилла (митрополитом) от указанного 1243 года. Следовательно, промежуток наречения определяется в период между 1246 и 1250 гг., т.е. после смерти Михаила Черниговского. Произошедшие перемены предоставили Даниилу Романовичу возможность выдвинуть собственного кандидата на киевскую первосвятительскую кафедру.

Личность и происхождение нового предстоятеля русской церкви Кирилла, и по сей день вызывают споры. Большинство исследователей высказываются за то, что до своего возвышения Кирилл был печатником князя Даниила. Учитывая высокий статус хранителя княжеской печати, который допускал возможность её занятия лицами духовного звания⁵⁷, данная версия видится вполне убедительной. Однако при этом не исключались и иные версии. А.В. Карташев и Е.Е. Голубинский полагали, что прежде своего призвания Кирилл был игуменом⁵⁸, а А.А. Толочко вообще отверг все вышеизложенные мнения⁵⁹. При этом полномочия данного митрополита до сих пор являются предметом научной дискуссии. Большинство исследователей полагают, что Кирилл в период с 1243 по 1250 г. носил титул «нареченного» митрополита, т.е. не мог пользоваться полным спектром административно-канонических прав за исключением тех канонических литургических полномочий, которые нахо-

сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [отв. ред.: В.Л. Янин, В.Д. Назаров]. М., 2010. С. 348.

⁵⁷ Вероятно, данная должность была заимствована в Венгрии, хотя, подобные должности присутствовали в большинстве западноевропейских держав Средневековья (о должностях в Венгерском королевстве: *Гусарова Т.П.* Постаршие институты и должности в Венгерском королевстве в XI–XVII вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 457–512).

⁵⁸ «... должно предполагать, что он былъ или изъ игуменовъ какого-нибудь монастыря области или же изъ простых монаховъ» (*Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 53). «В виду уклончивого поведения греков, он <Даниил Романович Галицкий – прим. авт.> в 1242 году сам избрал кандидатом на митрополию игумена или архимандрита Кирилла» (*Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 290). Однако данное толкование ничем не подкрепляется.

⁵⁹ *Толочко А.П.* Канцлер, митрополит и летописец: действительно ли митрополитом Кириллом был печатник Даниил Романович? С. 344–353.

дились в ведении епископата и митрополита⁶⁰. Не исключено, что Кирилл был рукоположен в митрополиты ещё на Руси. Но какими бы каноническими правами он ни обладал, его положение с точки зрения византийского церковного права без одобрения патриарха оставалось «шатким». Пока же, до поездки в Никею, власть Кирилла требовала существенной поддержки со стороны княжеской власти и скорейшего одобрения со стороны патриарха.

Между тем, патриархат пребывал «в изгнании» в Никее, его права вызвали недоверие даже в среде греческого духовенства, а сама киевская митрополия находилась под неусыпным взором ордынских баскаков. Единственный безопасный путь в Никею пролегал через Венгрию. Король поддержал намерения Даниила и Кирилла, предоставив ставленнику безопасный проход в Никею⁶¹. Поездка, длившаяся 3–4 месяца, успешно увенчалась успехом в 1250 году. Примечательно, что, извещая о намерении отбыть в Никею и о предпринятых приготовлениях, летописание ничего не сообщает о возвращении первосвященника или о достигнутых успехах⁶². Ничего не известно и об обстоятельствах пребывания святителя Кирилла при патриаршей кафедре.

⁶⁰ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. С.54; Карташев А.В. История Русской Церкви... С. 125; Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества... С. 96.

⁶¹ «Въ тожъ лѣто (1250 г., прим. Т.Р.) присла король Оугорьскыи . вицькаго река . поими дщерь ми за снѣ своего Лва . боѣше бо са его . аѣко былъ бѣ в Татарѣхъ . побѣдою побѣди Ростислава . и Оугры его . помыслив же си с братомъ . глѣоу его не оуѣ вѣры . древле бо того . измѣнили бѣ . вбѣщавъ дати дщерь свою . Коуриль бо митрополить . идаше посланъ . Даниломъ . и Василкомъ . на поставление . митрополье Роуской . бывшоу же емоу оу корола . оубѣди и . король словеси многими дары оувѣщова аѣко проведу тѣ оу Грькы с великою чѣстѣю . аще створить со мноу миръ внѣ же речъ клатвою клени мисъ аще не премѣниши слова своегъ . азъ шедъ приведу и . пришедъ же митроплить . и речъ емоу . хотение твое оу тебе есть поими дщерь его снѣоу си женѣ Василкови рекшоу . иди к нему . аѣко крѣтъѣнь есть . вѣтоуда же Даниль поиде . поемъ снѣ своегъ Лва . и митрополита . иде к королеви . и во Изволинъ . и поѣ дщерь его снѣоу си женѣ и вѣдасть емоу атыѣ болры . еже Бѣ вдасть в роуцѣ егъ . вдолѣвшоу емоу с братомъ . Ерославлѣ . и створи с нимъ миръ . и воротиса в землю свою.» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 809).

⁶² ПСРЛ. Т. 2, Стб. 809.

Между тем вступление иерарха на свою кафедру в церковно-политическом и религиозном сознании средневекового общества считалось знаковым событием. Для того, чтобы не заметить данный факт должны были присутствовать серьёзные основания. Вероятно, отмеченное противоречие объяснялось намерением летописца представить предшествующее никейскому постановлению святительство Кирилла как канонически безупречное.

Так или иначе, по прибытии на Русь митрополит Кирилл столкнулся с необходимостью решать накопившиеся за последние годы противоречия и проблемы не только в церковной, но и во внутрикняжеской среде. В итоге первыми дипломатическими шагами святителя стали усилия по сближению Романовичей с Ярославичами⁶³.

* * *

Таким образом, к 1250 году на Руси была восстановлена утраченная в 1240 году система высшего церковного управления. Тем не менее на протяжении этих десяти лет предпринимались усилия по восстановлению института киевских митрополитов. Вокруг епископата присутствовало понимание необходимости существования института митрополитов. К тому же полноценная дипломатическая жизнь без первосвященника в христианском мире не мыслилась. Результатом затянувшегося кризиса могло стать вполне допустимое самовыдвижение одного из южнорусских епископов, вероятно, принявшего на себя обязанности главы русской церкви. Данное обстоятельство становится еще более реальным, учитывая оппозиционную и самовольную позицию галицких епископов и галицкой знати. Во-вторых, воссоздание митрополии связывалось с внешнеполитическими амбициями Михаила Всеволодовича Черниговского. Обе попытки казались безрезультатными, поскольку возникли в первом случае на волне антикняжеской оппозиции (самовыдвижение Иосафа), а во втором (Петра Акеровича) – опирались на анти-

⁶³ «Тое же весни (1250 г., прим. Т.Р.). Приѣха митрополитъ Кирилъ на Суждальскую землю. Тое же зимы в жени са князъ Ярославичъ Андрѣи. Даниловною Романовича. и вѣнча и митрополитъ в Володимери оу сѣое Бѣи . съ еспѣмъ Кириломъ и много весельѣ бысѣ.» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472).

монгольские настроения. На описанном фоне появление кандидатуры Кирилла, как бы не интерпретировалось его происхождение, имело более веские основания. Оно было направлено на восстановление целостности церковного управления. На данном этапе практически все кандидаты на митрополию уклонялись от сотрудничества с монголами. Позиция Кирилла также оказалась сдержанной. Не вступая в союз с монголами, он уклонялся и от их осуждения. Выбранная Кириллом позиция способствовала признанию за ним его первосвятительского статуса. Всё перечисленное обеспечило лояльное отношение монголов к русскому первоиерарху и привело к укреплению канонического и политического положения Кирилла в церковной и в княжеско-боярской среде. В условиях сложных межкняжеских конфликтов и русско-монгольского противостояния действия нового митрополита привели к изменению статуса киевской первосвятительской кафедры в политической жизни Руси и в дальнейшем способствовали сближению киевских первоиерархов с ордынскими властями.

2.2. Становление дипломатических отношений между Ордой и митрополией

Возвращение митрополита Кирилла на Русь в 1250 году ознаменовало восстановление института киевских митрополитов. Однако произошедшее ошибочно рассматривать в качестве автоматического восстановления прежних церковных порядков. В предыдущие десятилетия власть митрополита и епископов всецело зависела от воли княжеской власти и отношений архиереев с городскими элитами. Теперь же на Руси возникли совершенно иные реалии. В политической и социальной плоскости появилась более могущественная сила, представленная монгольской империей, а затем Золотой Ордой. Премущественность великокняжеской власти, прежде основного источника и гаранта стабильности митрополичьего управления, уже контролировалась не столько древними внутрикняжескими отношениями, сколько интересами монголов, умевших сочетать свои амбиции и правовые традиции со сложными лествичными нормами рода Рюри-

ка. Именно монгольская власть контролировала великокняжеский стол. Со сложившимся положением дел необходимо было считаться. Если первоначально отношение церкви к монголам было обусловлено тем, что в людях степи видели завоевателей, то теперь ситуация изменилась. Монголы были признаны в качестве реальной политической власти. При этом, похоже, сами монголы, как показал, пример Черниговского епископа⁶⁴, были готовы идти на сотрудничество с церковью.

Вероятно произошедшая легитимизация власти Кирилла в 1250 г. патриархом не смогла полностью снять напряжение вокруг проблемы отношений киевского первосвященника с конкурирующими княжескими ветвями. Положение Кирилла оставалось сложным, он всё ещё был зависим от Даниила. По возвращении на Русь выяснилось, что политический центр силы сместился в сторону Ярославичей. В результате, перед новым русским первоиерархом стояла более чем сложная задача: не допустить церковно-политического раскола, подобного времени Климента Смолятича и приспособиться к новым политическим реалиям, сохранив добрые отношения с Даниилом, утратившим своё старейшинство. Новая церковная политика должна была удовлетворять интересам церкви, найти поддержку у соперников Галицкого князя и при этом не вызвать гнева монголов. В связи с этим представляет интерес, во-первых, понять каким образом каноническая и политическая деятельность киевского митрополита обуславливалась княжеским и ордынским влиянием, и, во-вторых, выяснить, как митрополит определял цели своей деятельности и своё место в сложной социальной и политической иерархии исследуемого времени.

Прежде, до монгольского нашествия, митрополиты редко выезжали за пределы кафедрального города⁶⁵. Обычно епископы сами

⁶⁴ Черниговский епископ Порфирий был оставлен монголами в живых и отпущен в Глухов: «во «В лѣт . ꙗ̅҃҃ . ѱ̅ . м̅з̅ . [6747 (1239)] ... Тогож̅ . лѣт̅ . Взаша Татарове Черниговъ . князи ихъ . выѣхаша въ Оугры . а град̅ пожегше и люди избиша . и манастырѣ пограбиша . а еписпа Перфурья̅ пустиша в Глуховѣ . а сами идоша в станы своѣ.» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 469).

⁶⁵ *Гайденок П.И.* Архиерейские поездки в домонгольской Руси: к вопросу о механизмах церковного управления. ... С. 43–44.

наведывались к своему первосвятителю. Однако в 40-е – 50-е гг. XIII в. ситуация изменилась. 10 лет безвластия приучили епископов к автономному существованию и при решении внутренних вопросов они, похоже, научились обходиться без митрополита, воспринимая сложившуюся ситуацию как своего рода норму. Доказательством этого служат обстоятельства первого путешествия нового митрополита. Судя по всему, поездки первосвятителю были призваны восстановить церковно-политическое влияние киевской кафедры на местах. При этом проблемы церковного управления во многом отражали трудности межкняжеских отношений тех лет.

Осенью 1246 г. с политической сцены сошли две крупнейшие политические личности эпохи, Михаил Черниговский⁶⁶ и Ярослав Всеволодович⁶⁷, до самой своей смерти остававшиеся личными врагами и конкурентами⁶⁸. В итоге, по воле монголов, в 1249 году «Киев и всю русскую землю» получил Александр Ярославич, а Владимирская земля была отдана младшему брату Александра, Андрею Ярославичу⁶⁹. Киев лежал в руинах, а реальный центр с властными

⁶⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 471; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

⁶⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб. 471.

⁶⁸ Предметом давних межкняжеских споров являлся Великий Киевский стол. В 1236–1238 гг. разразилось очередное столкновение за Киев: «приде Ярославъ . Соуждальскийи и вза Киевъ подь Володимеромъ . не мога его держати . иде пакуь Соуждалю . и вза под нимь . Михайль .» (ПСРЛ. Т.2. М., 2001. Стб. 777). После монгольского нашествия, право старшинства и владения Киевом определялось монголами, и Михаил Черниговский будучи в ставке монгольского хана, не принявший какие-то определенные ханские правила был умерщвлен и старшинство «во князях» из рук все тех же монголов получил Ярослав, который довольствовался этим титулом не более 10 дней, т.к. после одного из обедов данных ханшей Туракиной, матерью великого хана Гуюка, его одолела болезнь и вскоре 30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодович скоростижно скончался. Скорее всего, Ярослав был отравлен (*Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 208).

⁶⁹ Скорее всего, дав старшинство младшему Ярославичу, оставив за ним разоренный Киевский удел и уже не имевший большого значения титул старшинства среди князей, монголы пытались ослабить Александра (ПСРЛ. Т.1. Стб. 472).

и экономическими ресурсами, Владимир, оказался в руках Андрея⁷⁰. Скорее всего такой выбор монголов имел целью ослабить набиравшего политический вес и силы Александра, породить между братьями раздор и усобицу.

Даниил Галицкий, в свою очередь, быстро разобрался в новом перераспределении сил и ресурсов. Он и прежде уклонялся от конфликтов с династией Владимирских князей. Теперь же Даниил действовал ещё более осторожно. Предупреждая возможные конфликты с Ярославичами, он решил породниться с Андреем, наследником убитого Ярослава, и пожелал выдать свою дочь замуж за нового великого владимирского князя. С этой целью и была организована первая поездка Кирилла⁷¹. Путешествие стало своеобразной дипломатической миссией, призванной примирить Даниила с усиливающими свои позиции Ярославичами. К тому же митрополиту было доверено сопроводить невесту к её жениху.

Однако Кирилл не был безвольной марионеткой. Задуманное предприятие несло для первоиерарха свои выгоды. Перед архиепископом открывалась реальная возможность утвердить личный авторитет перед лицом нового великого владимирского князя и не допустить возможного возникновения церковной автономии северо-восточных княжеств. По сути, Кирилл не менее искавшего мира Даниила, был заинтересован в восстановлении собственного контроля над местными епископиями, чувствовавшими себя крайне независимо за спинами могущественных Ярославичей.

Брат Андрея, Александр Ярославич, также имел свои виды на знакомство и установление связей и отношений с Кириллом. Как показали дальнейшие события, оказавшись в Новгороде, Александр нуждался в поддержке со стороны митрополита. Встрече Александра и Кирилла благоприятствовали трагические обстоятельства. В

⁷⁰ Александр не остался в Киеве и сразу уехал в Новгород (ПСРЛ. Т.3. С. 80; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)... С. 208).

⁷¹ «В лѣтѣ . #ѣ . џ . нѣ . [6758 (1250)]... Приѣха митрополитъ Кирилъ на Суждальскую землю . Тое же зимы в жени са князъ Ярославичъ Андрѣи . Даниловною Романовича . и вѣнча и митрополитъ в Володимери оу стѣе Бѣи . съепспѣмъ Кириломъ и много веселья бысѣ» (ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 472).

1249 году крайне удачно и своевременно умер архиепископ Спиридон. Наиболее вероятно, именно Александру принадлежала идея пригласить Кирилла в Новгород для возведения нового новгородского архиепископа не в Киеве, а в древней новгородской Софии. Данное событие оказывалось одинаково выгодным как для самого старшего Ярославича, так и для нового митрополита, восстанавливавшего свою власть над крупнейшей древнерусской кафедрой на берегах Волхова⁷². Примечательно, что в Новгород Кирилл прибыл с Ростовским епископом Кириллом. Это означает, что власть митрополита над кафедрой новой столицы и важнейшим политическим центром Руси была восстановлена. И это был несомненный успех. Что касается новгородцев, то ранее они избирали своего архиепископа без участия представителей высшей иерархии Киева. И прежним митрополитам только оставалось утвердить решение новгородцев и совершить хиротонию нового архиерея. Однако в рассматриваемом случае роль митрополита существенно возросла, а совершаемое посвящение своей беспрецедентностью приобретало небывалую значимость, возвышая, в глазах современников, как самого Кирилла, так и пригласившего его Александра⁷³. Отбывая в поездку человеком зависимым и ослабленным, Кирилл завершал её как полноправный митрополит. Причины успеха могли объясняться тремя обстоятельствами: проявлением уважения к новгородцам, выразившимся в рукоположении их архиепископа; наличием достаточного политического и дипломатического опыта, накопленного в бытность службы при князе Данииле; неподдельной архипастырской искренностью, с какой действовал митрополит.

⁷² «В лѣтѣ . № . ѿ . [6759 (1251)] Поѣха митрополитъ в Новѣгородъ Великийи ко Сѣлександру . съ еписѣмъ Кирилѣмъ . и оумоленъ бывъ Новѣгородци . поставиша блѣжнаго Далмата еписѣпомъ.» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 472; ПСРЛ. Т.3. М., 2000. С. 80).

⁷³ Ранее рукоположение епископа происходило в Киеве. Теперь же поездка митрополита в Новгород и совершаемая им в новгородской Софии архиерейская хиротония создавали необычный прецедент. Радость и удивление горожан от увиденного ими события были настолько значительными, что летописец оставил примечательный комментарий: «и оумоленъ бывъ Новѣгородци» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 472).

В 1252 году по велению Батыея Александр получил права над Северо-Восточной Русью⁷⁴. Возникшие перемены объяснялись политическими интригами, как в самом Каракоруме, так и в Сарае⁷⁵. Действия Неврюевой рати⁷⁶, имевшие целью наказание Андрея, предвосхитили триумфальное возвращение Александра в Северо-Восточную Русь во Владимир и его утверждение на «столѣ вѣа ѿго Ярославѣ»⁷⁷.

Положение Александра в княжеской иерархии изменилось. Падение Андрея Ярославича, вероятно, было предопределено поступками старшего брата. Очевидно, Андрей Ярославич либо не смог гарантировать и обеспечить сбор выхода, либо (и) вѣл политиче-

⁷⁴ «В лѣтѣ . #̅̅ . ѱ̅ . ̅̅̅̅ . [6760 (1252)] Иде Г̅̅лександръ князь . Новгородскыи Ярославичѣ . в Татары . и ѿпустиша и с чѣстью великою . давшѣ юмустарѣишинство во всеи братьи ѿго.» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 473). Данная летописная запись очень важна. В одном и том же абзаце летописец различал «Канови» (Карокорум) и «татар» (Орду, Сарай). Это означает, что Александр отправился не в столицу монголов, а в Сарай, т.е. в Орду. Именно здесь Бату, после смерти Гуюка и свержения ханши Огуль-Гамиш, даровал Александру честь именоваться великим князем. Произошедшее объяснялось обстоятельствами, в которых находился хан, нуждавшийся в союзниках. Очевидно, своими поступками Александр заслужил доверие Бату и оставался верным заложённому союзу до своей смерти.

⁷⁵ Подобную трактовку событий мы можем видеть и в работе *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 60

⁷⁶ Летописание, сообщающее о походе Неврюя на Русь, не даёт ответа на вопрос о том, кто был инициатором этой военной экспедиции. И.Н. Данилевский высказал вполне обоснованное предположение о том, что, скорее всего, поход был организован Бату-ханом в интересах Александра Ярославича (*Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)... С. 209). Во всяком случае, более чем очевидно то, что результаты Неврюевой рати оказались наиболее выгодными старшему сыну Ярослава Всеволодовича. Также о возвышении Александра над братом Андреем на Суздальской земле и привязка к внутрёмонгольскому раздору (*Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)... С. 208–209).

⁷⁷ «Приде Г̅̅лександръ . князѣ великыи . ис Татаръ . в градѣ Володимерь . и оуерѣтоша и со крѣты оу Золотыхъ воротѣ . митрополитѣ и вси игумени . и гражане . и посадиша и на столѣ вѣа ѿго Ярославѣ.» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 473).

скую игру против монголов. На это указывают, во-первых, брак с дочерью Данила, который до своей смерти пытался найти помощь в Западной Европе, и, во-вторых, бегство Андрея от Неврюевой рати в шведскую землю⁷⁸.

В свою очередь события, происходившие в Западной Европе, также повлияли на последовавший ход событий. Ранее упоминаемое выступление «архиепископа Руссии» Петра на Лионском соборе 1245 года по своей сути стало одним из свидетельств, способствовавших формированию у европейцев крайне негативного образа монголов. Возглавлявший собор Папа Иннокентий IV не был против предоставления помощи на борьбу с монголами и, возможно, видел в ней личные выгоды, предлагая помощь своих военно-монашеских орденов на выгодных для него условиях. Собственно, и поездка Платона Карпини в Каракорум объяснялась желанием европейцев предупредить нависшую над ними угрозу со стороны степной империи.

Монголы действительно принимали все религии как равные друг другу. Но при этом ханы не желали консолидации потенциального противника в лице западноевропейцев и тем более не хотели угождать латинам в их стремлении установления Римского понтификата над Русью. Ещё одной особенностью ордынской политики в отношении завоёванных государств была опора на наиболее слабых или, по крайней мере, не способных к сопротивлению представителей элит. Между тем, надежды латинских миссионеров обосноваться на Руси были небезосновательными⁷⁹. В борьбе с монголами Даниил не только желал союза с римским престолом, но и готов был идти на уступки. Результатом этого сближения стало получение Даниилом королевской короны. Правда, при этом он так и дождался военной помощи⁸⁰.

⁷⁸ На бегство от цесаревой службы явно указывает летописец: ПСРЛ. Т.1. Стб. 473. В шведскую землю по версии Новгородской первой летописи, см. ПСРЛ. Т.3. С. 304.

⁷⁹ *Иоанн де Плато Карпини*. История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны... С. 61.

⁸⁰ *Головко О.Б.* Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Киев, 2006; Он же. Держава Романовичів та Золота Орда // Український історичний журнал. 2004. № 6. С. 3–16.

Александр, вероятно, ранее осознал безрезультатность сотрудничества с латинами и активно противился условиям подчинения Римскому папе. По всей видимости, новгородский князь выторговывал особенные условия, а возможно и просто тянул время⁸¹. Возможно, условия, предложенные святейшим престолом, ущемляли суверенные права Александра. Из одной зависимости он бы непременно попал под другую. И великий князь выбрал для себя наиболее выгодную из них. Находившийся в таких же условиях митрополит Кирилл также совершенно точно определил для себя дальнейший путь своего пастырского служения на Руси, и Александр Ярославич выглядел очень хорошим попутчиком, тем более, что монголы ни разу не усомнились в верности и благонамеренности новгородского князя.

Судя по всему, в 50-е годы XIII в. киевский митрополит уже не был врагом монголов. Это подтверждается тем обстоятельством, что в первой проведённой монголами и зафиксированной летописцем переписи населения Северо-Восточной Руси (1257)⁸² из списка исчисляемых уже были исключены церковные люди⁸³. Следовательно, между монголами и русской митрополицией кафедрой уже были дос-

⁸¹ Истории известно только два послания Римского папы Александру. Их итогом стал приезд в Новгород папских легатов. Однако миссия оказалась безрезультатной. Александр отказался от дальнейших переговоров (*Горский А.А.* Два неудобных факта из биографии Александра Невского // *Александр Невский и История России: материалы научно-практической конференции.* Новгород, 1996. С.125; *Долгов В.В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д.и.н., проф. А.В. Петрова. СПб., 2016. С. 204–207).

⁸² В.В. Похлёбкин отмечал, что сам размер дани не был письменно зафиксирован и имел колеблющуюся величину, зависимую от разных факторов и условий. *Похлёбкин В.В.* Татары и Русь. М., 2000. С. 40. Однако более подробно данная проблема, в особенности методика переписи и размер дани, широко рассмотрена А.А. Горским (*Горский А.А.* «Бесчисленные рати и великия труды...»: проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 129–140).

⁸³ «В лѣтѣ . #ѣ . ѱ . ѿ . ѿ [6765 (1257)] ... Тоѣ же зимѣ приехаша числениці исцетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую . и Мюромьскую и ставиша десатники . и сотники . и тысащники и темники . и идоша в Ворду . толико не чтоша игуменовъ . черньцовъ . поповъ . крилошанъ . кто зрить на стѣую Бѣю . и на влдѣку.» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 474–475).

тигнуты какие-то договоренности, гарантировавшие церкви свободы, а её предстоятелю безопасность. Подтверждением последнего могут служить многочисленные поездки Кирилла. Подобные путешествия были не только дорогим, но и опасным предприятием⁸⁴. Прежде в таких странствиях архиереи оказывались беззащитными даже перед собственными холопами⁸⁵. Однако известия о странствиях Кирилла не знают ни одного факта прямой угрозы в адрес предстоятеля. Вероятно, отмеченное положение дел объяснялось особыми гарантиями со стороны монгольской империи и Орды.

Нельзя исключать того, что не без опоры на монголов митрополит сумел приобрести союзника в лице ростовского епископа Кирилла. Такое развитие ситуации открывало русским первоиерархом широкую свободу действий на всей территории Северо-Восточной Руси. Южнорусские епископы, укрошенные Даниилом Галицким, ставленником которого считался митрополит, также номинально признавали власть Кирилла над собой.

Под 1261 г. летописи сообщают об открытии Сарайской епископии⁸⁶. В историографии высказано мнение, что митрополит Кирилл бывал в Сарае, по крайней мере, единожды, при поставлении сарайского епископа Митрофана⁸⁷. Учреждённую в столице Золотой Орды кафедру допустимо рассматривать в качестве своего рода постоянного представительства Русской Церкви. Примечательно,

⁸⁴ «Путешествия архиереев могло препятствовать еще одно обстоятельство, о котором почти не упоминается в историографии – небезопасность дорог. Лапидарное древнерусское законодательство не только не усваивало русскому духовенству высокого социального статуса, но и не защищало права церкви и её служителей» (*Гайденко П.И.* Архиерейские поездки в домонгольской Руси: к вопросу о механизмах церковного управления... С. 54).

⁸⁵ Умерщвление новгородского еп. Стефана собственными холопами (ПСРЛ. Т.3. М., 2000. С. 473).

⁸⁶ «В лѣтѣ .ѣѣ . ѣ . ѣ . ѣ . [6769 (1261)]... Тогожѣ лѣтѣ постави мѣтрополѣтѣ епѣпа Мѣтрофана Сараю.» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 475–476).

⁸⁷ Предполагается обязательное пребывание митр. Кирилла в Сарае при поставлении епископа Митрофана. Основанием для подобных мнений служит запись о событии в восстановленной М.Д. Приселковым Троицкой летописи. *Соколов Р.А.* Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 123.

что в это же самое время князь, таким представительством не обладал. Целью создания епископии, вероятнее всего, была координация дипломатических отношений золотоордынцев не столько с Владимирско-Суздальской Русью, сколько с Византией⁸⁸. Всё перечисленное укрепляло авторитет митрополита Кирилла. В итоге, к 1261 году завершилось объединение митрополии под властью первосвященника Кирилла, который теперь мог выступать перед князьями и монголами как полноправный представитель Русской Церкви, а его титул получил реальное признание со стороны епископата и политических элит различных земель.

Тем не менее, вначале 60-х г. XIII в. положение митрополита в русско-ордынских отношениях осложнилось. Произошедшее объяснялось наблюдавшимися в Орде процессами исламизации. Волны этих проблем докатились и до Руси. Церковь столкнулась с необходимостью защищать свои интересы. Погром «басурмен» (мусульман), происходивший в 1262 году⁸⁹, показал, что в стесненных об-

⁸⁸ В том же 1261 году византийцы вернули себе Константинополь. Судя по всему, Сарайская епископия должна была служить установлению дипломатических связей между Ордой и Византией (*Григорьев А.П.* Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 14). Правда, при этом епископов на Сарайскую епископию ставили не в Никее, а на Руси. Это свидетельствует об усилении позиции Кирилла перед патриархом.

⁸⁹ Вот как погром описывает в красках летописец: «В лѣтѣ . ꙗ̅҃҃ . ѱ̅ . ѿ . [6770 (1262)] Избави Бѣ ѿ лютаго томленьа бесурменьскаго . люди Ростовскіаѣ земля . вложи аерость въ срѣдца крѣстьяномъ . не терпаше насильа поганыхъ . изволиша вѣчы и выгнаша из городовъ . из Ростова . изъ Володимера . ис Суждала изъ Арославла . вкупухуть бо ти оканьнии бесурмене дани . и ѿ того велику пагубу людемъ творяхуть . роботаще рѣзы и многы . дщи крѣстьянскыаѣ раздно ведоша . видѣвше же члвколюбець Бѣ послуша моленьа Мтрѣна . избави люди своаѣ ѿ великыаѣ бѣды . томъжѣ лѣтѣ оубиша Изосиму преступника . то бѣ мнихъ образомъ . точыю сотонѣ съсудъ . бѣ бо пѣаница . и студословець . празнословець . и кощоньникъ . конечною же отвержеса Хса и быс бесурменинъ . вступивъ в прелестъ лжаго прѣрка Ма[х]меда . бѣ бо тогда титамъ приѣхаль ѿ цѣра Татарьскаго . именемъ Кутлубии золь сыи бесурменинъ . того поспѣхомъ вканныи лишеникъ . твораше хсръаномъ велику досаду . крѣту и стѣмъ црѣквамъ поругаеса . ягда же люди на врагы своаѣ двигшаса на бесурмены . изгнаша иныхъ избиша . тогда и сего

стоятельствах христианские городские общины крайне остро реагировали на появление на своей территории иноверцев, часто бесчинствующих и опирающихся на ордынские силы. Полное отсутствие сообщений о реакции Орды на произошедшие погромы также заслуживает внимания. Наиболее вероятно, что в самой Орде отношение к мусульманам также было неоднозначным. Не исключено, что подобные стычки рассматривались, как местные или внутренние конфликты, не имевшие принципиального значения и не несшие угрозу Орде. В противном случае неминуемо бы последовала «рать». Нельзя исключать и того, что подобное столкновение могли быть на руку самим монголам-язычникам, представителям «старой гвардии», неодобрительно смотревшим на мусульман в среде золотоордынской администрации. Либо наоборот золотоордынцы тем самым, чужими руками, избавлялись от прежней, еще монгольской, администрации. Разрешения этой проблемы, может быть лишь после уточнения самого состава тех самых «басурмен». К сожалению, древнерусское летописание не позволяет достаточно честно взглянуть на произошедшие волнения. С течением времени летописные переписчики превратили первичные записи о погромах басурмен в целостный сюжет противостояния системе монгольского владычества⁹⁰. При этом высока вероятность того, что о погромах были осведомлены митрополит, ростовский епископ Кирилл и князь Александр Ярославич⁹¹. Так или иначе, но церковная иерархия, в возникших обстоятельствах, сумела сохранить свои отношения и с собственной паствой, и с Ордой.

1267 годом датируется первый из сохранившихся ханских ярлыков даруемых церкви. Ярлык от Менгу-Тимура о полном налого-

безаконного Зосиму оубиша в городѣ Ярославли . бѣ тѣло его ѿдѣ псомъ . и ворономъ.» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 476).

⁹⁰ Борьба с владычеством, как чудесным образом возникло, так чудесным образом и прекратилось. При этом выхода из зависимости или хотя бы каких либо послаблений так и не произошло. Это как ничто иное свидетельствует о иных целях произошедших волнений.

⁹¹ Соколов Р.А. Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 126.

вом иммунитете⁹² может служить подтверждением расположения ордынцев к церкви. Но как бы то ни было, уже сам факт существования этих ярлыков, достоверность которых доказана А.П. Григорьевым, предоставляет возможность рассматривать данные памятники в качестве свидетельства наличия не только паритетных, но и взаимовыгодных отношений между церковью и Ордой. Предоставление полного налогового иммунитета открывало церкви возможность ведения торговых дел/сделок необлагаемых ни княжескими, ни монгольскими налогами и сборами. Это несло церкви очевидные и несомненные выгоды⁹³.

Зафиксированные золотоордынцами дарения неоднократно трактовались⁹⁴. И всё же необходимо признать, что зафиксированные в ярлыках пожалования ничем не гарантировались. В итоге, в случае какой-либо конфликтной ситуации или бездеятельности духовенства церковные люди могли оказаться беззащитными и подвернуться насилию.

Церковь не имела над собой прямой даннической зависимости ни от монголов, ни от Золотой Орды. Однако ярлык угрожал, что любые притеснения православного духовенства карались смертью. В благодарность за неприкосновенность церкви духовные иерархи обязывались молиться за ханов и благодарить своих благодетелей за оказанную милость. Таково содержание упоминаемого ярлыка Менгу-Тимура (1267). Тем не менее, эта норма не всегда выполнялась, как не всегда сами представители Монгольской Империи или Золотой Орды следовали и законам Яссы. Примером этого служат орга-

⁹² Григорьев А.П. Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов... С. 45.

⁹³ Подобной точки зрения придерживается *Перхавко В.Б.* Торговый мир Средневековой Руси / Культ.-просвет. фонд «Воспитание историей». М., 2006. С. 312.

⁹⁴ Один из примеров трактовок: желание фиксации официальным документом правового и налогового статуса Церкви (*Соколов Р.А.* Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 127).

низованные ордынцами «рати» 1281⁹⁵, 1282⁹⁶, 1293⁹⁷ гг. Поводом для них послужило утверждение ордынцами нового великого князя Андрея Александровича Городецкого. Походы были призваны обеспечить стабильный сбор выхода и одновременно напоминали русским элитам о существовании даннической зависимости. В результате предпринятых походов и сборов выяснилось, что искомое ордынцами «добро» нередко скрывалось и отыскивалось в церковных палатах вместе с их собственниками и одновременно должниками⁹⁸.

Сокрытие дани и виновных в отказе от её уплаты вряд ли рассматривалось ордынцами как благопожелательное отношение. В результате можно предположить, что, ордынцы «не беспокоили» духовенство и притч только в тех случаях, когда считали такое «беспокойство» нецелесообразным. Тем не менее, сама церковь не представляла для Орды угрозу и, скорее всего, играла роль некоего политического инструмента, что обнаруживается на примере деятельности Сарайской епархии. На этом фоне неординарным выглядит послание митрополита Новгороду (1270).

В 1270 г. новгородцы отказались впустить в город нового князя, Ярослава Ярославича. Рассерженный князь пригрозил, что нашьёт на город ордынскую рать и попросил Сарай поддержать свои права. Однако к счастью новгородцев в дело вмешался Василий Ярославич Костромской. Отправив своего посла Ратибора в Орду, он вступился за Новгород. Сообщая о результатах миссии, летописец многозначительно отметил: «царь же почти его зело, и рад бысть не посла рати»⁹⁹. В результате, не дождавшись поддержки из Сарая, Ярослав Ярославич был вынужден просить о помощи митрополита,

⁹⁵ «В лѣтѣ . (№ .) ѱ . пѣ . [6789 (1281)] рать быс на великого кнѣа Дмитреа . Ко даи . Алчедаи пришед к Переяславию кнѣа не обрѣтше . град и цркви по жгоша.» (ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 525.). Более развернуто: ПСРЛ. Т.18. М., 2007. С. 78.

⁹⁶ ПСРЛ. Т.10. М., 2000. С. 169. ПСРЛ. Т.18. С. 78.

⁹⁷ ПСРЛ. Т.18. М., 2007. С. 82.

⁹⁸ Учитывая монгольское нашествие 1237–1240 гг. и красочное описание разграбления «цркви сѣѣа Бѣа» и гибели владимирского епископа Митрофана «со мнози бояре и княгиней» затворившихся с ним же: ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 463.

⁹⁹ ПСРЛ. Т.10. С. 148.

который не стал отказывать князю. В своём письме к горожанам митрополит Кирилл ручался за Ярослава и обещал новгородцам свою поддержку¹⁰⁰. Просьба митрополита была удовлетворена. В итоге своим посланием к Новгороду первосвятитель поставил точку в разыгравшемся конфликте, грозившем Руси новым нашествием¹⁰¹.

И всё же каноническая власть киевского первоиерарха едва ли может оцениваться в качестве безусловной. Подтверждением этого служат обстоятельства созыва Владимирского собора 1274 г.¹⁰² Созванный Кириллом собор обнаружил, что у части епископов административные права русского первоиерарха всё ещё вызывали некоторые сомнения¹⁰³. На собор не явились южнорусские иерархи, а подвергнутый упрекам новгородский архиепископ так и не смирился перед своим первосвятителем. Сложившаяся ситуация привела к расстройству внутренней церковной дисциплины, самоуправству и злоупотреблениям в среде епископата. Ни Кириллу, ни его ближайшим преемникам так и не удалось обеспечить полный порядок внутри самой церковной иерархии и монашества. Более того, Кирилл не сумел оставить после себя преемника.

В 1281 г., по смерти первосвятителя¹⁰⁴, вновь встал вопрос о замещении митрополичьей кафедры. На этот раз византийская импе-

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т.10. С. 149.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т.10. С. 148–150.

¹⁰² Указанная дата считается общепринятой. Однако М.В. Печников предположил, что наиболее вероятным годом проведения собора следует считать 1273 (*Печников М.В.* К изучению соборных правил 1273 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 4 (38). С. 98).

¹⁰³ Владимирский собор 1274 года обнаружил колоссальные нестроения внутри церкви. Однако к виновным так и не были приняты меры. Результатом и своеобразным «венцом» собора стало «Правило» митрополита Кирилла. Наиболее вероятно, что создателем этих вошедших в него норм был Владимирский епископ Серапион. Подробнее об участии епископа Серапиона в организации собора: *Соколов Р.А.* Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 135.

¹⁰⁴ В летописях существует несколько датировок: 7 декабря 1280 года, судя по Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 10. С. 158); 6 декабря 1281 г. по новгородской первой летописи младшего извода комиссионного списка (ПСРЛ. Т. 3.

рия сама решила вопрос о новом главе русской церкви. Им стал грек Максим. Новый митрополит вполне успешно продолжил линию своего предшественника, направленную на укрепление прав первосвятительской кафедры и упрочение выстроенных Кириллом отношений с Ордой.

* * *

После официального вступления в управление киевской митрополией, святитель Кирилл нуждался в признании своих прав над всей территорией русской церкви. Решить возникшую довольно непростую задачу можно было, лишь заручившись чьей-либо помощью. Однако великий князь к этому времени сам находился под властью монголов. Более того, внутри самой великокняжеской семьи продолжали существовать противоречия. Тем не менее, в сложившихся условиях митрополит Кирилл не только сумел сохранить отношения со всеми представителями рода Рюриковичей, но и упрочил свои отношения с Ордой. Выбранные митрополитом формы церковного управления: поездки и хиротонии, – стали весомым инструментом в церковной политике того времени. Логическим результатом усилий киевского первосвятителя стал церковный собор 1273(4) года, хоть и обнаруживший слабые стороны деятельности митрополита, но немало способствовавший укреплению власти русских первосвятителей.

Л. 187); 1282 г. по суздальской летописи Академического списка (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525).

* * * *

Монгольское вторжение на Русь имело самые печальные последствия для древнерусской государственности и местной церковной организации. Разрушение целого ряда городов, гибель значительного числа представителей правящего княжеского рода, материальный ущерб и потери населения в значительной мере изменили политическую и религиозно-административную ситуацию на Руси. Древнерусская церковь в полной мере ощутила на себе результаты произошедших перемен. Из Киева исчез, вероятнее всего, бежал, митрополит Иосиф, а новый первосвятитель так и не был назначен, что привело к разрыву значительной части канонических связей между епископскими кафедрами, и к едва ли не полной дезорганизации системы церковного управления. Во Владимире погиб епископ Митрофан, а черниговский епископ Порфирий пережил плен. Более счастливой оказалась судьба Ростовского архиерея Кирилла, счастливо избежавшего столкновения с монголами. Громадное потрясение испытала и политическая система Руси. Погибла значительная часть представителей правящей династии и элит, являвшихся собственниками и донаторами большей части древнерусских храмов и монастырей домонгольского периода. Последнее не только привело к усложнению отношений в кругу знати, но и значительно ухудшило материальное положение кафедр и фактически остановило церковное строительство.

Монгольское вторжение совпало с осложнением церковных отношений и в иных политических центрах, возникших после захвата Константинополя сельджуками и перемещения престола вселенских патриархов в Никею. Новый предстоятель для Киева так и не был поставлен. В результате на Руси пробовали решить эту проблему самостоятельно. Источники позволяют говорить, по крайней мере, о трех кандидатах. Во-первых, это Петр Акеревич, русский архиепископ, участник Лионского собора, вероятно, ставленник Михаила Черниговского, во-вторых, это галицкий епископ Иосаф, выдвинутый частью южнорусского епископата. Однако в развернувшейся политической и церковной борьбе первосвятительский престол достался выдвиженцу Даниила Романовича Галицкого, вероятнее всего его доверенному лицу, печатнику, будущему митрополиту Кириллу II.

Прежде власть киевского митрополита гарантировалась помощью великих князей. Однако в 40-е годы XIII в. развернулась борьба за киевское наследие между черниговской, галицко-волинской и владимирской княжескими ветвями, в результате которой, победа досталась Ярославу Всеволодовичу, влияние которого на южной Руси оставалось сугубо номинальным. Здесь по-прежнему власть находилась в руках влиятельного и авторитетного Даниила Галицкого. Для сохранения единства русской церковной организации киевский митрополит был вынужден искать новые формы поддержания святительской власти. Ими стали регулярные путешествия-обезды лояльных епископских центров. Началось установление отношений с различными княжескими ветвями. Важным достижением стало укрепление добрых отношений с Ордой, организация Сарайской епископии, получение ярлыка, уравнивавшего положение первосвященника с великим князем, и выведение церкви из-под налогообложения новых властей Руси. Удалось пресечь излишнюю самостоятельность Ростовского святителя в его отношениях с монголами. Существенным достижением необходимо считать проведение собора 1273(4) г. и канонические реформы митрополита Кирилла. При всей своей неоднозначности решения собора фактически констатировали новые административные возможности митрополита, расширившего свою власть над иными архиереями и инициировавшего процесс унификации церковного права.

ГЛАВА 3.

СОСТОЯНИЕ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАФЕДРЫ И ЦЕРКОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.

3.1. Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополита и русской церкви во второй половине XIII в.

Вопрос о влиянии Орды на правовую традицию Древней Руси не нов и имеет большую историю исследования. Он нашёл своё отражение как в общих трудах по истории России¹, так и специальных научных исследованиях, посвященных непосредственному влиянию монголо-татар на разнообразные стороны жизни Руси: её культуру, экономику, политику, повседневность, право и государственность в целом². Мнения об интерпретации сообщений о содержании, принципах, качестве и последствиях этого влияния разнятся от сугубо

¹ Примечательно, что в классических трудах это влияние представлено как сугубо отрицательное. Особенно выделялись первые десятилетия монгольского нашествия с его разрушительными последствиями как утрата целого ряда лиц, так и разрушение прежней правовой системы, в т.ч. поспание княжеского наследного права (*Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 2. Т. 4. С. 43–98). Однако были и исключения, полностью отвергавшие рассмотрение хотя бы и малой толики этого взаимодействия (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн 1. Т. 1. М., 1988. С. 54).

² *Хрусталев Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг XIII в.). СПб., 2013; *Вернадский Г.* Монголы и Русь. М., 2011. С. 356–417; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. М., 2015. Т. 2.; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. С. 218–233, 247–260; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М., 1940. С.13–14, 55–56; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 198; Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 463–491; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015. С. 225–228; *Хара-Даван Э.* Чингис хан: эссе. С. 281–320.

«отрицательных» оценок до неоднозначных и даже «положительных» выводов. Особого внимания заслуживает цикл трудов Льва Николаевича Гумилева, связавшего данные влияния с своеобразным этногеографическим положением Руси³. Кроме этого тема культурно-политического и правового влияния Орды на Русь затрагивается или присутствует не только в специальных, но и в обзорных исследованиях, а также в трудах, посвящённых более позднему периоду истории тюркских государств, сформировавшихся на обломках Монгольской империи и Золотой Орды⁴. В современных исследованиях тезис о принципиальном влиянии Орды на княжеское право и принципы государственного устройства не вызывает сомнения⁵. Следовало бы ожидать, что подобное же существенное воздействие ордынская администрация должна была оказать и на формирование канонических норм и традиций православной церкви.

Хорошо известно, что правовая культура зависит от особенностей этнической, национальной и религиозной самобытности⁶. Однако изучение воздействия Орды на церковно-каноническое право находится в самом начале своего пути. Сказывается недостаток источников и господство историографических стереотипов, восходящих к дореволюционной церковной традиции. Труды большинства авторов нередко либо отказывались замечать и признавать существенное влияние Орды на организацию церковной жизни Руси, либо сводили

³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2008; Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2008.

⁴ В обзорных исследованиях: Гальперин Ч. Центральная власть и русские княжества // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009. С. 432–436; Полуобояринова М. Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3. С. 379–392.

⁵ О правовом влиянии: Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009; Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015; конкретные примеры воздействия ханской администрации на княжеское управление: Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

⁶ Лучше всего этот вопрос изучен в отношении современности. Однако, можно говорить, что подобные влияния могли присутствовать и в иные времена, хоть это и требует некоторых оговорок. Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве: монография. М., 2014.

такое к лапидарному тезису об ордынском гнёте⁷. Можно признать, что вклад церковных исследователей в освещении вопросов церковно-ордынских каноническо-правовых связей минимален. Основная заслуга в изучение названных аспектов принадлежит светским учёным. Правда, ситуация не проста. На сегодня наибольшее внимание уделено изучению ханских ярлыков церкви⁸. В какой-то мере тема влияния Орды на право Русской Православной Церкви присутствует в крупных работах И.Н. Данилевского и Д.Г. Хрусталева⁹. Наиболее комплексно вопросы церковно-ордынских правовых связей затронуты в монографии Р.Ю. Почекаева и исследованиях Ю.В. Сочнева¹⁰. В большинстве же современных работ по истории

⁷ Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. М., 2011. С. 183. Суворов Н.С. Учебник церковного права / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 158. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 14–17. Грамота патриарха Германа киевскому митр. Кириллу запрещающая хиротонию холопов и настаивающая на невмешательстве в церковный суд и неприкосновенность церковного имущества: *Цытин Владислав, прот.* Каноническое право. М., 2012. С. 226.

⁸ Весьма подробными, наиболее цитируемыми и не имеющими возражений являются след. работы: *Усманов М.А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // *Актовое источниковедение.* М., 1979; *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979; *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов; *Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876; *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: к вопросу о хронологии и количестве // *Научный Татарстан.* 2010. № 2. С. 156–158.

⁹ *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20 – 50-е гг XIII в.). СПб., 2013.

¹⁰ *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009; *Сочнев Ю.В.* К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // *Золотоордынская цивилизация* Вып. 6. Казань, 2013. С. 48–60; *Сочнев Ю.В.* Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой орды // *История в подробностях.* 2013. № 8. С. 72–79; *Сочнев Ю.В.* К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период // *Актуальные вопросы истории.* Материалы межвузовской научной конференции 25 апреля 2012

взаимоотношений Руси и Орды острые углы неоднозначного церковно-ордынского общения по-прежнему старательно избегаются, а выносимые положения в значительной мере повторяют мировоззренческие позиции дореволюционных авторов¹¹.

Между тем, некоторые стороны канонического строя русской церкви XIII–XIV вв. уже получили детальное исследование. Так, комплексному изучению подвергся древнейший русский номоканон¹². Правда, примечательно, что А.С. Павлов, как и другие исследователи русского номоканона, при анализе введения на Руси сербской кормчей не принял во внимание то обстоятельство, что рост политического влияния киевского митрополита и установления дипломатических отношений между киевской первосвятительской кафедрой и Сербией произошло именно тогда, когда церковь находилась под якобы жестким монгольским давлением. Неоднократно внимание исследователей привлекал сюжет и положения церковного собора 1273(4) г.¹³. Однако почти никто из дореволюционных и

года / отв. ред. С.К. Сизов. Н. Новгород, 2012. С. 195–198; *Сочнев Ю.В.* Проблема взаимоотношений русской церкви и ордынских правителей в советской историографии // Актуальные проблемы отечественной истории и краеведения: современный взгляд: межвузовский сборник научных статей. К 60-летию Евгения Павловича Титкова. Арзамас, 2011. С. 103–120; *Сочнев Ю.В.* Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань, 7 марта 2009 г. / сост., отв. ред. И.М. Миргалеев. Вып. 1. Казань, 2009. С. 137–150.

¹¹ Примерами подобной оценки могут служить исследования Р.А. Соколова: *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. СПб., 2010; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012.

¹² *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 1902.

¹³ *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 2. Т. IV. С. 98; *Филарет архиеп. (Гумилевский)* История Русской Церкви. Период второй... 5-ое изд. М., 1888. С. 110–116; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. С. 191–193; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви Т. 2. Ч. 1 С. 62–80; *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XV веков): Общее обозрение. М., 2011. Стб 139–140; *Карташев А.В.*

большинства современных авторов не связывает обстоятельства созыва данного собор с ростом канонической правоспособности митрополита, а также с последствиями установления тесных взаимоотношений между русской первосвятительской кафедрой и Ордой. Однако и те, кто заметил подобные связи, нередко увязывает свои выводы и наблюдения исключительно с вопросами религиозной морали, нормы которой якобы пострадали в период нашествия. Такой подход обнаруживается в концепции протоиерея Владислава Цыпина, объясняющего мотивы созыва собора 1273 г. следующим пассажем: «Собор принял ряд мер, направленных на восстановление церковной дисциплины, расшатанной монголо-татарскими ордами»¹⁴. Заключение современного церковного канониста не только объясняют и упрощают ситуацию, но и остаются необоснованными. Между тем, ситуация видится более сложной и интересной.

Обозначенное затруднение во многом объясняется неразрешённостью проблемы регламентации взаимоотношений церкви и княжеств, а также церкви и Орды во второй половине XIII – начале XIV в. Если проблемы происхождения ханских ярлыков, их содержания и представлявших ими прав в целом церкви хорошо изу-

Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 128; *Колобанов В.А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. Т.16. М.; Л., 1960. С. 442–445; *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978. С. 181–208; *Лаушкин А.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII в. // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С.211–224; *Воробьев М.Н.* Митрополит Кирилл и Владимирский собор 1274 г. // Исторический вестник. 2000. № 1(5). С. 29–32. *Безгодов А.А.* Митрополит Кирилл и Владимирский собор 1274 года электр. источник: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/65-1-0-21> (посл. проверка 30.11.2015); *Печников М.В.* К изучению соборных правил 1273 г. С. 97–107. *Соколов Р.А.* Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 130–136. Неожиданная версия генезиса и последствий собора 1274 года: *Гайденок П.И.* Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. № 4 (том 15). С. 229–239.

¹⁴ *Цыпин В. прот.* Каноническое право. С. 227.

чен¹⁵, то вопросы разграничения линии взаимоотношений Князя – Церковь – Орда в историографии ни разу не поднимались. Кроме того, предыдущая часть исследования показала, что русская церковь пробовала и активно прилагала все свои усилия, в лице первоиерархов, чтобы найти свое место в этой линии взаимоотношений. И Ордынское право, в лице ее гарантов – ханской администрации, оказало высшему духовенству Руси в этом поиске существенную помощь¹⁶. Однако в историографии отношение к тому, как выстраивалась связь Русской церкви и Орды, достаточно размыто. В целом прослеживается три точки зрения.

Первая, наиболее ранняя, восходит к традиции, заложенной Карамзиным, и рассматривает ордынское присутствие как «иго», а церковь как «страдалицу»¹⁷, о чем было сказано выше. При этом церковь, в представленной концепции выступает перед Ордой «ходатаицей» о русских людях и активным миссионером¹⁸. Однако по-

¹⁵ Соколов Р.А. Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. СПб., 2012. С. 127. Григорьев А.П. Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды... С. 184–206.

¹⁶ О полученных привилегиях и льготах можно говорить исходя из текста ханских ярлыков: налоговый иммунитет, отсутствие дани и защита от любых негативных действий в отношении людей «зрящих на богородицу». Со временем привилегии трансформировались и видоизменялись, но в целом оставались верны главному лейтмотиву – защита от посягательств на церковное имущество и её людей. Григорьев А.П. Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам... С. 53. О ханских грамотах как о защите от произвола князей: Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М., 1960. С. 329–330.

¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского... Кн. 2. Т. IV. С. 43–44; Филарет архиеп. (Гумилевский) История Русской Церкви. Период второй... С. 147–150.

¹⁸ Щербатов М.М. История российская от древнѣйшихъ времянь. Томъ III. СПб., 1774. С. 68. Карамзин Н.М. История государства Российского... Кн. 2. Т. IV. С. 80. Толстой М.В. Рассказы по истории русской церкви. М., 1999. С. 101–104; Филарет архиеп. (Гумилевский) История Русской Церкви. Период второй... С. 9–11 (о веротерпимости монголов), С. 19–29 (ярлыки церкви), С. 29–36 (миссионерство среди ордынцев), С. 131–136 (о Сарайской епископии), С. 147–150 (о страдании и ходатайстве церкви за землю русскую), С. 151–156 (влияние монголо-татар на Русь в целом); Муравьев А.Н. История

добные тезисы носят историко-мифологический характер, больше связанный с вопросами национально-идеологического свойства, а не исторической реконструкции¹⁹.

Вторая точка зрения более сдержанная. Впервые она была предложена митрополитом Платоном (Левшиным), негодовавшим о неэффективности деятельности церкви монгольского и домонгольского периода²⁰. Но поддержку и развитие его мнение обрело лишь во второй половине XIX века, найдя сочувствие в работах, вышедших после великих реформ Александра II²¹. Обозначенная научная позиция связана с именами Е.Е. Голубинского, А.В. Карташева, митр. Макария (Булгакова). Она рассматривает церковь как силу, не пренебрегавшую сотрудничеством с Золотой Ордой, а порой и сознательно искавшую всестороннюю поддержку в Сарае и в итоге обретавшую её из рук ханов. Наиболее наглядно следы этого взаимовыгодного влияния прослеживаются в процессе формирования церковного права, обнаруживаясь даже в более поздний период, в XV–XVI веках, когда о доминировании ордынцев на Руси уже не

Российской церкви. М., 2002. С. 89–97. Подобная позиция нашла себе сторонников и в более позднее время: *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви... С. 88–89. *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во). М., 2000. С. 73–74; *Добротворский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви... С. 92. *Тальберг Н.* История русской церкви. Нью-Йорк, 1959. С. 85–87. *Транзников А.А.* Православие в России и предстоятели церкви. М., 2010. С. 52–56.

¹⁹ Наиболее полная критика подобных идей представлена в исследовании Рудакова. *Рудаков В.Н.* Ордынское иго: термин, восприятие, реальность // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сб. статей / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2012. С. 121–144.

²⁰ Причина неэффективности, по предположению митр. Платона, состояла в том, что пастыри того периода «... не имели духом Божиим горящей ревности к удержанию от того [междоусобий и кровопролитий, прим. Т.Р.] болезнию плоти, чтоб своих мирских выгод не лишиться и самим чего не пострадать...» *Платон (Левшин), митр.* Краткая Российская церковная история. Сергиев Посад, 2009. С. 76–77.

²¹ *Соловьев Н.А., протоиерей.* Сарайская и Крутицкая епархия // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 178–226; *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 18, 78; *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 41, 60–61.

было и речи. Примером подобного положения дел служит появление огромного числа списков устава Ярослава, преследовавших своей целью подтвердить материальные и правовые иммунитеты церкви перед княжеской властью, полученные в период ордынского господства²². Через отсылку к древности и авторитету уставов церковь успешно защищала свои интересы перед ордынцами, а в последующем и перед князьями²³. По сути, уставы закрепляли судеб-

²² Исследования Я.Н. Щапова показали, что большинство списков церковных уставов Владимира и Ярослава относятся к концу XIV–XVI века, т.е. к периоду угасания Ордынского господства над Русью (*Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972; *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976). Однако, Ярослав Николаевич не объяснил причину такого положения дел. Изменение политической ситуации не могло не сказаться на опасениях церкви относительно своего правового, материального и земельно-имущественного положения, укрепившегося при участии ханов. В одном из современных источниковедческих исследований было высказано предположение, что это было связано с политической ситуацией, складывающейся в этот период. Т.е. стало результатом борьбы Церкви, за сохранение своих иммунитетов перед усиливающейся княжеской властью, стремившейся вернуть утраченные земли и установить свой контроль над социальными и политическими институтами Руси в рамках исконных прав рода Рюриковичей (*Гайдено П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Ч. 1 ... С. 119). Во всяком случае, С.В. Юшков обоснованно обратил внимание на то обстоятельство, что устав Владимира был особо закреплен и подтвержден князем Василием Дмитриевичем в подтвердительных грамотах митрополиту Фотию и Киприану, что, по мнению исследователя, было вызвано изменениями канонических практик (*Юшков С.В.* Устав кн. Владимира (историко-юридическое исследование) // С.В. Юшков: сб. трудов. М., 1989. С. 333–334). Но, как и в случае с Щаповым Серафим Владимирович не объяснил причины, побуждавшие авторов продолжение активного использования и необходимости подтверждения авторитета архаических норм, восходящих к XI веку и не имевших практического значения. Поэтому высказанное П.И. Гайдено и Т.Ю. Фоминой предположение пока что видится единственным логичным объяснением описанной ситуации.

²³ Подробнее текст Устава Ярослава, расширяющий юрисдикцию церковного суда с комментариями: *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 85–139. Однако множественных следов фактических судебных процессов церкви в летописях не обнаруживается, что ставит под сомнение

ную и экономическую неподотчётность церкви перед великим князем. Особую актуальность данная проблема приобрела в XV–XVI веках, по мере централизации государственной власти и собирания земель под властью московских князей, которые стали рассматривать территории зарождающегося московского государства как личные владения великокняжеского стола. Начатое Василием I возвращение земель закончилось только в 60-е г. XVIII века.

Существует и третья точка зрения, которая рассматривает более радикально вопрос о влиянии Орды на каноническо-правовые основания деятельности русской церкви. Она признает, что церковь в годы русско-монгольской войны 1237–1241 гг., как ее именует сама историография²⁴, действительно очень сильно пострадала. Однако при этом в исследованиях неоднократно обращалось внимание на то, что, во-первых, церковь принимала активное участие в сопротивлении нашествию²⁵ и, во-вторых, в XI–XIII вв. собственниками большинства храмов, как и передававшихся церкви земельных владений, выступало не духовенство, а «светские» ктиторы и патроны²⁶. При этом для своего существования церковная иерархия получала от своих покровителей с этих храмов и сёл достаточно выгодную ренту²⁷. С монгольским нашествием ситуация радикально изменяется. Судя по всему, по мере обеднения или гибели ктиторов церковь столкнулась с необходимостью самостоятельно нести расходы по содержанию имущества оказавшегося в ее руках (монасты-

реальную правомочность устава Ярослава или же указывает на его позднюю «редакцию».

²⁴ Окончательно термин закреплен в исследовании Е.И. Сусенкова: *Сусенков В.И.* Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). Томск, 2003.

²⁵ *Соколов Р.А.* Русская церковь и монголы. Очерки социально-политической истории второй половины XIII – первой половины XIV в. М.; Нью-Йорк; СПб., 2008.

²⁶ *Пётр (Гайденко), иером.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85–89.

²⁷ Княжеские уставы смоленской церкви, монастыря Ивана на опоках, Юрьева монастыря, подробнее: Там же. С. 85–89.

ри, церковные строения, на время обедневшие села). Изменяется структура доходов, которые теперь приходилось черпать, исходя из собственных возможностей. И в следствии умелого распоряжения своими доходами уже через полтора два десятка лет после монгольского нашествия материальное положение церковной иерархии значительно улучшилось. Произошедшие перемены во многом объяснялись, во-первых, тем, что со временем монголы стали различать духовных лиц и принадлежавшее церкви имущество, которые согласно законам, Яссы обладали иммунитетом²⁸, а, во-вторых, сближением церковных иерархов с ханами, по сути новыми правителями Руси. Последнее нашло своё отражение как в ярлыках митрополитам²⁹ и создании Сарайской епископии, имевшей большое ди-

²⁸ Вероятно, именно этим объясняется оставление в живых черниговского епископа Порфирия в период острого противостояния нашествию монголов. Порфирий был отпущен в Глухов по пути монголов на запад «во угры» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 469). Однако ранее мы уже предполагали, что он мог являться свидетелем и своеобразным монгольским посланником. Первые исследователи истории России указывая на лояльное отношение монголов к русскому духовенству (Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев), не поясняли причин подобного отношения. Однако более поздние исследователи нашли объяснение данному поведению монголов, посвящая проблеме целые параграфы. По их мнению, в своих поступках монголы исходили из постулатов своего главного закона Яссы (*Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви Т. 2. Ч. 1. С. 17–19; *Доброклонский А.П.* Руководство по Истории Русской Церкви... С.89; *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во)... С. 72; *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви... С. 83–86).

²⁹ Исходя из реконструированного текста, приведенного в исследовании А.П. Григорьева, возникает предположение о получении духовенством ярлыков и до хана Менгу-Тимура, а точнее до 1267 года (*Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам... С. 41–42) Возможность получения ярлыков до 1267 года подтверждается историко-правовым текстологическим исследованием Р.Ю. Почекаева, который заметил, что нарратив данного правового акта ордынской администрации предписывал ссылку на акты прежних правителей, что явно присутствует в тексте грамоты (*Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 72–73; *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды... С. 186–187). По крайней мере, это объясняется и простой логикой: для первичного проезда многих епископов необходимы были охранные грамоты похожие на ту которая была выписана в более позднее время ханшей Тайдулой епископу Иоанну в 1347 г., Феогносту в 1351 г.

пломатическое значение для ханов, так и в возникновении практики обращения русских за помощью в Орду³⁰.

Первое размышление о целях создания Сарайской епископии принадлежит Н.М. Карамзину³¹. Первый основательный труд, подвергший рассмотрению историю Сарайской епархии, принадлежал перу Н.А. Соловьева³². История Сарайской кафедры была затронута и в более объемных трудах митр. Макария (Булгакова) и Е.Е. Голубинского. По их мнению, учредителем кафедры, несомненно, являлся хан Золотой Орды, а основанием для её учреждения служили миссионерские (со стороны Руси) и посольские (со стороны Орды) функции, традиционно выполнявшиеся византийскими церковными иерархами³³. По мнению ряда исследователей, миссионерская миссия осуществлялась либо отдельно от посольской миссии, либо напротив, как часть дипломатической работы, выражавшейся через проповедь среди иноверцев и находящихся на территории Орды православных³⁴. Выяснение целей существования и принципов, на которых

и митр. Алексею в 1354 г. Схожее мнение: *Сочнев Ю. В.* Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской церкви (XIII–XIV вв.)... С. 141. Митр. Макарий также предполагает, что митр. Кирилл мог испрашивать ярлыки через епископов Ростовских у Берке, предшественника Менгу-Тимура (*Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 18).

³⁰ Неоднократное самостоятельное хождение епископа ростовского «за причет церковный» в Орду: «В лѣт . ꙗ̄с . ѱ . ч̄ . [6790 (1282)] ходи Игнатии еп̄сѣвъ второе въ Орду. за причетъ црквнны . того же лѣта Кирилъ митрополитъ по клеветанью разгнѣвася на еп̄па Игнаѣа . и рассмотривъ паку блѣвнго . того же лѣта Кирилъ митрополитъ преставися в Переяславль» ПСРЛ. Т.1. Стб. 525–526. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. ... С. 330–331.

³¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 2. Т. IV. С. 80.

³² *Соловьев Н.А., протоиерей.* Сарайская и Крутицкая епархия // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 91–95.

³³ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. С. 18, 78; *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 41, 60–61.

³⁴ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 232; Русское православие: вехи истории / научн. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 62; *Иоханес Раймер.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Германия, 1996. С. 146–147.

действовала Сарайская епископия, позволило бы приблизиться к пониманию того, кто был инициатором учреждения данной кафедры. В современной историографии высказано мнение, что инициатива создания Сарайской епископии могла исходить не от русского митрополита, или хана Улуса Джучи, а от константинопольского патриарха³⁵. Данное предположение небезосновательно. На протяжении многих столетий Византия использовала организовывавшиеся ею христианские миссии в качестве сильнейшего рычага давления и влияния на варваров. При этом открывавшиеся кафедры выполняли не только сугубо религиозные, но и дипломатические функции. При этом император рассматривался в качестве преемника апостолов в деле несения Евангелия в земли язычников³⁶. Вероятные усилия Византии по установлению отношений с Ордой хорошо вписываются, как в общепринятые дипломатические практики Византии, так и в процессы, наблюдаемые в угасающей империи ромеев после 1261 г., сопровождавшиеся изгнанием из Константинополя латинских властей, восстановлением прав Басилевсов и первенствующей патриаршей кафедры. Однако, до сих пор, так и не найден конкретный археологический материал, как и неизвестны доходы, на которых могла быть основана жизнеспособность кафедры в Сарае. Столь же интересным представляется вопрос о подчиненности кафедры. Хроника №85, раздела изолированные хроники византийской «*Chronica Breviora*»³⁷, повествует о выборах епископа на Сарайскую кафедру в 1334 и 1343 гг. С одной стороны сама выборность предполагает значимость вакансии и наличия огромного числа претендентов, с другой стороны краткость промежутков между постановлениями, указывает на сложность несения службы.

³⁵ *Вольфрам фон Шелиха* Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 83–90.

³⁶ *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003; *Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010.

³⁷ *Николов А.* Татары в византийских хрониках «*Chronica Breviora*»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.22-36

Всё же следует признать, что превращение церкви в полноценный феодальный институт произошло только в эпоху ордынского господства и при самом деятельном участии ханской власти³⁸. В итоге целый ряд исследователей высказывается в пользу того, что церковь во время ордынского господства приобрела массу всевозможных иммунитетов не только по отношению к ордынской администрации, но и к княжеской власти³⁹. Следуя предложенной логике, можно заключить, что никто не сделал столько благ для церкви как ордынцы. Изложенные исследователями позиции находят подтверждение в текстах памятников древнерусского канонического права. Так, например, изменения источников и структуры доходов высшей церковной иерархии хорошо видны в положениях решения Владимирского собора 1273(4) г.⁴⁰ Таким образом, можно конста-

³⁸ Примечательно, что Павлов-Сильванский при оценке процессов феодализации на Руси не упоминает до XIV века о феодальных институтах на Руси и рассматривает их, предусмотрительно отказавшись от оценки церкви как феодала. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1987. С. 88.

³⁹ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. ... С. 324–344; Ю.В. Сочнев высказал прямо противоположное мнение, подкрепляя это фактом отсутствия прямых указаний на княжескую администрацию в адресате санкций в ханских ярлыках данных церкви (Сочнев Ю.В. К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период... С. 195–198). Однако именно в этом кроется некоторая недосказанность. Во-первых, ярлыки сами по себе охраняли церковь от всех, кто посмеет её хулить (весьма неоднозначный термин). Во-вторых, в более поздних проезжих ярлыках Тайдулы адресатами увещевания, наряду с ордынской администрацией, являлись и представители княжеской администрации. И наконец-то в-третьих, ярлык выданный ханом Менгу-Тимуром князю Владимирскому Ярославу Ярославичу, содержащий гарантии безопасного проезда через подконтрольные себе земли немецких купцов, подтверждает тезис о признании князьями своей полной безоговорочной подчиненности ханам и введения их в правовую сферу Орды как непосредственного участника (Ярлык хана Менгу-Тимура великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуча Джучи (1266–1359 гг.) / М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов. Казань, 2011. С. 258). Т.е. ханские ярлыки адресовались всем подчиненным, в т.ч. князьям Северо-восточной Руси. Схожее мнение высказано Р.Ю. Почекаевым: Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды... М., 2015. С. 204–206.

⁴⁰ Памятники древне-русского канонического права. СПб., 1880. Ч. 1. С. 84–102.

тировать, что вопросы отношения церкви и Орды получили самую широкую оценку в историографии, отразив всю неоднозначность, как событий прошлого, так и их оценки в сознании последующих поколений.

Возвращаясь непосредственно к проблеме отношений церкви с Ордой и княжеской властью, приходится признать необходимость более детальной оценки характера действия всех участников отмеченного треугольника. Предельно независимое положение церкви от княжеской власти обнаруживается и в более поздний период. Об усилении позиций церкви во внутривосточной и канонической жизни можно также судить по той независимости, которая проявилась, во-первых, в критике княжеской администрации со стороны русских иерархов уже в 60-х годах XIII в.⁴¹ и, во-вторых, в обстоятельствах избрания и поставления митрополитов в последующие эпохи.

В целом, на протяжении всего времени зависимости Руси от Орды после возведения Даниилом Романовичем на русскую кафедру митр. Кирилла ни одному русскому князю не удалось принципиально повлиять на решения своей церковной иерархии в отношении кандидатов на первосвятительскую кафедру и навязать епископату своего кандидата. Таковыми примерами княжеских неудач являются обстоятельства возвышения митр. Петра в 1305 году⁴², а несколь-

⁴¹ В своих поучениях и наставлениях церковные иерархи сетовали на неэффективность княжеской администрации на местах служившей, по мнению первосвятителей, лишь инструментом для несправедливого обогащения, а не богобоязненного управления и суда (Наставление тверского епископа Семена // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2. М., 2010. С. 306. Поучения и слова Серапиона, епископа Владимирского // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2. М., 2010. С. 308–316).

⁴² Митр. Петр был поставлен патриархом Афанасием I в 1305 году также, как и ранее на всю Русь, в отличие от желания Галицкого князя Юрия Львовича иметь собственного митрополита. Возвышение митрополита Петра стало результатом противостояния Михаила Ярославича Тверского с Юрием Московским. Поддержка московского князя (ордынского любимца) помогло Петру выжить в ситуации соборного суда 1311 года, произошедшего в связи с обвинениями, предъявленными тверским епископом Андреем. Переяславский собор постановил невиновность Петра. ПСРЛ. Т.10. С. 176–177.

ко позже митр. Алексия⁴³ и, наконец, в истории смерти нареченного митрополита Митяя⁴⁴. Наиболее наглядно бессилие княжеской власти перед упрямством иерархов прослеживается в истории нареченного митрополита Митяя. Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому при всем его старании так и не удалось поставить своего любимца Митяя во главе церковного управления⁴⁵. Отправленный в Константинополь, тот так и не вступил на пирс бухты Золотой Рог, умерев в пути при странных обстоятельствах. Зная о той ненависти, какую питали к Митяю иерархи, случившееся с княжеским став-

⁴³ По смерти митр. Феогноста в 1354 г. (грека и ставленника Константинополя) и вследствие установления нового русско-литовского государства, активного в т.ч. в поиске собственного митрополита, вновь возник вопрос о выборе кандидатов на митрополию и разделения киевской митрополии надвое. Выдвигались два кандидата Роман, сын тверского боярина, и Алексий, воспитанник Феогноста. И вновь спор между пролитовской Тверью и проордын-ской Москвой разрешился в пользу Москвы. ПСРЛ. Т.10. С. 227–228.

⁴⁴ Но и по смерти Алексея московский князь и бояре решили воздвигнуть на митрополичью кафедру своего ставленника – Митяя, что вызвало недовольство не только московского духовенства, но и северно-русского епископата. Суздальский епископ Дионисий стал гласом недовольных. Однако в этом случае все решилось в пользу литовского митрополита Киприана, чья терпение и связи в итоге сыграли ему на руку. Дионисий, отказываясь признать Митяя и опираясь на поддержку и симпатию иерархов, сам попытался взойти на митрополию, отправившись в Константинополь. Однако его поездка оказалась неудачной, так как инициатива оказалась в руках южнорусского епископата и великого князя Литовского Ольгерда, а конкретнее митр. литовского Киприана, который по мнению Византии мог быть более подходящим кандидатом в митрополиты. Однако при всем гнев князя Дмитрия, москвичам пришлось принять Киприана, правда и последний хоть и был ставленником Литвы и Константинополя все же был вынужден смириться, и в своей церковной политике принять и, до конца своих дней, поддерживать промосковскую позицию. ПСРЛ. Т.10. С. 29–43. О церковном противостоянии внутри Киевской митрополии: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. С. 32–40. О противостоянии Москвы и Твери: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)... С. 237–244. *Любавский М.К.* Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2000.

⁴⁵ *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

ленником не видится случайностью⁴⁶. Очевидно, что уже во второй половине XIV в. епископат вёл себя в отношении княжеской власти независимо и крайне уверенно. Необходимо отметить, что в домонгольский период ситуация была иной. Иерархи были крайне зависимы от волеизъявления как князей, так и городских верхов, а власть митрополита в назначении епархиальных архиереев на святительские вакансии была существенно ограниченной⁴⁷.

Как уже было отмечено выше, именно Орда обеспечивала иммунитет церкви перед княжеской властью. Например, уже упоминавшиеся события 1274 года, отмеченные созванным по инициативе русского первосвященника церковным собором, могут рассматриваться как пример роста политической самостоятельности церковной иерархии. Такой взгляд объясняется тем, что съезд святителей прошёл без участия княжеской власти. Во всяком случае, присутствие каких-либо представителей правящего рода Рюриковичей на соборе в преамбуле принятых постановлений никак не отмечено⁴⁸.

Стоит отметить что это первый собор, который был собран по воле митрополита без прежде необходимого в таких случаях вели-

⁴⁶ ПСРЛ. Т.8. С. 28–32; ПСРЛ. Т.11. С. 35–41; ПСРЛ. Т.15. С. 124–132; ПСРЛ. Т.18. С. 121–125; ПСРЛ. Т.20. С. 199. ПСРЛ. Т.22. С. 249–251; ПСРЛ. Т.23. С. 121–124; ПСРЛ. Т.24. С. 137–141; ПСРЛ. Т.30. С. 125–127. Текстологическое сравнение текстов повести о Митяе и комментарии к ней в исследованиях: *Прохоров Г.М.* Летописная повесть о Митяе // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 238–254; *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

⁴⁷ Некоторые конкретные примеры влияния князей на избрание епископов: ПСРЛ. Т.1. Стб. 454–455; ПСРЛ. Т.2. Стб. 667, 630–631. Подробнее с комментариями: *Гайденко П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013. №1. С. 207–225; *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. №2 (44). С. 118–119, *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие: монография. М., 2014. С. 183–189, 192–223.

⁴⁸ 1274 г. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 84–102.

коньяжеского одобрения⁴⁹. Обсуждение внутренних церковных вопросов по сути произошло без учета княжеского мнения. Судя по принятым решениям, созвав епископат, митрополит попытался совершить суд над независимым новгородским архиепископом Далматом⁵⁰, а вместе с этим и поднять вопрос своих о правах в отноше-

⁴⁹ Вероятно, такая практика восходила к византийским нормам. В империи ромеев право созыва соборов и хранения церковных законов рассматривалось как особая привилегия императоров (*Курганов Ф.А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325–565 гг.). СПб., 2015. С. 85). И Русь не была исключением. Несмотря на крайнюю слабость соборных начал, в подобном виде они во многом восходили к византийским традициям (*Гайденко П.И.* О высшем церковном управлении в Киевской Руси: к вопросу о церковных соборах как высшем органе управления // *Церковь домонгольской Руси: иерархия, служения, нравы: монография / Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю.* М., 2013. С.6–16; *Турчанинов Н.П.* О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царства Иоанна IV Васильевича. СПб., 1829).

⁵⁰ Известие источников таково, что они не называют причин созыва собора. Более того летописание вообще ничего не знает об этом событии. В итоге, в историографии было высказано несколько мнений о причинах произошедшего. А.И. Клибанов предполагал, что собор являлся ответом на антицерковные настроения в обществе (*Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. С. 97, 99). Однако высказанное им суждение оказалось малоубедительным, на что обратил внимание М.В. Печников. По его мнению, нет достаточных оснований говорить о существовании на Руси антицерковных настроений в 70-е гг. XIII в. Им было предложено иное объяснение. Наиболее вероятно причины собора следует искать в накопившихся претензиях митрополита Кирилла к новгородскому архиепископу Далмату. М.В. Печников предположил, что собор был созван для суда над строптивым владыкой: Печников М.В. К изучению соборных правил 1273 г. С. 97–107. Предложенная исследователем версия нашла поддержку в работе П.И. Гайденко: *Гайденко П.И.* Собор 1273(4) года ...// *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2014. № 4 (Т.15). С. 229–239. Однако, существует мнение об иных причинах собора, начиная с борьбы митр. Кирилла с нестроениями (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. С. 183–184; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви Т. 2. Ч. 1 С. 63–65), внезапно открывшимися за долгие 23 года его святительства, и более «светлые» предположения о соборе как о подведении, несомненно положительных, итогов митрополичьего управления (*Колобанов В.А.* К вопросу об участии Серапиона

нии иных епископских престолов Руси⁵¹. Перечень и содержание выносимых на обсуждение иерархов вопросов позволяет сделать вывод, что вменявшиеся новгородскому архиерею обвинения были характерны и для других иерархов. Создаётся впечатление, что суд над Далматом носил превентивный характер, предупреждая остальных иерархов. Независимые действия новгородского святителя, как и неоднократные самовольные поездки епископа Игнатия Ростовского в Орду⁵² показывают высокую степень автономности епархиальных кафедр. Сложившееся положение дел противоречило интересам киевского первосвятительского стола и несло угрозы, в том числе личной святительской власти митрополита Кирилла⁵³.

При том, что Кирилл, кажется, так и не смог добиться от архиереев желаемого послушания и одобрения задуманной расправы над властным новгородским владыкой, ему всё же удалось продемонстрировать епископату свою способность осуществлять большие церковные проекты без прямого участия княжеской власти.

Анализ церковных судов над святителями в домонгольской Руси показывает, что суд над архиереем мог быть совершен только если подсудимого выдавал сам город или его князь⁵⁴. Однако в случае су-

Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. С. 442; *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. ... С. 106; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 134).

⁵¹ *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. ... С. 333, 335.

⁵² Согласно 23(32) и 106(119–120) правилам поместного Карфагенского собора епископ не имел права отправиться в «царствующий град» или «ко двору императора» без разрешительной грамоты первоиерарха церкви. Бывая при дворе ханов без благословения митрополита, Игнатий нарушал субординацию и должен был подвергнуться наказанию (Правила православной церкви с толкованиями. Т. 2. СПб., 1912. С. 169–170, 254–256).

⁵³ Стоит упомянуть и о епископе Леоне Суздальском, Феодоре Ростовском и епископе Пахомии, которые не гнушались материальными поборами и злоупотреблениями в пользу своих кафедр. ПСРЛ. Т.1. Стб. 439, Т.2. Стб. 493, 551–552. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002. С. 150–154.

⁵⁴ *Гайденок П.И.* Церковные суды в домонгольской Руси: несколько наблюдений // Церковь домонгольской Руси: иерархия, служения, нравы: моногра-

да над новгородским архиепископом Далматом митрополит Кирилл не особенно посчитался с мнением горожан, выдвинув против архиепископа обвинения вопреки каноническому праву без представления должных свидетельств и сославшись на некие «слухи»⁵⁵. Новгородский архипастырь не выдержал нанесённого ему оскорбления и вскоре после унижительных разбирательств скончался⁵⁶. Новгородцы, любившие своего пастыря, не забыли этого митр. Кириллу. Достаточно заметить, что о смерти митр. Кирилла в 1281 г. Новгородской Первой Летописи сообщается довольно кратко и сухо, не в пример тем описаниям, которые содержатся в Никоновском летописании, создававшемся в Москве, где память о Кирилле приобрела иное содержание⁵⁷. Новгородская кафедра так и не подчинилась митрополиту, продолжая вести себя в отношении первосвятительского престола Киева крайне независимо⁵⁸. Впрочем, в соборных решениях 1273 г.

фия / Гайденок П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. М., 2013. С. 55–62; Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси... С. 192–223.

⁵⁵ Правило 19 (28) святого поместного карфагенского собора гласит что обвинитель епископа обязан быть открыт (Правила православной церкви с толкованиями. Т. 2. СПб., 1912. С. 165). Но получалось, что митрополит руководствовался слухами, что само по себе противоречило нормам церковного судопроизводства. «Приде бо въ слоухы наша, яко неции от братии наша дерзнуоша продати священни санъ, и причитати я къ церквамъ, и взимати от нихъ некия «оуроки» глаголемыя.» (РИБ. Т. 6, Ч. 1. Стб. 86).

⁵⁶ ПСРЛ. Т.3. С. 323.

⁵⁷ Сравни: НПЛ «Тои же зимы [1281г.] преставися митрополит всея Руси Кириль въ Переяславлѣ месяца декабѣря в 6; везены бысть мощи его в Киев к святой Софии» (ПСРЛ. Т.3 С. 323) и Никоновская летопись «Того же лета [1281г.] преставия преасвещенный Кириль, митрополит Киевский и всея Руси, въ Суздальской земле, въ Переславле, месяца Декабѣря в 7 день, на память святого отца нашего Амбросия, епископа Медеоламскаго, ту суцу и великому князю Дмитрею Александровичю Владимерскому, и Клименту, архиепископу Новгородскому, и Игнатию, епископу Ростовскому, и Феодору, епископу Володимерскому и Суздальскому; и певше над нимъ, положиша его в гробъ, и везоша въ Володимерь, таже изъ Володимеря везоша его въ Киев, и тамо паки певше над нимъ, и служивше вси епископы Русстии со священнымъ съборомъ, и погребоша его въ Киеве в соборной церкви» (ПСРЛ. Т.10. С. 139).

⁵⁸ Эта независимость обнаруживается в тональности летописной записи. Повествуя о смерти Далмата и о поездке в Киев на поставление новоизбранного ставленника на новгородскую кафедру, составитель летописной записи не посчи-

нет прямого осуждения Далмата. Согласно имеющимся спискам, обвинение во многом носит анонимный характер. Однако вне зависимости от итогов собора, произошедшее демонстрирует увеличение власти митрополита над своим епископатом.

Можно констатировать, что церковь в лице высшей иерархии уже в 70-х гг. XIII века чувствовала себя в отношении княжеской власти уверенно и независимо. Одним из определяющих факторов определявший такое состояние дел является экономический, проявлявшийся через систему иммунитетов, которые в свою очередь нашли отражение в ряде многочисленных списков устава Ярослава и Владимира. Правда, практически все они, как уже отмечалось, имеют более позднее происхождение и относятся к концу XIV – XVI вв.⁵⁹ Комплекс затрагиваемых памятников, кажется, был призван расширить влияние церкви на собственный клир, население подведомственных территорий и переданные в церковное ведение некоторые социальные группы восточнославянского общества⁶⁰. В

тал нужным указать не только имя, но и персону русского первосвятителя (ПСРЛ. Т.3. С. 323). Такое умолчание о митрополичьей кафедре, скорее всего, указывает на присутствие напряжённости во взаимоотношениях новгородцев и русского первосвятителя. В иные не отмеченные каким-либо внутрицерковным противостоянием годы, летописание напротив подчеркивало, что отправлявшиеся в Киев кандидаты имели своей целью достичь благоволения митрополичьей кафедры. В некоторых случаях летописец даже акцентировал внимание на духовных достоинствах тех или иных первосвятителей из чьих рук новгородские архиереи получали благодать епископства (сравни известие 1274 г. и иные записи ПСРЛ. Т.3. С. 217, 219, 304 и др.).

⁵⁹ *Щанов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

⁶⁰ История и цели возникновения Уставов Владимира и Ярослава в целом хорошо изучены. Однако при этом вопрос о том, почему именно на XIV–XVI вв. приходится большинство списков этих каноническо-правовых памятников почти не поднимался. Пытаясь разрешить затронутую проблему, П.И. Гайденок предположил, что появление в XIV–XVI вв. такого значительного числа списков вероятнее всего объясняется стремление церкви закрепить свои иммунитеты в условиях усиления власти московского великого княжения (*Гайденок П.И., Фомина Т.Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009. С. 119). При том, что исследователь не обосновал высказанный им тезис, выдвинутой П.И. Гайденок идея видится заслуживающей внимания.

затрагиваемый период рост церковного влияния на население осуществлялся и через систему исповеди и церковных таинств⁶¹. Что же касается установления первосвятительского контроля над монашеством и включения иночества в стройную систему церковного властвования, то данный процесс имел более длительный характер.

Как уже отмечалось, монгольское вторжение и война привели к существенному истреблению и обеднению тех слоёв древнерусского общества, которые выступали ктиторами монастырей. Но возникла и иная проблема. С утратой экономического влияния, ослаблялся административно-правовой и канонический протекторат патронов. Это порождало специфическую ситуацию в организации монастырей и изменяло каноническо-правовой статус обителей. Для епископата и митрополичьей кафедры представлялась возможность упрочить и усилить своё участие в жизни прежде мало подконтрольных архиерейской воле монастырей. Появление общежительного устава, введенного митр. Кириллом⁶², регламентировавшего взаимоотношения внутри церкви, вполне может оцениваться как попытка установить над монастырями такового влияния и контроля. Унификация монастырских норм жизни по сути заново форматировало внутренний строй обители, ритм и цели её существования и,

⁶¹ Исповедальные вопросы к священнику обнаруживают не только вопросы христианской морали, список действий не подобающих священному лицу, включающие расспросы сексуального характера, открывающие нам суровую школу воспитания, но и в т.ч. проникновение и регламентация внутренней жизни всего духовного братства и вероятно самих мирян волей или не волей оказавшихся на территориях подведомственных церкви. Примерами служат вопросы русских исповедных уставов для мирян, монашествующих и священнослужителей, опубликованных А.И. Алмазовым (*Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной восточной церкви. Т. 3. Одесса, 1894. С. 144–186*). Также уже упоминаемые определения собора 1274 года указывают приоритеты интересов при допросе кандидатов на епископство углубляющихся в интимную сферу жизни. *Гайдено П.И. Укромные уголки и публичная жизнь древнерусского духовенства и паствы: сексуальность, быт и власть // Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности: монография / П.И. Гайдено. М., 2014. С. 157–189.*

⁶² Подробнее о Сербской кормчей: *Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. С. 183–185; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви Т.2. Ч.1 С. 63–65.*

как результат, интеллектуальные и духовные процессы в кругу братии. Даже если учесть, что ктиторы по мере вовлеченности в монголо-русскую войну и идущие за этим последствия, прекращали финансовую опеку над своими монастырями, то неожиданно возникшая самостоятельность обителей рождала для епископата новые проблемы. Вероятно, унификация уставной жизни монастырей облегчала процесс введения монастырей под канонический контроль святительской власти.

Об изменениях, произошедших в статусе древнерусских архиепископов, можно судить по той оценке, какую давали епископату возникавшие с XIV веке жития⁶³. Если образы домонгольских иерархов в летописях и сказаниях неоднозначны, противоречивы и нередко отрицательны, то с конца XIV в. характеристики святителей всё более и более ограничены стандартными формулами и высокими оценками их трудов. Произошла подмена образов реальных образам «должными».

В рассматриваемом контексте можно констатировать, что митрополиту Кириллу в значительной мере удалось не только сохранить церковную структуру, но и придать ей большую независимость. Более того, в условиях обеднения ктиторов митрополиту удалось изыскать новые ресурсы для содержания своей митрополии, найдя их в новых правилах выстраивания экономических и финансовых отношений между духовенством и епископатом. Источником богатств стали колоссальные поборы епископата с подчинённого ему духовенства. Например, в решениях собора за рукоположение священника устанавливался взнос в 40 гривен⁶⁴. Учитывая, что эта цифра была

⁶³ Общежитийный устав нивелировал прежний социальный статус монахов, который хорошо прослеживается на примере большого числа образцов Киево-Печерского патерика. Все эти знатные иноки, происходившие из бояр или из княжеской среды, собственно и обеспечивали своим авторитетом и влиянием особое положение своих монастырей. Уравнивание монахов в общежитийном монастыре предупреждало возможность внутренней монашеской оппозиции изнутри обители по отношению к святительской или к какой-либо иной церковной власти.

⁶⁴ 52 статья Судного устава Ярослава Мудрого: «Аще чернец или черница стрижются, митрополиту 40 гривен» (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские ус-

призвана ограничить запросы епископата, можно заключить, что в реальности подношение могло быть значительно выше⁶⁵. Необходимо принять во внимание, что подобные подношения существовали и прежде. Но их размер был иной. Так, Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича определял для епископа плату за совершение торжественной службы в храме Ивана на Опоках всего лишь в один рубль⁶⁶. На этом фоне побор, регламентированный решением 1274 г. огромен. Даже если принять во внимание, что священник должен был сам обеспечить совершаемую службу⁶⁷, что, вероятно, распространялось и на ставленника, запрашиваемая сумма видится неоправданно высокой. А если при этом учесть высокую стоимость серебра, то собиравшаяся за рукоположение плата выглядит неподъёмной для обычного человека. В среднем по весу древнерусская серебряная гривна составляла около 200 гр. серебра. Судя по тому, что серебро на Руси в своем большинстве было ввозным, его ценность должна была быть весьма высокой⁶⁸. При анализе норм русской

тавы XI–XV вв. / изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 90.

⁶⁵ Сбор за поставление священника 3 гривны клирошанам. 1274 г. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. Памятники XI–XV вв. СПб., 1880. Стб. 92. При этом доход «А праздник рождество святого великого Ивана почесть творить и праздновати... а взяти владыце дароу рубль.» *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 162. Ст. 15. В данном случае указано именно рождество, в ином случае, возможно, никакой оплаты не предусматривалось.

⁶⁶ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 161.

⁶⁷ Кирик Новгородец в своих вопрошаниях замечал: «А за упокой та [владыка] велел слоужить Сорокоуст: «На гривну – 5 раз, на 6 кун – раз, а на 12 кун дважды [в неделю], или столько, сколько может [быть оплачено из такого расчета]. Но всё это только за одного. [За нее] и пение и служба, включая [траты на] вино, фимиам, свечи и просфоры, которые несет тот, [кто заказал Сорокоуст]», цитата по: *Милюков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель... М., 2011. С. 413. Оригинал текста: РИБ. Т.6. С. 23–24.

⁶⁸ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 148.

правды в ее краткой редакции В.Л. Янин вслед за М.Н. Тихомировым пришел к выводу, что стоимость простого коня приравнивалась к 2 гривнам. Данная сумма определялась по взывавшийся вире за украденный скот, что само по себе не может указывать на её рыночную стоимость в гривнах⁶⁹. Например, в списках, приведенных А.А. Зиминим, стоимость коня указывается иной – 4 гривны⁷⁰. Как бы то ни было, по исследованию В.Л. Янина, мы можем точно судить о размере размена самой гривны, которая по своей сути являлась высшей денежной единицей. 1 гривна составляла 20 ногат, а стоимость овцы равна 6 ногат. В любом случае такая сумма была значительной и была не по карману обычному смерду или холопу. О величине побора можно судить и по иному сравнению.

Новгородская грамота В2-№718, датируемая 1220–1240 гг., содержит примечательное известие о четырёхлетнем долге городка Бежец по выплате погородья (одного из прямых налогов, взывавшихся с городов): «В Городецком погородье: дани 30 гривен бежецких, черных кун 40 [гривен], меда 3 берковца, 3 яловые коровы, дара 2 гривны; детским [столько-то] гривен, 2 полти, горшок масла, сани, 2 попоны, 2 мешка, 2 клетчатины». Получается, что за своё поставление священник должен был заплатить сумму, примерно равную четырёхлетнему долгу целого города⁷¹.

Поборы в пользу епископов не ограничивались сборами за рукоположения. Помимо него вводились всевозможные подъездные, платные архиерейские службы, принятие даров за монашеские постриги, подношения за переход от духовников, выплаты за архиерейскую и священнические хиротонии⁷².

Однако возникает совершенно уместный вопрос об источнике денежных средств младшего духовенства. Несомненно, оплатить

⁶⁹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82, ст. 25, 26, 42.

⁷⁰ Зимин А.А. Правда русская. М., 1999. С. 362.

⁷¹ Подробнее с переводом грамоты и некоторым комментарием: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 468–469.

⁷² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского других иерархических лиц // РИБ. Т.6. Ч. 1 Стб. 61 [Илья 20]; Вопрошание Кириково // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 429. Гайденок П.И. Макаров А.И., Мильков В.В. Комментарии // Там же ... С. 470–471 [сноски 267–272].

поставление священника могли ктиторы храма или даже горожане⁷³. Но могли использоваться и иные способы изыскания средств. Судя по новгородской грамоте этого же периода, В8-№239, можно заключить, что деньги могли быть получены из доходов от ростовщической деятельности городского духовенства⁷⁴. Практика дачи денег в рост (в ссуду) с получением процента была отмечена уже в середине XII века. Этот вопрос беспокоил Кирика Новгородца⁷⁵. Вместе с этим возникает ряд вопросов: откуда духовенство черпало первоначальные средства, на каких основаниях оно давало деньги в ссуду, почему с этим мерилось городское население и архиепископская кафедра? Без разрешения проблемы об источниках первоначального капитала духовенства любая оценка рассматриваемого явления не будет полной.

В историографии уже указывалось мнение, что участие духовенства в ростовщических операциях не было случайным. Это объяснялось специфической структурой городской общины, в которой возможность заниматься тем или иным видом деятельности строго регламентировалось. По крайней мере такая точка зрения была высказана П.И. Гайденко⁷⁶. К сожалению, летописные сообщения не

⁷³ Оплату возведения в архиепископство новгородского епископа Луки-Ильи город оценил дорогой платой: «многих дары, якоже число превзыде» (ПСРЛ. Т.9. С. 233; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. С. 331).

⁷⁴ О невероятной математической грамоте попа, автора грамоты, свидетельство точного подсчета процентной ставки ссуды: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 474

⁷⁵ «А [тех, кто] ради процентов, называемых лихвой, дает в долг, так велел наставлять: «Если поп, то скажи ему: «Не следует тебе служить, пока того не оставишь». А если мирянин, то скажи ему: «Не следует тебе брать проценты, а мне, – скажи, – грех не сказать [тебе о том]». Если же не могут отказаться [от лихвы], то скажи им: Будьте милосердны! Берите немного: если по пять кун дал, то возьми [сверх того] три куны или четыре». Цитата по: *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель... М., 2011. С. 414. Оригинал текста: РИБ Т.6. С. 24–25.

⁷⁶ Однако оценка ростовщической деятельности новгородского духовенства в исследованиях названного автора ограничилось общим замечанием. *Гайденко П. И.* Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митропо-

позволяют уверенно высказаться по сформулированной выше проблеме и прояснить источники начального капитала духовенства. Тем не менее, сам факт ростовщичества, а также участие духовенства в строительстве крупных монастырей и храмов позволяют заключить, что материальный достаток священства мог объясняться происхождением пастырей. Наиболее вероятно, что социальную основу новгородского священства составляли выходцы из состоятельных и боярских родов города, вовлеченных в товарно-денежные и торговые отношения и сферы. В итоге, справедливо заключить, что священники, ссуживавшие под проценты деньги, не могли быть в этом сложном деле новичками.

Не исключено, что принятие сана предоставляло для лиц, занимавшихся посредническими и торговыми операциями, выход из-под юрисдикции княжеских законов, представляя им льготы. Судя по ответам епископа Нифонта на вопрошание Кирика, у новгородского духовенства также существовала свобода действий не только по отношению к представителям «светской» власти, но и церковной⁷⁷. Скорее всего епископ попросту не мог повлиять на священников, занимавшихся ростовщичеством. Во-первых, это могло объясняться тем, что храмы, в которых служили эти пастыри, находились в руках купеческих семей и оставались неподконтрольны архиепископу. Во-вторых, богатое духовенство было выгодно епископату, поскольку не требовало на себя затрат со стороны кафедры. В-третьих, прежний высокий социальный статус такого священства лишал святителя возможности применять к пастырям хоть какие-либо санкции. И наконец, вполне возможно, архиерей имел от такого духовенства личную выгоду.

С уверенностью можно заключить, что со второй половины XIII в. при ослаблении княжеского и городского контроля святы-

лита Кирилла // Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности: монография / П.И. Гайдено. М., 2014. С. 149–150.

⁷⁷ Судя по ответам епископа Нифонта Кирику Новгородцу можно утверждать, что существовал гибкий подход по отношению к степени греха и к исправлению грешников. Учитывался возраст, пол, социальный статус (духовное лицо или мирянин) и этнический аспект. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель... М., 2011. С. 177–178.

тельские кафедры, благодаря внутренним доходам, включавшим поборы со священства, а также различные сборы, взимаемые с населения подведомственных кафедрам территорий, стали постепенно выстраивать новую систему собственного финансового благополучия епископата.

В результате своих действий митрополит Кирилл добился того, что единственным полноправным лицом в русской церкви с конца XIII в. стал митрополит. В итоге, в деятельности киевского первосвященника угадываются черты, схожие с усилиями, предпринятыми Даниилом Романовичем Галицким в установлении единовластия на подконтрольной ему территории в середине XIII в.

Необходимо признать, что влияние Орды в исследуемых церковных процессах было колоссальным. Прежде всего, оно выразилось в патронировании интересов духовных иерархов. Такая протекция ордынцев осуществлялась через предоставление митрополитам ярлыков, делавших их власть фактически неподсудной светским властям. Подобное сближение церкви и Орды препятствовало любой форме существенного воздействия князя как на самого первосвященника, так и на вопросы подведомственные русскому первосвященнику. Отныне на долгое время митрополиты утверждались ханами в Сарае⁷⁸, а русская церковь признавала свою подчинённость не только Константинополю, но и правителям Сарая. Во всяком случае, свои действия она совершала с серьёзной оглядкой на Сарай.

При этом «антимонгольские» восстания, связанные с погромом бесермен 1262 г., церковью не осуждались, а наоборот описывались как определенное избавление ростовской земли от мусульманского «плена»: «В лѣтѣ . ꙗꙑ . ѱ . ѳ . [6770 (1262)] Избави Бѣ ѿ лютаго томленьа бесурменьскаго . люди Ростовскіаѣ земля . вложи аерость въ срѣдца крѣстьяномъ . не терпаше насильа поганыхъ . изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ . из Ростова . изъ Володимера . ис Суждала изъ Арослава изгнаша иныхъ избиша . . .»⁷⁹. Полное отсутствие полномасштабной реакции Орды на произошедшие пог-

⁷⁸ Неудивительно, что ордынские властители именовались в русских летописях царями (*Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. С. 5–9, 245–247).

⁷⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 476.

ромы, говорит, возможно, о небольшой распространённости или даже возможного неприятия исламской веры среди баскаков, представителей золотоордынской администрации на местах. Возможно и то, что баскакам, прежде являвшимся представителями некогда монгольской империи, претило принимать, и тем более бороться за новомодный золотоордынский ислам, пришедший взамен традиционных верований. Не исключено, что подобные стычки рассматривалась ими скорее, как столкновение местных интересов, которые не имели принципиальных по значению и не несших угрозу Орде, иначе неминуемо последовал бы ответ в виде очередной «рати». Вероятно, то что церковными авторами воспринималось как «антимонгольские» восстания представляли собой ни что иное как внутрениордынский конфликт.

Оценивая высказанную гипотезу о широчайшем влиянии Орды на каноническую и экономическую жизнь церкви, приходится столкнуться с одной сложностью – недостатком источников⁸⁰, способных окончательно подтвердить или опровергнуть выдвинутую версию. Значительная часть небольшого количества дошедших до нас письменных документов и сообщений относится к XIV веку. При этом сами тексты формировались в церковной среде, вероятнее всего, при участии монашества и уже представлялись во фрагментированном (отредактированном и существенно скорректированном) и отформатированном виде⁸¹. Не менее затруднительно опираться на свидетельства письменного наследия Золотой Орды, которая в описываемый период была лишь частью огромной монгольской империи. Известия византийских и западноевропейских источников также не позволяют создать полной картины событий, происходивших на Руси во второй половине XIII – начале XIV в. Даже истории монголов Плано

⁸⁰ О недостатке источников: *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. ... С. 324–325, 353–354.

⁸¹ *Данилевский И. Н.* Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций... М., 2012. С. 3–24; *Данилевский И.Н.* Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 6 (22); *Данилевский И.Н.* Методологические ограничения исторических реконструкций // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна ... Ростов н/Д., 2014. С. 147–156.

Карпини и Вильгельма Рубрука, побывавших на Руси и знавших о состоянии дел в киевской митрополии, не представляют возможности воссоздать полноценную картину политической и религиозной жизни восточнославянского общества.

* * *

Всё перечисленное позволяет прийти к следующим выводам. Влияние Орды на формирование канонических церковных норм второй половины XIII в. видится несомненным и даже существенным. Однако это воздействие осуществлялось не в форме вмешательства Орды во внутренне устройство киевской митрополии, а через представление митрополитам, и в их лице епископату и церкви, широчайших канонических, административных и экономических свобод. Складывание подобных отношений между Русью и Ордой привело к росту самостоятельности киевских первосвященников и их неподсудности княжеской власти. Как результат – конец XIII в. ознаменовался широкой канонической деятельностью митрополита Кирилла и самостоятельным созывом Владимирского церковного собора. Предпринятые русским первоиерархом усилия привели к сохранению канонического единства церкви. Это достигалось через удержание в подчинении киевской кафедры прежде всего епископата. В столь сложных обстоятельствах важным источником власти митрополита впервые становиться реальная внешняя сила: авторитет и власть покорителей Руси. Поддержка Орды выражалась в форме ярлыков и в иных действиях, выказывавших благоволения к митрополиту со стороны ханов. Например, это отсутствие контроля деятельности первосвященнической кафедры со стороны Орды и невмешательство монгольской администрации в дела первосвященника. Все перечисленное способствовало ослаблению княжеского и какого-либо иного ктиторского влияния на епископские кафедры и монастыри. В сложившихся условиях обеднения прежних донаторов церкви епископат обнаружил новый способ пополнения доходов в форме поборов с духовенства. С одной стороны, это компенсировало обнаружившийся недостаток материальных средств и предоставляло определённую поддержку со стороны митрополита, отражённую в решениях Владимирского собора 1273(4) г. С другой стороны, подобное положение епископата

приводило к злоупотреблению церковной власти на местах. Однако с ростом этих нестроений киевский первосвятитель получал в свои руки рычаг канонического давления на епископат, действия которого плохо согласовывалось с нормами христианской морали и церковных канонов. Произошло увеличение и укрепление канонической власти митрополита. Отмеченные изменения лучше всего прослеживаются в обстоятельствах созыва собора 1274 года и введение общежительного устава в 1261 году. Можно, с определенной уверенностью говорить о том, что с укреплением ордынского влияния над церковью и ослаблением княжеского участия в жизни священной иерархии уже к концу XIII в. митрополиту и епископату в целом удалось распространить свой контроль, в том числе и на монастыри. Примечательно, что экономические ресурсы последних не уступали возможностям архиерейских кафедр. Всё перечисленное позволяет сделать вывод, что влияние Орды на церковную организацию Руси и её каноническо-правовые институты было не только огромным, но и имело благоприятные результаты для высшего духовенства.

3.2. Церковно-ордынские отношения в оценках современников

Реконструкция церковно-ордынских отношений не могут быть полными без детального анализа того, как эти связи оценивались современниками. Приходится признать, что восприятие различными слоями Древней Руси своего рода диалога, сформировавшегося между Русской Церковью и Ордой во второй половине XIII – XIV вв., остаётся малоизученным. Выявление и анализ таких оценок позволил бы не только разобраться в поведении церкви в кризисных условиях конца эпохи, лучше осознать действия монгольской, а затем ордынской, администрации, но и приблизиться к пониманию системы смысловых координат древнерусского человека⁸².

⁸² Термин, использованный в работе Рудакова, целесообразно применить и в данной ситуации относительно церковно-ордынских отношений (*Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009. С. 174).

Круг источников, позволяющих выявить оценки русско-ордынских связей современниками и потомками тех событий, не столь значителен. К тому же и имеющиеся письменные свидетельства немногословны. Аналогичная ситуация присутствует и при рассмотрении церковно-ордынских отношений. Такое молчание или предельная осторожность летописцев и агиографов в суждениях о происходившем в жизни церкви в период господства Орды видятся странными. В итоге требует своего объяснения не замеченная в большинстве памятников эпохи роль церкви и её священной иерархии в жизни Руси и в военно-политических процессах, сопровождавших русско-монгольскую войну и следовавшие за ней события на покоренных степной империей территориях. Сложившаяся ситуация разительно отличается от той, что присутствует в отношении западноевропейских письменных свидетельств. При всём том ужасе, который испытали европейцы во время походов, предпринятых внуками Чингизхана в 1241–1242 гг., монгольское вторжение для Европы оказалось хоть и трагичным⁸³, но кратковременным эпизодом, чего нельзя сказать о Руси и месте ордынцев в её истории. Тем не менее, в многочисленных латинских текстах роль Римской церкви в лице её иерархии и её отношение к пришедшим с Востока захватчикам прослеживаются несопоставимо лучше и рельефней⁸⁴, чем деятельность русского священноначалия в древне-

⁸³ Походы монголов, совершенные на Польшу, Моравию, Венгрию, Чехию, Боснию, Сербию и Болгарию, хоть и принесли многочисленные беды местному населению, но никак не отразились на государственном устройстве этих держав. *Фома Сплитский* История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 108–109. *Viekoslav Klaić. Poviesti Hrvata*. 1899. P. 215–230. Разбор монгольского похода в Европу: *Пауцто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 163–164, 169; *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950. С. 222; *Пауцто В.Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 216.

⁸⁴ Данная особенность западноевропейских источников лучше всего обнаруживается в сохранившихся письмах и в восточноевропейских хрониках того времени, значительно лучше и подробнее описавших вторжение монгольских Орд. Стараниями авторов текстов запечатлены не только действия за-

русских литературных памятниках того времени. В результате при работе с древнерусскими текстами «кричащим» видится уже само их немногословие или же молчание.

Важнейшим источником по истории церковно-ордынских отношений должно быть признано русское летописание. Как уже отмечалось выше, число сюжетов, упоминающих действия церкви и ее иерархов в период монгольского вторжения, не велико. Более того данная группа известий в общей хронологии событий распределена неравномерно, обладая такой же неравномерностью объёма сообщаемой информации. Дело осложняется ещё и тем, что русские летописи по-разному излагают и интерпретируют анализируемые в исследовании события.

Как уже отмечено выше, число сюжетов, связанных с деятельностью русской церкви или в которых присутствует хоть какое-то упоминание о ней применительно к событиям первых 70 лет монгольского господства, невелико. Наиболее отчётливо идентифицируются следующие группы сообщений:

1. Битва на Калке;
2. Нашествие Батые на Русь;
3. Тема гибели земли Русской.

Битва на Калке

Известие о первом боевом столкновении монголов с русскими князьями присутствует практически во всех древнерусских летописях⁸⁵. Появление этой хорошо изученной записи большинством исследователей относится к 80-м годам XIII в.⁸⁶ Однако в её основе

хватчиков, но и детально прописаны усилия по отражению агрессии «татар». Наиболее интересна в этом отношении переписка знатных лиц с Римским Престолом. Перевод и подробный источниковедческий разбор данной группы эпистолярных памятников: *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–446; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744, 745; ПСРЛ. Т. 4. С. 215, 216, 219.

⁸⁶ О датировке битвы на Калке: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106–107, 264–268; *Голыженков И.* Битва на Калке 31 мая

лежат воспоминания и тексты значительно более раннего происхождения. О том, насколько значимо было произошедшее в 1223 г. боевое столкновение русских и монголов, завершившееся полным разгромом объединённых русских дружин и избиением стоявших во главе них князей, можно судить уже на основании того, что известия об этой военной трагедии вошло и в некоторые западноевропейские хроники и письма⁸⁷. Между тем взгляды древнерусских летописцев на причины, приведшие к трагедии, ход сражения и его последствия обладают существенными различиями. Наиболее наглядно данное обстоятельство прослеживается в известиях, изложенных в трех важнейших и старейших летописях, Лаврентьевской, Новгородской Первой и Галицко-волынской:

1223 г. М., 1993. С. 11–34; *Татищев В.Н.* История российская. Т. 3. С. 218; *Клосс Б.М.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 10; *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1771. Т. 2. С. 521; *Карамзин Н.М.* История государства российского. М., 1991. Т. 3. С. 484–488, 618–620. О трудностях датировки и об особом предпочтении указания пятницы, как дня битвы: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 234. Об авторстве и датировке летописного известия, а также о месте его создания (ростовская версия): *Свердлов М.Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963. С. 141; *Буланин Д.М.* Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 346–347; *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XV века // ТОДРЛ. Л., 1974. С. 66; *Лурье Я.С.* Обще-русские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 34. О рязанском происхождении первоначального текста известия о битве на Калке: *Комарович В. Л.* Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 75–77. О наиболее раннем происхождении текста (1223–1228 гг.) и об историографии вопроса: *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 18–20, 22–23; *Дмитриев Л.А.* Слово о гибели Русской земли // Словарь книжников. Л., 1987. Вып. 1. С. 432–434.

⁸⁷ Полный сборник латинских источников, упоминающих о монголах: *Хаутала Роман.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015.

<p>ПСРЛ. Т. 1. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 445–446</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Галицко-волинская летопись Стб. 744, 745</p>	<p>ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку Л. 96–99</p>
<p>... много бо зла створиша ти в каннии Половци Рускои земли . того ради всемлствѣи Бѣ хотя погубити . и наказати безбожныѣ снѣи Измаиловы Куманы . аеко да ѿмьстятъ кровь хрсѣаньску .</p>	<p>... Данилови же избивающе ихъ своимъ полкомъ. И Сѣлгови Коурьскомуу крѣпко бившимсѣ. инѣмъ полкомъ. сразившимсѣ с ними грѣхъ ради нашихъ. ... Татаром же побѣдившимъ Роуьскыѣ князѣ. за прегрешение крѣтньское пришедшимъ. и дошедшимъ до Новгорода. Стѣполчьского. не вѣдающимъ же Роуси лъсти ихъ. исходахоу противоу имъ со крѣты . ни же избиша ихъ всихъ. Ожидалъ Бѣ покааніѣ крѣтѣаньскаго и вбрати и воеваша землю Таногустьскоу и на инѣ страны.</p>	<p>Томъ же лете по грехомъ нашим, придоша языци незнаемы... Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожные сыны Измаиловы Куманы, яко да отомстятъ кровь крестыанскую... И тако за грехи наша Богъ вложи недоуменье въ нас, и погибе много бесчисла людий; и бысть вопль и плач и печаль по городом и по сѣлом.</p>

Практически все древнерусские книжники смотрели на произошедшее через призму казней Божиих⁸⁸. Однако причины и истоки постигших Русь бедствий виделись во Владимире, в Новгороде и на Волыни по-разному.

⁸⁸ О концепции казней Божиих: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. С. 34–44; *Флоря Б.Н.* Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 91–92; *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. М., 1990. Ч. 1. С. 22–23; *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. ... С. 296.

Главным мотивом прихода монгольских завоевателей в 1223 год для Суздальской летописи служило божественное наказание половцев за «кровь христианскую». Однако, сообщая о походе князей и извещая о мотивах их поступка, летописец, человек, несомненно, церковный, не симпатизировал и не поддерживал намерение руководителей объединённых дружин вступить в бой. По мнению автора текста, действия дружин выражали недоверие божественному промыслу. Отмстителем за преступления степных орд должен был стать Господь: «всемлѣтвыи Бѣ́хота погубити . и наказати безбожныѣ сѣ́ы Измаиловы Куманы . ꙗко да ѿмѣстятъ кровь хрѣ́сьаньску»⁸⁹. И вина за это непонимание, по мнению летописца, всецело лежит на князьях. Именно их действия послужили причиной новых угроз со стоны Степи: «[Татары] придоша близь Руси. идеже зоветсѧ валь Половечьскыи. и слышавше ꙗ Русстии князи... здумаша итии на на . мнѧще ꙗко ти пойдутъ к нимъ»⁹⁰. Вероятно, летописец счел действия князей неправильными. Тем более, что дружины вступились за тех, против кого была направлена карающая рука Господа, коей и являлись «татары». Жертва русских воинов была напрасной. По всей видимости, летописец горевал по поводу смерти участников похода: Мстислава Киевского и других его соратников, а также большого числа бояр. Однако не менее искренней и была радость о спасении Галицкого князя Василька Константиновича, не участвовавшего в этой битве: «Се же слышавъ Василко . приключышееса в Руси . възвратисѧ ѿ Чернигова сохраненъ Бѣ́мь и силоу крѣ́та чѣ́тнаго . и млѣ́вою ѿца своего Костантина . и стрѣ́яе своего Георгиѧ . и вниде в свои Ростовъ слава Ба́ и стѣ́ю Бѣ́ю»⁹¹.

Описание событий 1223 г. в Новгородском летописании в отличие от записей Владимира более расширено. С одной стороны, по мнению новгородцев, вступившись за половцев, дружины стремились пресечь нависшую над Русью угрозу, а с другой стороны, явили гордую самонадеянность: «И тако думавше много о себе, и яша по путь и поклона деля и молбы князей половецких»⁹². Ситуация

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447.

⁹² ПСРЛ. Т. 3. Л. 145–145 об.

усугублялась «избиением» татарских послов, пришедших предупредить об отсутствии злого замысла в отношении Руси. По сути, князья отвергли и второе посольство. В итоге главной причиной неудачи, постигшей русских князей и совместный русско-половецкий союз, стали трусость и предательство половцев, а также измена воевод. Бежавшие с поля боя половцы, смели на своём пути, стоявшие в тылу русские дружины.

Иначе данный сюжет интерпретировало Галицко-Волынское летописание, автором которого, вероятно, было мирское лицо. В рассказе отсутствуют какие-либо слова о божественном вмешательстве и о небесных карах. Отсутствуют и упрёки в адрес половцев. Содержание летописной записи оказалось не столь категоричным и в оценках битвы. По мнению автора записи, разыгравшаяся на берегах Калки трагедия стала результатом неудавшегося, но необходимого превентивного удара князей против возможного агрессора: «бывшю же свѣтоу. всих князѣи. во градѣ Къевѣ. створиша свѣтъ сице. луче ны бы есть приати æ на чюжеи землѣ. нежели на своеи.»⁹³ Галицко-Волынская версия примечательна ещё и тем, что в ней отсутствуют какие-либо уничижительные слова в отношении князей, а образ Даниила Романовича приобрел эпические черты. Именно этим оно разнится с новгородским и суздальским версиями описания событий 1223 г.⁹⁴

Не менее примечательно ещё одно обстоятельство. Казалось бы, известия о смерти представителей правящего рода и о практически полном разгроме объединённых сил Руси должны были содержать и описания церковного участия в разразившейся драме. По крайней мере, история домонгольской Руси содержит значительное число примеров того, как церковь напутствует, сопровождает и провожает в последний путь своих князей⁹⁵. Однако в комплексе сюжетов, по-

⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 743.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 743–744.

⁹⁵ Под 1101 г. Суздальская летопись извещает: «Заратиса Ярослав . Ярополчичь Берестыи и иде на нь Стополкъ . и заста и в градѣ . и смь и . и икова и приведе и Къеву и молисѣ в нем митрополитъ . и игумени . и оумолиша Стополка . и заводиша и оу раку . стбою Бориса и Глѣба . и снаша с него иковы . и пустиша и Томьж лѣтъ . совокупишася вса брагѣ . Стополкъ . Воло-

священных первому монгольскому вторжению на Русь, когда, казалось бы, деятельность иерархов, духовенства и монашества должна была хоть как-то проявиться, участие пастырей и святителей в событиях того года в отечественных источниках никак не обозначено.

Как уже было отмечено, описания событий 1223 г. разительно отличаются от того, как представлялись подобные же столкновения в домонгольском летописании. Во всех упоминаемых известиях, описывающих боевые действия против половцев или междоусобные столкновения, князья и горожане, по рассказам летописцев, прибегали к небесной помощи. Подобным образом, судя по записи южнорусского летописца, поступили в 1223–1224 гг. и жители городов, обречённых татарами на гибель. Правда, примечательно, что летописание не называет названия поселений и городков. Более того, данный сюжет хоть и касался пограничных крепостей северо-восточной Руси, однако присутствует, не в Лаврентьевском и Новгородском летописании, что было бы логично, а лишь в Галицко-Волынском летописании. Не менее интересно и то, что летописная оценка мольбы и судьбы обречённых горожан разительно отличается от того, как подобные вздыхания интерпретировались в записях более раннего периода. На этот раз в отличии от описания похода 1111 г. Владимира Мономаха на половцев⁹⁶, и сообщений о событии 1170 года (поход суздальцев на Новгород)⁹⁷, усилия осаждён-

димерь . и Двѣдъ . и Сѹлгь . Арославь брагѣ ю . на Золотьчи . и прислаша Половци слы ѿ всѣхъ князии . ко всеи брагѣ просаще мира . и рѣша имь Русскѣи князи . да аще хочете мира . да совокупимса оу Сакова . и послаша по Половцѣ . и снашася оу Сакова . и створиша мирь с Половци . и поаша тали межи собою . мѣда . семъ . въ . еѣ . днѣ . и разидошася разнѡ» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 275). Не менее интересна запись 1103 года: «Рускѣи же князи и вои вси молахуть Бѣ и вѣбѣты вздаеху Бѹ . и Мѣри ѿго . вѣвъ кутьею . вѣвъ же млѣстнею оубогѣмъ . Инии же манастыремъ требованъе . и сиче молащимса . поидоша Половци . и послаша предъ собою [в] сторожѣ» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 278).

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 265–268.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362; Т. 3. Л. 36 об.–37. Впоследствии данному событию придали более яркие черты и представили в отдельном сказании, «Слове о знаменнии святѣя богородица в лето 6777-е». Явленное же в дни осады новгородцам и суздальцам чудо запечатлелось в иконописном образе «Богоматерь Знамение». Подробнее о «Сказании о битве новгородцев с суздальца-

ных в 1223 г. монголами мирных горожан, поддавшихся «татарской лести»⁹⁸, оказались напрасными. Более того, текст позволяет заключить, что, подчёркивая напрасное обращение горожан к силе священных реликвий, Бог ожидал от несчастных не молитвенной помощи о небесном заступничестве в битве с врагом, а иного: «Ожидаѣ Бѣ покаѣниѣ крѣстьяньскаго»⁹⁹.

В итоге, умолчание источников о каком-либо участии церкви в описываемых событиях 1223 г. не случайно и не может быть списано на краткость записей. Отмеченное нуждается в объяснении и, вероятно, вызвано рядом не исключających друг друга причин.

Во-первых, ко времени создания сказания в древнерусском обществе утвердилось представление о царском положении ханов. Поэтому действия ордынской власти не могли быть поставлены под сомнение даже в «исторической» ретроспективе.

ми» и о чтимой чудотворной иконе: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 126–128; *Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия. Киев, 1878. С. 129–130; *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 120–123, 151–154; *Лихачев Д.С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 263–264; *Порфиридов Н.Г.* Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 239–240, 296; *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. С. 64–65 [ил. 51], 152 [ил. 103]; *Дмитриев Я.А.* Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 95–148, 281–284.

⁹⁸ Выбранное автором текста слово «лесть» не случайно. Под лестью, несомненно, подразумевались обман или хитрость (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. С. 68). В.Н. Рудаков обратил внимание на то что мотив «татарской лести» неоднократно встречается в Ипатьевской летописани. В итоге исследователь заключил, что такая характеристика, прежде всего, подчеркивала особо негативное отношение современников к завоевателям. (*Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв... С. 42). Однако лесть – явление дьявольское, inferнальное. Поэтому, скорее всего, в подобного рода записях вернее видеть не столько негативное отношение к завоевателям, сколько сожаление о неспособности жителей правильно понять происходящее, распознать промысел Божий и принять его.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

Во-вторых, если допустить, что церковь действительно оказалась непричастной к событиям на Калке и её участникам со стороны русского объединённого войска, что крайне сомнительно, виновниками произошедшего следовало бы считать самих князей, которые не позаботились о церковном напутствии своих дел. Во всяком случае, ни один из участвовавших в битве Рюриковичей не представлен как человек, ищущий божественного заступничества.

В-третьих, умолчание о церковном участии в описываемых событиях могло извиняться и поведением духовенства, его пассивностью.

Однако первое объяснение видится недостаточным, что же касается второго и третьего, то и они не обладают убедительностью. Маловероятность такого развития событий объясняется укоренённостью в дружинно-княжеской среде церковных представлений¹⁰⁰. Но даже, если допустить, что князья всё же оказались равнодушны к церковным молитвам перед грядущей битвой, то крайне сомнительно, чтобы родственники погибших не совершали поминание убитых. Принимая же во внимание ктиторийский характер значительной части храмов и монастырей домонгольского периода, по смерти князя о нем непременно бы совершали заупокойные молитвы. К тому же упоминавшиеся выносы крестов горожанами, встречавших монголов, также не могли быть совершены без участия духовенства. Таким образом, церковь не была способна избежать своего участия в происходящем. Иное дело, она предпочитала не упоминать даже о возможности своей причастности к актам, имевшим антиордынскую направленность. В итоге предложенные выше объяснения видятся крайне шаткими, и нам приходится иметь дело с текстом, подвергшимся существенной редакторской правке.

Примечательно ещё одно обстоятельство. После битвы на Калке, летописцы ни разу не отметили возможные последствия произошедшего. Складывается ощущение, что после 1223 г. на Руси никто не ожидал повторения трагедии. Такие поведение и умонастроение разительно отличаются от того состояния, в котором на-

¹⁰⁰ О значении церкви и её обрядов в жизни военных элит Руси: *Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета.* СПб., 2005.

ходились Папский Престол и значительно раньше Руси подвергшиеся атаке неведомых орд с Востока правители Грузии¹⁰¹. Более того, тогда, когда монгольская угроза превратилась в реальность, вопросы отношения к Орде не прозвучали и на Владимирском соборе 1274 г.

В итоге, нельзя исключать того, что возникший в 1280 г. текст, лёгший в основу летописных записей, был существенно сокращён и представляет собой редакцию, призванную предупредить возможные осложнения между церковью и Ордой. Скорее всего, концепция, представляющая выступление князей против завоевателей в качестве неразумного шага, как борьбу против Божественной воли, отражала не только эсхатологические настроения, но и отвечала этикетным нормам времени, не допускавшим критику «царской» власти, а также вполне прагматическим целям церковной политики в отношении Золотой Орды.

Нашествие Батыеа на Русь

В отличие от летописных сообщений 1223 г., умолчавших о какой-либо реакции церкви на столкновение с монголами, известия о нашествеии 1237–1240 гг. сохранили образы духовенства. Правда, персоны и поступки архипастырей и монашества, а также обстоятельства, в которых эти личности проявлялись, исчезали или по крайней мере были упомянуты, неоднозначны и заслуживают специального анализа.

Наиболее драматичным и едва ли ни ключевым видится летописный сюжет, повествующий о взятии монголами Владимира. Представленное в летописи сообщение о падении стольного города Северо-Восточной Руси сохранило описание обстоятельств муче-

¹⁰¹ Письмо грузинской королевы Русудан папе Гонорию III // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатаны». Казань, 2015. С. 124–126. Письмо грузинского амирспасалара Иванэ папе Гонорию III // Там же. С. 127–129. Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано // Там же. С. 131–133; Короткое упоминание битвы на Калке во «Втором продолжении (анналов Мелька) Клостернойбурга» // Там же. С. 133–134; Упоминание битвы на Калке в трактате Цезария из Гейстербаха «Диалог о чудесах» // Там же. С. 134–135).

нической смерти епископа Митрофана¹⁰². Не менее наглядно и эмоционально воссозданы летописцами обстоятельства гибели Москвы и Рязани. Все эти рассказы оканчиваются описанием смерти не оказавших какого-либо сопротивления захватчикам местного монашества и духовенства. Согласно летописным известиям все они погибли в огне городского пожара¹⁰³. Столь же поучительной представлена гибель настоятелей владимирских монастырей. Среди принявших смерть значатся архимандрит владимирской обители «Святая Богородицы» Пахомий и игумен Успенского монастыря Даниил, игумен Спасского монастыря Феодосий¹⁰⁴. Большею конкретностью обладает и судьба братии названных обителей. Оставшиеся насельники были уведены «в полон»¹⁰⁵. Подобными же нюансами отмечено в Галицко-Волынском летописании упоминание о смерти переяславского епископа Семиона¹⁰⁶. Не менее интересны образы ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфи-

¹⁰² Безусловное восприятие епископа Митрофана как деятельного участника обороны Владимира: *Толстой М.В.* Рассказы из истории русской церкви. М., 1991. С. 100–101; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С.91. Сомнения относительно реальности фактов призыва епископа Митрофана к героической обороне Владимира были высказаны: *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 14–15; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. ... С.79; *Гартман А.В.* Хронология похода Батгя на Северо-Восточную Русь // Известия Алтайского государственного университета. № 4–2 / 2008. С. 19. Мученическая смерть Митрофана была отмечена лишь в древних святцах. Но в более позднее его имя уже не встречается в списках русских святых. Общерусское почитание святителя было восстановлено в 1982 г. в «Соборе Владимирских святых».

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463.

¹⁰⁴ «... оубьень быѣ Пахоми архимандритъ манастыря Ржеѣтва сѣгы Бѣа да игумень Оуспеньскыи . Февдосии Сѣсьскыи.» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463–464). Почетания их мученичества имело локальный характер и не получило широкой поддержки у полноты русской православной церкви.

¹⁰⁵ «... ввы оубивающе . ввы же вѣдуше босы . и безъ покровень въ станы своѣ . издыхающа мразомъ.» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463–464).

¹⁰⁶ «...и взать градъ Переяславль копьемь . изби весь . и цркъвь архангѣла Михаила скроуши . и сосоуды цркъвныѣ . бещисленныѣ . златыя . и драгаго каменья . взать . и епсѣпа прѣдѣнаго Семевна оубиша...» (ПСРЛ. Т. 2. С. 781–782).

рия. Их судьба оказалась более счастливой. Оба они спаслись. Правда, первый из них, Кирилл, в момент штурма Ростова был в Белоозере¹⁰⁷, второй же, Порфирий, оказался в плену¹⁰⁸.

Между тем не вполне понятно, почему в летописании отсутствуют какие-либо упоминания о деяниях и судьбе иерархов иных кафедр, оказавшихся под ударами ордынцев: Смоленской¹⁰⁹, Туровской, Полоцкой и Луцкой¹¹⁰. Столь же таинственно исчезновение и киевского митрополита. Более того, рассказ о падении «матери городов русских» не упомянул среди защитников Киева ни одного священника или монаха. Создаётся впечатление, что авторы записей нарочито подчёркивали либо неучастие духовенства в сопротивлении, либо смиренное принятие его гибели. В итоге все обозначенные сюжеты нуждаются в комментариях.

Как уже было отмечено во второй главе данного исследования, исчезновение митрополита Иосифа и ряда епископов бросало на них подозрение в трусости или измене. Молчанию источников, невольно намекает на то, что в поведении архипастырей не было ничего героического и заслуживающего внимания. Скорее всего, все они избежали мученического венца, каким была увенчана кончина епископов Митрофана, Симеона и иных. Правда, могли быть и иные причины. Вероятнее всего, летописного упоминания заслуживали

¹⁰⁷ «И ту оубьень быс князъ великыи Юрьи. на Сити на рѣцѣ. и дружины его много убиша. блжньи же спсѣтъ Кириль. взд княза мертва. иды из Бѣлаозера . и принесе и в Ростовъ.» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465).

¹⁰⁸ «... в то же время посла на Черниговъ. ... и градъ взаша и запалиша огнемь епѣпа вставиша жива. и ведоша и во Глоуховъ... » (ПСРЛ. Т. 2. С. 782).

¹⁰⁹ Факты сопротивления монгольскому вторжению сохранились в истории смоленской земли. Архиепископ Филарет Гумилевский составляя свод житий святых, указал на смерть воина Меркурия Смоленского (*Филарет Гумилевский, архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 2008. С. 656–657). Несколько редакций повести о Меркурии Смоленском: Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подгот. текстов и иссл. Н.В. Рамазановой. СПб., 2005. Однако подобных житийных примеров, описывающих подобные мученичества среди духовенства смоленских и иных земель, не обнаруживается (единственный пример это краткое сообщение галицко-волынской летописи о епископе владимирском Митрофане).

¹¹⁰ *Щанов Я.Н.* Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 49.

лишь те, которые представляли хоть какую-либо значимость и важность для тех, кто остался в живых после нашествия Батыея и продолжал летописную традицию Владимира¹¹¹. Таким образом имена митрополита Иосифа и других, не вошедших в летописные записи, попросту не отвечали требованиям новой политической ситуации, развивавшейся после 1240 года. Появились новые векторы развития системы церковной иерархии, в которых создавалась возможность к расширению святительских прав и самостоятельности на местах¹¹².

Как уже упоминалось, нашествие Батыея в церковной истории отмечено гибелью владимирского епископов Митрофана, переяславского епископа Симеона и духовенства многих городов Северо-восточной Руси. Для летописцев все они были мучениками. В итоге, по мнению, Д.С. Лихачёва, тема мученичества стала для ростовского летописания крайне важной, особенно при обосновании неременного принятия монгольского господства как Божественного наказания¹¹³. Безусловно, все погибшие епископы вне зависимости от причин и обстоятельств их насильственной смерти причислены к лику святых¹¹⁴. Признание и закрепление почитания их культа произошло, как полагал известный русский академик, не без участия ростовского епископа Кирилла.

Не менее интересен летописный сюжет, связанный с именем черниговского епископа Порфирия, который оказавшись в плену у монголов, был ими же отпущен в Глухове. Акт невероятной для ор-

¹¹¹ Д.С. Лихачев уже указывал на субъективность летописных источников второй половины XIII в. По его мнению, главным летописным центром вместо утраченного Владимира стал Ростов, а определяющим направление нравственно-назидательного взамен историко-политического была княгиня Марья – жена Ростовского князя Василька. *Лихачев Д.С. Русская летопись и их культурно-историческое значение.* М.; Л., 1947. С. 282.

¹¹² Росту епископских амбиций могли способствовать изменения административно-канонического характера. Утрата многими территориями своих архипастырей способствовала временному укрупнению епископий, расширявшему права архиереев над местным духовенством.

¹¹³ *Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.* М.; Л., 1947. С. 280–288.

¹¹⁴ *Макарий (Булгаков), свт., митр. История Русской Церкви.* Кн. 2. С. 661.

дынцев щедрости и доброты не может остаться незамеченным. Традиционно принято считать, что произошедшее скорее всего объяснялось тем, что к 1239 г. ордынцы уже начали различать епископов и духовенство, предоставляя тем свободу на основе законов Яссы¹¹⁵. Однако высказанный тезис едва ли может удовлетворить недосказанность источника. Возникает целый ряд вопросов, ответить на которые крайне сложно. Например, почему в летописании более не встречается подобных примеров? Почему епископа отпустили не в Чернигов, а сопроводили в Глухов? Почему сам архиерей так и не вернулся в свой кафедральный город, что в целом считалось существенным каноническим проступком? Кто и что были виновниками освобождения архипастыря? Наконец, почему его не убили и оставили в живых?

Содержание источников таково, что ответить на все сформулированные проблемы не представляется возможным. Тем не менее, за всей недосказанностью летописной записи угадываются черты неординарной ситуации, позволяющей предположить, что Порфирий, скорее всего, был пленён и получил жизнь, потому что не оказал сопротивления. Что же касается освобождения святителя, то ответ, надо полагать, скрывается в дальнейшей судьбе Черниговской земли, из которой вскоре выделились Глуховское и Брянское

¹¹⁵ Законы Яссы распространялись лишь на народы, подчиненные монгольской империи (*Хара-Даван Э.* Чингис-хан: эссе. Казань, 2008. С. 224). Р.А. Соколов также высказал сомнение относительно выборочной веротерпимости в отношении епископа Чернигова Порфирия (*Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества... С. 91–92). Исследователь предположил, что веротерпимость хана объяснялась вполне прагматическими целями: желанием достичь максимальной лояльности со стороны многонационального состава своей огромной полиэтничной армии (Там же. С. 120–122). Дореволюционные церковные историки предполагали, что объявленная ханом веротерпимость могла объясняться суевериями монголов, а также гарантировала мир на покорённых территориях: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. Период 2... С. 9–11; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1 С. 17–19; *Доброклонский А.П.* Руководство по Истории Русской Церкви... С. 89; *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во)... С. 72; *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви... С. 84–86).

княжения. Поэтому нельзя исключать того, что Порфирий неслучайно оказался в Глухове, будущем политическом центре нарождающегося княжества. Скорее всего, его свобода была либо выкуплена стараниями местного князя, либо дарована монголами при участии политических элит Глухова¹¹⁶. Во всяком случае, Порфирий не вернулся в Чернигов¹¹⁷.

Столь же примечательна судьба ростовского епископа Кирилла. Его спасение в период наиболее активной фазы противостояния Северо-Восточных русских земель монголам (1238 г.) нуждается в

¹¹⁶ Взаимоотношения между просителем и представителем ханской власти сводились к предположительной дихотомии «подарок-отдарок» (*Кривошеев Ю.В.* Русская средневековая государственность. СПб., 2008. С. 48). Принимая во внимание высокое значение ритуала обмена дарами (о значении даров и ритуала обмена дарами: *Мининкова Л.В.* Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 4. СПб., 2015. С. 18–30), ничего удивительного в проявленной монголами снисходительности нет.

¹¹⁷ Однако в историографии этот крайне интересный эпизод в жизни Черниговской епископии не был глубоко исследован. Произошедшие события либо не замечались, так, например, митрополит Макарий продолжал утверждать, что центром церковного округа оставался Чернигов (*Макарий (Булгаков), свт., митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 667), либо в контексте более позднего времени в качестве центра епископии в монгольский период подразумевался Брянск (История иерархии русской православной церкви / М.Е. Губонин, иссл. группа Ф.А. Гайда. М., 2006. С. 539). Помимо всего, было высказано мнение, что некоторое время Порфирий возглавлял вдовствующую Смоленскую кафедру (Там же. С. 542). Скорее всего, произошло следующее: в связи с разорением Чернигова и в силу политической ситуации вызванной падением статуса Черниговского княжеского стола и возвышения княжеских столов прежде менее значимых городов Глухова и Брянска, епископы, а вместе с ними кафедра, перемещалась в Глухов, а несколько позже в Брянск. При этом титул епископов оставался прежний и связывался с Черниговым. В качестве подобных примеров можно рассматривать ситуацию с Юрьевскими епископами, кафедра которых однажды перемещалась в город Святополч (1095–1103 гг. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 219, 256), киевскими митрополитами кафедра которых на начальном этапе христианизации Руси вероятнее всего была связана с Переяславем, до 1237 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151, Стб. 208), а в период монгольского господства, с Владимиром и Москвой, с сохранением титула «Киевские» (до 1458/1461 гг.).

комментарии. Это объясняется неразрешённостью в исторической науке ряда вопросов. Так, не вполне ясны причины отсутствия епископа в Ростове во время осады города. Предложенные же ростовским летописцем объяснения¹¹⁸, извиняющие Кирилла тем, что тот находился в Белоозере для сбора ополчения, неубедительны¹¹⁹. Судя по тому, что Кирилл в отсутствие князя обладал правом сбора ратных людей, позволяет заключить, что архиерей, скорее всего, оставался в городе за старшего. Со смертью Василька Константиновича Кирилл должен был сам возглавить оборону Ростова. В итоге, в условиях приближающихся монголов епископ предпочёл покинуть город под предлогом сбора ратных людей в Белоозере. В результате, Ростов был сдан¹²⁰.

¹¹⁸ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку сообщает о деталях спасения иерарха предельно кратко: «блжнѣи же еписѣ Кирилъ . в за княза мертва . иды из Бѣлазера . и принесе и в Ростовъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465). Однако Суздальская летопись по Академическому списку конкретизирует: «блжнѣи же еписѣ Кирилъ ида з Бѣлазера тамо избѣв ратных, и приде на место идѣже оубѣнъ быс велікїи кнѣзь Юрьи, и вбрѣте тѣло егѣ, взем же и принесе е в Ростовъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 520). Принадлежность сюжета ростовскому владычному своду XV в., несомненно, симпатизирующему своему прошлому, не подлежит сомнению. О происхождении второй части Суздальской летописи по Академическому списку: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 222–230.

Примечательно и изображение возвращения епископа Кирилла на рисунке лицевого летописного свода XVI в. Он представлен восседающим на коне. Его сопровождают как конные, так и пешие люди. Однако все они без оружия (Лицевой летописный свод... М., 2014. Кн. 5. С. 390).

¹¹⁹ Казалось бы, поездка Кирилла для сбора воинства из Ростова в Белоозеро, выглядит весьма убедительной. Удаленность Белоозера от Ростова (440 км) позволяла в срочном порядке приблизительно за 12 часов покрыть это расстояние на коне. Даже с учетом статуса епископа, необходимости отдыха лошадям и времени самого процесса мобилизации, это не могло занять более 2–3 дней.

¹²⁰ Отъезд ростовского иерарха из обреченного города схож с событиями 1382 г., когда митрополит Киприан, под предлогом спасения жены князя Евдокии, отбыл из Москвы. (ПСРЛ. Т. 11. С. 72–73). Поход Токтамышша на Москву имел отличное значение и иные цели чем действия Батые в отношении Киева (о мотивах военного похода Токтамышша: *Миргалеев И.М.* Правление Токтамышша

Не менее примечательны дальнейшие действия Кирилла. На обратном пути святитель проехал через место битвы. В Ростов он прибыл с телом великого князя Юрия. Очевидно, что поступок епископа объяснялся тем, что ему были известны результаты последовавших после его отъезда событий, и необходимости торопиться в город больше не было. Привезённое же тело великого князя, останки которого нашли упокоение в Ростовском соборе, снимало с епископа упреки в его отсутствии в городе. Правда, и в этом случае дело не видится совершенно ясным.

Во-первых, собранное епископом ополчение, не присутствовало на отпевании великого князя. Во всяком случае, автор записи не заметил среди участников отпевания не только горожан и воинов, но и кого-либо иного из представителей княжеского рода или боярства. Летописная запись отмечает лишь многочисленное белое духовенство и монашествующих¹²¹. Описанные обстоятельства позволяют предположить, что, скорее всего, ратные так и не были собраны. Во-вторых, касается участников погребения, духовенства, то его многочисленно указывает на то, что все они не остались живы не случайно. Это могло произойти только при стечении трёх обстоятельств: 1) Ростов был сдан; 2) духовенство не оказало никако-

хана // История татар с древнейших времен. В 7 т. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 706–712; Горский А.А. Средневековая Русь. О чём говорят источники. М., 2016. С. 144–170; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. С. 75–114). Однако действия митрополита и в первом и во втором случае обнаруживали их человеческую слабость – страх погибнуть в период осады города.

¹²¹ Судя по летописным записям, встреча тела Юрия была немногочисленной и лишённой обычных в подобных случаях ярких скорбных эмоций: «и пѣвъ надъ нимъ вбѣчныхѣ пѣсѣ . со игумены . и с клирошаны . и с попы . со многими слезами вложиша и в гробъ оу стѣе Бѣи» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 465). Встреча же родного ростовского князя Василька изобилует сюжетами городской панихиды: «послаша по княза [Василька, прим. Т.Р.]. принесоша и в Ростовъ . и æко понесоша и в градъ . и множество народа изидоша противу ѣму . жалостныѣ слезы испущающа . вставше такого утѣшенѣ . рыдаху же народа множество правовѣрныхъ . зраще вѣа сирымъ . и кормителя вѣходацимъ I. печалнымъ оутѣшенье великою . вмрачнымъ звѣзду свѣтоносну К зашедшу . на весь бо црѣквныи Г чинь» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 466).

го сопротивления; 3) монголы прекрасно различали представителей церкви, даровав тем жизнь и свободу в соответствии с законами Яссы. В итоге описанные под 1238 г. обстоятельства в истории Ростова указывают на то, что в отличие от черниговского духовенства, участвовавшего в обороне города, ростовские пастыри и монашествующие не только счастливо избежали гибели и пленения, но и, возможно, были причастны к падению города.

Вместе с тем, стоит отметить тот факт, что на заупокойной службе отсутствовали не только представители знати, но и горожане. Описанное обстоятельство весьма красноречиво говорит о положении дел в Ростове, который, вероятно, подвергся разграблению, в отличие от его храмов, духовенство которых присутствовало на похоронах.

Дискуссионными остаются и вопросы, связанные с первоначальным выбором места захоронения тела великого князя. В историографии до сих пор не рассмотрены причины и мотивы погребения убитого князя Юрия Всеволодовича в Ростове, а не во Владимире, как этого следовало бы ожидать. Действия ростовского епископа могли быть обусловлены разрушениями Владимира, в котором не было возможности похоронить князя¹²². Однако почти два года спустя младший брат Юрия, Ярослав Всеволодович, получивший титул князя владимирского по старшинству, вернул тело Юрия и похоронил его во Владимире¹²³. Учитывая летописные описания

¹²² Летописи не сохранили известий о конкретных разрушениях, как и о ходе боев в Ростове. Всё это указывает на то, что вероятнее всего, город сдался без боя. В пользу предложенной версии свидетельствует сообщение о князе Василько. Во время осады Ростова, князь Василько с войском был на пути к реке Сить. Его задача заключалась в соединении с силами великого князя владимирского, Юрия. По сути Ростов оставался без защиты.

¹²³ В 1239 году ростовский епископ уже сопровождал тело князя Юрия во Владимир: «Посла Ярославъ князъ великий . по брата своего Гевргиа . в Ростовъ . и привезоша и к Володимерю . и не дошедше ста . изидоша из града противу юму. епѣтъ Кириль . и Диѳнисии архимандрить . понесоша и в градъ . съ епѣтъмъ . и игуменѣ . и попове . и черноризци . и не бѣ слышати пѣньа в плачи . и велици вопли . плака бо сѧ весь градъ . Володимерь по немъ . Ярослав же . и Стѣславъ . и князи Русии» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467).

разрушений Владимира, два года достаточно краткий и недостаточный срок для восстановления центрального собора и возобновления в нём служб. Но очевидно, что это не остановило Ярослава, перенёсшего тело князя в свой город¹²⁴.

Помимо постигшего Владимира разрушения поступок епископа Кирилла мог объясняться множеством причин. Во-первых, нельзя исключить того, что въезд святителя в стольный город, для совершения в нём служб без разрешения местного епископа или первенствующего иерарха противоречил церковным правилам. Правда, согласно канонам, Владимир мог быть недосягаем для ростовского епископа, даже при отсутствии в городе епископа¹²⁵. Однако влади-

¹²⁴ А.В. Соловьев полагал, что все действия Ярослава Всеволодовича были продиктованы самостоятельным утверждением за собой титула великого князя и как следствие возрождением Северо-восточных земель. Быстрое восстановление разоренных земель учёный связывал с миграцией на территорию подвластную Ярославу жителей Южной Руси, гонимых различными бедствиями, происходящими у них на родине. По мнению исследователя, успешная деятельность Ярослава позволила ему с легкостью получить в 1242 году у Батюга в Орде титул «старей всем князем в русском языке» (*Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 99–101). Подобное предположение о самоличном присвоении титула как Ярославом Всеволодовичем, а после его смерти и его братом Святославом, предполагал и Кривошеев Ю.В. (*Кривошеев Ю.В.* Русская средневековая государственность... С. 41–43).

¹²⁵ Согласно 13 правилу Антиохийского собора, все действия Кирилла во Владимирской епархии даже в условиях вдовствующей кафедры без специального на это призыва или обращения, считались бы недействительными (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского... С. 73). Помимо того, согласно 9 правилу того же собора, епископ в подобном случае, был обязан руководствоваться мнением своего митрополита (Там же. С. 69). Однако в этот период первосвятитель на Руси уже либо отсутствовал, либо общение с ним не представлялось возможным. В складывавшихся условиях участие Кирилла в погребении великого князя во Владимире обладало бы двусмысленностью и могло повлечь осложнение и без того не простых отношений между Ростовом и Владимиром. Однако, уже через два года возникшее затруднение было решено. Произошедшие перемены, скорее всего, объяснялись последовавшим от преемника Юрия, Ярослава Всеволодовича, приглашением. Только тогда Кирилл принял уча-

мирский архиерей не просто исчез, он погиб, а специальное посольство в Киев в сложившихся условиях выглядит неуместным. К тому же уже в 1240 г., как упоминалось выше, даже в условиях, когда Владимирская кафедра продолжала вдовствовать, а связь с Киевом оказалась ещё более трудной, ничто не помешало ростовскому епископу Кириллу возглавить церковное молитвенное сопровождение убитого князя. Вероятно, действия ростовского иерарха оправдывались волей Ярослава Всеволодовича, который, скорее всего и санкционировал службу Кириллу во Владимире. По всей видимости, в условиях роста самостоятельности городов и земель накануне нашествия, границы епископий были незыблемыми. Однако утверждать, что подобное положение дел сохранялось на Руси и в период русско-монгольской войны, приведшей к исчезновению нескольких епископий и пересмотру принципов старейшинства, не представляется возможным.

Во-вторых, весьма вероятно, что ростовского епископа могла беспокоить сохранность тела Юрия Всеволодовича. Оставлять его в разрушенном городе было опасно. К тому же владимирское белое духовенство, судя по летописным известиям, разделило судьбу своего архипастыря и погибло в пожаре, охватившем город при его штурме. А значит ухаживать за могилой князя и совершать по нему поминовение было некому. При всей убедительности логических доводов, данная версия видится неправдоподобной.

В-третьих, не исключено, что действия ростовского епископа могли отражать и давнюю борьбу Владимира и Ростова за первенство в этом регионе. Погребение Юрия в Ростове едва ли бы состоялось без согласия местных элит. В итоге в принятом решении усматривается давнее желание ростовской знати укрепить политический статус своего города, а вместе с ним и его кафедры. В представленном контексте решение Ярослава Всеволодовича о возвращении тела Юрия во Владимир видятся логичным ответом на амбиции ростовцев. Однако предложенная выше версия имеет скорее не фактическую, а логическую основу.

стие в переносе останков великого князя в стольный город и совершил там поминальную службу по Юрию.

В итоге установить мотивы, какими руководствовался епископ Кирилл при погребении тела Юрия Всеволодовича в Ростове, не представляется возможным. Ясно лишь одно, нашествие привело к временной, но существенной дезинтеграции политических и церковных процессов на Руси.

Тема гибели земли Русской

О месте духовенства в русско-ордынском противостоянии 30-х – 40-х гг. XIII в. и об отношении к нему со стороны населения можно судить по тому как монашествующие, духовенство и высшие иерархи представлены или не представлены, когда таковое присутствие было бы логичным, в сюжетах, которые можно квалифицировать как образы гибнущей Руси. Наиболее яркими примерами подобных произведений необходимо признать «Слово о гибели Русской земли» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Первое из них, по мнению многих исследователей, было создано приблизительно в период с 1238 по 1246 год, т.е. непосредственно в первые годы после нашествия на Русь, во Владимире, предположительно выходцем из южной Руси¹²⁶. По мнению Д.С. Лихачева «Слово о гибели...» очень близко одному из отрывков «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского¹²⁷. Второй памятник древнерусской литературы, по мнению Д.С. Лихачева, должен быть отнесен ко второй

¹²⁶ Продиктовано это текстологическими изысканиями. *Гудзий Н.К.* О «Слове о гибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 542; *Еремин И.П.* «Слово о гибели Русской земли» // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 351; *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 235–244; *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о гибели Руския земли»... С. 109–113; *Данилов В.В.* «Слово о гибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 132–142; *Мещерский Н.А.* К реконструкции текста «Слова о гибели Руския земли» // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории, языка и литературы, 1963. Вып. 3. С. 44–53.

¹²⁷ *Лихачев Д.С.* Слово о гибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 92–96.

половине XIV в. и мог принадлежать ростовскому летописцу¹²⁸. Несомненно, оба произведения созданные в разное время, по-разному отражали и реалий того времени, рисуя картину событий монгольского вторжения в диаметрально противоположных цветах. В итоге, в силу обстоятельств своего возникновения они обладали спецификой в оценке участия церкви в русско-ордынском противостоянии. Последнее определенно нуждается в отдельном комментарии.

Очевидно, что для северо-восточных земель нашествие стало настоящим потрясением, приведшим в первые годы ордынского господства к катастрофическим последствиям. Прежде всего, это выразилось в колоссальных потерях в среде древнерусских элит, преимущественно знати из числа представителей княжеского рода и его окружения. Потери понесла и церковная среда.

Было бы логичным ожидать, что на фоне разорения значительной части городов (их разрушении или в разграблении) и их святынь, прежде всего церковей, литературные памятники, как и летописные записи, должны были бы отражать в себе скорбные мотивы о гибели и страдании духовенства. Так, в условиях XII в. летописцы очень чутко и остро реагировали на разграбление храмов и монастырей от рук половцев. Однако в «Слово о погибели...» вообще отсутствует какое-либо указание на церковных лиц. Их образов нет рядом с «бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими»¹²⁹. В данном памятнике церкви и обители предстают перед читателем частью своего рода культурного и природного ландшафта, неотъемлемым фрагментом живописной картины русской природы. К сожалению, данный фе-

¹²⁸ Лихачев Д.С. Вступительная статья // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 9–14. А.А. Горский подверг сомнению южнорусскость автора, предполагая, что тот же стиль мог быть свойственен и северянину, пробывшему не менее двух лет в Киеве: Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли»: к 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. М.; Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.

¹²⁹ Слово о погибели Русской земли // Памятники общественной мысли Древней Руси. М., 2010. Т. 2. С. 27.

номен обделён вниманием исследователей. Отсутствие образов церковных служителей при перечислении славных князей и бояр можно было бы объяснить обрывочностью самого памятника и возможной непричастностью самого автора к духовному сословию. Однако иные произведения, также вышедшие из-под пера «светских» лиц, Моление Даниила Заточника, Галицко-Волынская летопись и иные, уделяли жизни церкви и её пастырей не меньшее внимание, чем это делали иноки-летописцы. Автором «Слова о погибели...» духовенство оказалось практически незамеченным и не связанным ни с храмами, ни с монастырскими садами, ни со славными защитниками Земли Русской.

Памятник «Повесть о разорении Рязани Батыем» разительно отличается от сюжетов иных летописных сводов и «Слова о погибели...». Он включает в себя как молитвы иерархов церкви, благословлявших князей на борьбу, так и качественно иное восприятие «погибели» Земли Русской и разгром русских дружин¹³⁰. По мнению составителя памятника, гибель Рязани, а в её лице и Руси наступили не вследствие слабости князей, а в силу того, что более не оставалось живых защитников. Правда, при этом очень важно отметить, что появление рассматриваемой повести относится к более позднему периоду, к середине XIV – концу XIV вв., времени начала изменения вектора в отношениях Руси и Орды¹³¹. По мере ослабле-

¹³⁰ В «Повести о разорении Рязани...» содержится молитва рязанского князя (Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники общественной мысли Древней Руси / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М., 2010. Т. 2. С. 52). Епископ рязанский и весь духовный собор города также благословили собиравшегося в поход князя (Там же. С. 53). Исходя из текста повести, брат рязанского князя Юрия, увидев и ужаснувшись последствиям Батыево нашествия, считая, что близится конец мира (Повесть о разорении Рязани Батыем... С. 58).

¹³¹ Подробнее о времени, месте создания и авторе «Повести разорения Рязани Батыем»: *Амелькин А.О.* Когда «родился» Евпатий Коловрат // *Родина*. 1997. № 3–4, С. 48–52; *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. Т. 2. С. 260–263; *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // *ТОДРЛ*. 1949. Т. 7. С. 257–282. Текст в многочисленных редакциях. Там же. С. 282–405; *Лихачев Д.С.* К истории сложе-

ния Сарая и усиления военно-политических центров на Руси церковь стала изменять своё отношение к ханам. Не способствовали улучшению русско-ордынских отношений и господствовавшие в этот период в русских элитах настроения, опасения умаления княжеской власти и установления над Русью непосредственного ханского управления¹³². Теперь, в изменившихся условиях, церковь через посредство литературных произведений представляла себя вдохновительницей северо-восточных земель на борьбу с господством Орды. Примерно на эти же годы приходится и появление легенды о благословении преподобным Сергием Радонежским войск Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Летописи ничего о таком благословении не знают¹³³. Само повествование литературного памятника, в отличие от кратких летописных записей, изобилует сюжетами плача и рыдания о стойких защитниках русской земли. Но это слезы середины XIV века. Создававшиеся в церковной среде произведения и летописные записи XIII – начала XIV вв. совершенно иначе оценивали место церкви в событиях русско-ордынского противостояния и предпочитали избегать «героизма», предпочитая ему концепцию смиренного принятия «казней Божиих».

ния «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова). М., 1963. С. 48–51. Текст повести вероятно не рязанского происхождения, имеет некоторые заимствования из летописной записи 941 г. замеченные еще Лихачевым и поддержанные Данилевским (*Лихачев Д.С.* К истории... С. 50; *Данилевский И.Н.* Исторические источники XI–XVII вв. // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 310).

¹³² *Горский А.А.* Средневековая Русь. О чём говорят источники... С. 167.

¹³³ Об обстоятельствах возникновения легенды: *Данилевский И.Н.* Как Сергий Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11–15.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что древнерусское летописание Северо-восточной Руси, как и иные памятники литературы XIII века, не сохранили в себе детальной оценки действий деятелей церкви в период русско-монгольского противостояния. Их молчание позволяет предположить, что при воссоздании событий прошлого так или иначе отражавших акты сопротивления Орде церковь предпочитала дистанцироваться от воюющих сторон. Данная черта проявилась даже при оценке событий 1223 г., отстоявших от времени создания известий о Калкской битве более чем на полвека. Выбранная священноиерархической позицией существенно отличалась от той, какую она занимала прежде, в домонгольское время, например, в отношении половецких набегов. Теперь, благодетельственная и примирившаяся с Ордой церковь предпочитали вообще никак не комментировать монгольское вторжение, рассматривая эти события лишь в контексте концепции «казней Божиих». Единственный летописный сюжет, побуждающий к борьбе, связан с предсмертной речью епископа Митрофана. Однако и он содержится лишь в галицко-волинском летописании, создававшемся при дворе Галицких князей, продолжительный период занимавших в отношении Орды непримиримую позицию. Ситуация изменилась во второй половине XIV в. Именно в эти десятилетия впервые встречается «критическое» восприятие Орды. Однако и в этом случае, ни о какой объективности известий о мотивах и особенностях поведения духовенства и церковной иерархии в отношении орды говорить не приходится. То же касается и летописания. В целом литературные памятники в отношении монголов и самой церкви чаще содержат весьма размытые формулировки, прославляющие смирение, как это хорошо представляется в истории смерти Владимирского епископа Митрофана, архимандрита Пахомия, игуменов Даниила и Феодосия. Не менее жертвенной была смерть переяславского епископа Семиона. Но на фоне подобных смертей разительно выделяются сюжеты о «спасении» ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфирия. В первом случае епископу удалось покинуть город, под предлогом собирания

«ратных» для обороны Ростова и отъехать в Белоозеро. Однако, в итоге, следов воинов в дальнейшей летописной судьбе Кирилла ростовского не обнаруживается. Во втором случае черниговский епископ был взят монголами в плен и оставлен в живых. Вероятно, ценой жизни для Порфирия стала определенная договоренность, о целях и задачах которой, можно только догадываться.

Действия и судьбы остальных иерархов остаются неизвестными. Кроме того, южнорусские иерархи, в том числе митрополит Иосиф, в летописном падении Киева и событиях 1239–1240 гг. были попросту не замечены. Вероятно, их действия, как и их образы, по мнению современников, не заслуживали памяти и почитания.

Таким образом, в представлениях современников и ближайших потомков, свидетелей первых десятилетий монгольского господства на Руси, церковно-ордынские отношения обладали сложным характером. В то время как церковные иерархи по-разному восприняли вторжение, память об этом прослеживается не только в историях святителей Митрофана и Порфирия, но и в недосказанности относительно судеб многих иных иерархов, в том числе киевского митрополита Иосифа. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что церковь приняла господство Орды и соблюдая правила этикета и политического благоразумия предпочитала либо никак не комментировать свои связи с монгольскими политическими центрами, либо умалчивать о своей позиции в отношении ордынского господства, придав ему смыслы «Казней Божиих».

* * * *

Во второй половине XIII – нач. XIV вв., внутреннее состояние церкви претерпевает значительные изменения. Главным активатором трансформации стала смена гаранта прав и экономического благосостояния церкви. Прежнее ктиторское влияние князей на епископские кафедры и монастыри ослабевает вследствие обеднения или гибели донаторов во время противостояния монгольскому вторжению. Княжеская власть на долгие годы оказалась неспособной обеспечивать защиту и финансирование церковной организа-

ции. Кроме того, нашествие Батыя на Русь и последовавшие за этим трудности обнажила проблему управляемости митрополии со стороны киевских первосвященников. В оценках современников события 1237–1243 гг. отразили неудовлетворительное состояние священства, оказавшегося неспособным выступить консолидирующей силой, готовой к объединению древнерусского общества и его элит на борьбу с иноземными захватчиками.

Причины пассивности церковной организации и ее иерархов в этот самый сложный период истории Руси лежали в слабости системы церковного управления. Позиция духовенства и монашествующих в отношении монголов и противостояния им претерпела изменения. От непротivления монголам она к концу рассматриваемого периода трансформировалась в выгодное сотрудничество с прежними завоевателями. Крайне осторожное поведение церкви в отношении Орды объяснялось уязвимостью иерархии перед Сараем и материальными интересами. В результате современники нашествия и их ближайшие потомки при описании событий второй половины XIII и начала XIV веков, не запечатлели в книжной памяти ни одного сюжета героического сопротивления, связанного с образами церкви, также, как и не оставили ни единого свидетельства неприятия церковью монгольского господства.

В летописных записях и древнерусских памятниках литературы, посвященных сюжетам русско-монгольского противостояния, действия духовенства и монашествующих хотя бы и скудно, но отражены, позволяя провести реконструкцию действий церкви в эти сложные годы.

Исчезновение митрополита Иосифа в 1240 году из Киева и обстоятельства долгого отсутствия реакции на это из Никеи привели к продолжительному опустению русской первосвященнической кафедры. В сложившейся ситуации епископы оставались долгое время предоставлены собственной судьбе и искали новые источники доходов и новых покровителей. Первые десятилетия господства монголов на Руси церковь в лице епископов северно-восточных земель не предпринимала участия в восстановлении митрополичьей ка-

федры. Главными инициаторами в этом начинании стали южнорусские князья.

Основные события церковно-ордынских отношений формируются и разворачиваются на фоне восстановления митрополичьей кафедры и укрепления прав русского первосвященника. Получение митрополитом ханских ярлыков позволило русскому первоиерарху восстановить свой контроль над епархиями, находящимися на территориях, подчинённых монгольской, а впоследствии золотоордынской администрации. В сложившихся условиях важнейшим экономическим ресурсом стали не княжеские пожертвования, а внутренние поборы с духовенства. Кульминацией предпринятых усилий стал Владимирский собор 1274 года, показавший новые канонические возможности митр. Кирилла. Всё это способствовало возникновению новых принципов организации русской церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие восточной христианской церкви во многом основывалось на отношениях, выстраивавшихся между церковными иерархами и всевозможными политическими структурами. Как правило, главным выразителем церковной позиции в подобных связях и контактах выступал глава местной церковной организации, каковыми в условиях Византии были патриархи, а на Руси – местные киевские митрополиты. Высокое положение предстоятелей поместных церквей и их епископата объяснялось как политическими традициями, так и особенностями мировосприятия современников, отводивших архиереям высокое почётное место в социальной иерархии общества. История древнерусской церкви вполне наглядно иллюстрирует описанное обстоятельство. Высшая духовная иерархия вполне успешно умела находить общий язык, как с представителями местных элит, так и с завоевателями, как это хорошо показал опыт русско-ордынских отношений.

Уже на начальном этапе своего существования в древнерусском государстве церковь заняла специфическое положение. Священная иерархия оказалась включённой в активные внешне- и внутривнутриполитические процессы восточнославянского общества, его знати и правящего княжеского рода. Это участие обнаруживало себя в целом ряде форм: миссионерские и архипастырские поездки, миротворчество, церковные суды, наложение или снятие интердиктов, рукоположение епископов или отказ от совершения хиротоний, монашеские постриги, написание посланий и поучений.

Одной из причин дипломатической активности русских первосвященников было то обстоятельство, что продолжительное время киевская митрополия возглавлялась византийцами, чей высокий статус и чья чужеродность позволяла рассматривать митрополитов в качестве лиц, способных выступать незаинтересованными посредниками в процессе переговоров или преодоления нарастающего

противостояния. Такому положению способствовали и иные обстоятельства. Митрополиты в соответствии с практикой своего времени, вероятнее всего были легатами Византии, т.е. по сути, послами византийского патриарха и императора. Уже, исходя из своего статуса, они выполняли определенные посреднические функции.

К тому же епископат имел возможность влиять на брачную политику князей, формировать стереотипы должного поведения, а также через учреждение (или отказ в таковом) архиерейских кафедр способствовать, или наоборот препятствовать повышению статуса тех или иных древнерусских земель в административно-политической иерархии княжеских столов. В итоге, даже при том, что положение духовенства на Руси продолжительный период оставалось невысоким, подобное совмещение митрополитами византийского и местного дипломатического опыта ещё более повышало значение русских первосвятителей в политической структуре древнерусского государства домонгольского периода.

Актуальность в посреднической деятельности архиереев возрастала по мере развития древнерусского государства и роста семьи правящего дома. Происходившие перемены приводили к закономерной децентрализации великокняжеской власти и усложнению правил отношений между представителями различных ветвей княжеского рода. Возникавшее противоборство и соперничество должно было преодолеваться уже не только силовыми, но и иными путями.

Видоизменялись и отношения внутри иных, не княжеских элит. Рост самосознания городской знати, оспаривавшей прежнее положение князей, также усложняло ситуацию. Всё это повышало роль церковного участия в назревавших и случавшихся конфликтах. В виду новых приоритетов церковь осуществляла своё воздействие через попытки регулирования браков, написание посланий и поучений, призванных снять остроту межличностных отношений в кругу верхушки древнерусского общества, активизацию поездок, рукоположение епископов и священников, либо отказ от хиротоний. Важным средством регулирования общественных связей стали усилия

по созданию адаптированных к русским реалиям канонических норм, выразившихся в Вопрошаниях и канонических ответах. Важным рычагом влияния на власть стали действия, способствовавшие формированию ритуалов власти, призванных не только демонстрировать административно-правовые и политические возможности князя, но и его христианские качества, а также смыслы и символические образы, усваивавшиеся власти.

Однако трижды, во второй половине XI в., а также в середине и во второй половине XII в., по мере возрастания социально-политического веса митрополита и статуса епископата в целом, высшая иерархия столкнулась с более сложными проблемами. Сближение церкви и местных властей грозило децентрализацией власти киевских митрополитов. Возник своего рода конфликт интересов в структуре самой священной иерархии. Во-первых, результатом возникших проблем стали временное появление в 70-х – 80-х годах XI столетия митрополий в Чернигове и в Переяславле, статус которых является предметом научной дискуссии последних лет. Во-вторых, не менее показательны споры внутри епископата относительно личности митрополита-русина Климента-Смолятича. Но наиболее наглядно и остро проблема обозначилась вокруг попытки Андрея Боголюбского создать собственную владимирскую митрополию с княжеским любимцем Феодором во главе.

Необходимо отметить, что к 30-м годам XIII в. церковная организация справилась не только с внутренними конфликтами, но и обладала внутренней целостностью, способной учитывать сложные влияния, оказывавшиеся на церковную иерархию со стороны различных донаторов. Можно с уверенностью констатировать, что к середине XIII в. церковь, в лице её первоиерархов, существенно интегрировалась в политическую структуру древнерусской действительности, нарастив по мере своего развития эффективный комплекс инструментов воздействия на близкие к ней политические и властные силы.

Монгольское вторжение на Русь имело катастрофические последствия для княжеской власти и значительной части населения. В значительной мере испытания постигли и церковные институты, в том числе институт киевских митрополитов. В то время как часть иерархов, в большей или в меньшей мере, разделили судьбу своей паствы (гибель епископа Митрофана и плен епископа Порфирия), другие, вероятно, предпочли под разными благовидными предложениями или без таковых покинуть свои кафедры и тем спасти свою жизнь (митрополит Иосиф, епископ Кирилл). Тем не менее, с момента монгольского вторжения и закрепления власти ханов на Руси, церковь в лице её первосвященника сумела занять специфическое положение в русско-ордынских отношениях. Имея значительный опыт установления отношений между русскими князьями и иными политическими силами, иерархи церкви с первых лет русско-монгольской войны сумели найти компромиссную позицию в отношении новых монгольских властей. Этому способствовали законы Яссы, призывавшие правителей степной империи к уважительному отношению к религиям покорённых народов. О достижении взаимного понимания между церковной иерархией Руси и монголами можно судить по ряду сюжетов. Наиболее яркий из них – пленение и освобождение черниговского епископа Порфирия из плена при не вполне выясненных обстоятельствах.

Цели церковно-ордынских взаимоотношений в период до 1251 года во многом определялись сложным положением древнерусских элит, вызванным разорением значительной части городов и княжеских семей. Обеднение ктиторов привело к тому, что до второй половины XIV в. прекратилось каменное строительство. Неспособность защитить и содержать имущество толкало епископат, а позднее и митрополита, к поискам новых источников дохода, способных заменить утраченные поступления со стороны прежних донаторов в лице представителей княжеского рода и боярства. Наибольшей трудностью для церковной иерархии стало исчезновение митрополита Иосифа.

В самом епископате, тесно связанном с местными политическими элитами, вновь обнаружились непростые отношения. К тому же, лишённые над собой полного митрополичьего контроля, прежде поддерживавшегося великокняжеской властью, епископы пробовали выстраивать собственные связи с Ордой, без учёта мнения киевской кафедры. На это указывает история ростовской епископии и не менее настойчивые поиски южнорусских епископов по установлению канонических отношений с Римским папским престолом.

Сообщения летописных и канонических источников позволяют заключить, что церковь сумела достаточно быстро восстановить свои прежние статусные позиции. Можно утверждать, что с самого начала становления церковно-ордынских отношений степень влияния Орды на состояние киевской митрополичьей кафедры было существенным. Как уже было отмечено, этому во многом способствовали нормы Яссы. Об остроте внутрицерковных и внутривосточных противоречий на Руси можно судить по обстоятельствам поиска кандидатуры и избрания нового митрополита. Очевидно, что Византия самоустранилась от решения этого вопроса.

В итоге, на процесс выбора русского первосвященника попробовали влиять различные, главным образом, южнорусские княжеские ветви (черниговская и галицко-волинская). Более того, какую-то самостоятельность в этом деле могли себе позволить проявить некоторые южнорусские епископы. Но их вероятный претендент, как и их действия, не были признаны Даниилом Романовичем. Неудачной оказалась судьба «Русского архиепископа» Петра Акеровича, посланного Михаилом Черниговским на Лионский собор. Окончательное решение в вопросе выбора Киевского первоиерарха оказалось в руках Даниила Галицкого. Вероятнее всего, в Никее в русские митрополиты был поставлен печатник Галицкого князя.

С прибытием нового митрополита, Кирилла II, появилась возможность получения в Орде защитной грамоты, призванной обезопасить положение русской церковной организации. Наиболее ранний из сохранившихся ханских ярлыков церкви датируется 1267 г.

Он связан с именем Менгу-Тимура и дарован Кириллу II. Преамбула этого документа упоминает о более ранних дарениях. Полученный ярлык выводил митрополита и епископат из-под княжеской зависимости, давая иерархам определенную политическую свободу и широкие права, ставя княжеский род и церковь на один уровень. Ответным решением церкви стало учреждение Сарайской епископии, выполнявшей посольские функции в интересах Nikei.

Но как бы то ни было, положение митрополитов на протяжении второй половины XIII – начала XIV вв. оставалось неоднозначным как на северо-востоке Руси, так и в южнорусских землях. В новых условиях предельной свободы от княжеской власти главным инструментом поддержания церковного единства стали многочисленные поездки Кирилла II. Однако это не гарантировало безусловной лояльности со стороны высшего духовенства. Например, с поставленным в Новгороде архиепископом Далматом у Кирилла II складывались весьма непростые отношения, следствием которых стал Владимирский собор 1274 года. Обстоятельства его созыва ясно указывали – полного единства в церковных институтах нет. Но при этом митрополиту удалось обеспечить признание авторитета киевского первосвященника, как главного гаранта существования церкви, её целостности и безопасности епископских благ в новых политических условиях. Для осуществления своей власти митрополит сумел заручиться поддержкой со стороны ордынской администрации. И, судя по всему, Владимир, центр пребывания великого баскака, стало одним из самых удобных мест для реализации митрополичьей власти.

В складывавшихся русско-ордынских отношениях выбранная митрополитом Кириллом позиция и контролируемая высшим духовенством риторика различных текстов позволяла находить общие интересы, как с древнерусскими элитами, так и с Ордой.

Сформировавшаяся в эти годы концепция «казней Божиих» хоть и отражала эсхатологические настроения эпохи, но и с успехом решала сложную задачу определения места церкви в условиях вхождения русских земель в состав монгольского государства. Отказ от

призывов к сопротивлению монголам нашёл своё выражение и в уклонении от героизации всех тех, кто выступил против захватчиков. Ореол мученичества Митрофана, Михаила Черниговского, и иных – результат более поздних эпох и плод той части церкви, которая была связана с княжескими родами и монастырской письменной традицией, а не с епископскими кафедрами. Однако поведение церкви в первые десятилетия монгольского господства и выбранная митрополитом Кириллом линия поведения, судя по сообщениям источников не нашла сочувствия у современников. Слово о гибели Земли Русской и практически не замечает даже факт существования церковной иерархии. Аналогичными видятся и иные ранние по происхождению летописные сюжеты, в которых, так или иначе, осмысливается вторжение. И всё же, по смерти митрополита Кирилла II, церковная организация, в целом, представляла собой окрепший институт с существенными автономными источниками доходов, а также широкими правовыми возможностями неприкосновенности. Именно в эти годы были заложены те условия, благодаря которым к концу ордынской зависимости русская церковь приобрела статус крупнейшего и богатейшего феодального института на Руси.

Учитывая всё вышеобозначенное, можно заключить, что к концу XIII века, церковная организация представляла собой вполне сформировавшийся институт, интегрированный в систему древнерусских и золотоордынских социально-политических отношений. Византийское происхождение митрополитов и набор канонических инструментов, наличествовавший у русских первосвятителей, позволяли им активно участвовать в международных и межкняжеских отношениях Руси и Орды. В условиях русско-монгольской войны, противостояния древнерусских князей, самовольности галичского епископата, а также канонической неопределенности правопреемников распавшейся Византии институт Киевских митрополитов оказывался в весьма неоднозначной и сложной ситуации. Произшедшее после установления ордынского господства на Руси объединение ктиторов и ослабление великокняжеской власти, как позво-

лило, так и вынудило древнерусских первоиерархов действовать в собственных интересах. Для преодоления возникшего митрополичьего кризиса власти, появилась необходимость в использовании неординарных форм управления церковью. Ими стали митрополичьи объезды лояльных епископских кафедр и княжеских столов. Наконец, в 1274 г. по воле митрополита был проведён большой Собор во Владимире и вскоре введён единый Номоканон унифицировавший деятельность церкви и монашества. Помимо этого, сформировались и получили каноническое закрепление новые источники содержания митрополита и епископских кафедр. Ими стали разнообразные и очень обременительные поборы с духовенства. Изменение политической ситуации на Руси поставило митрополичью кафедру перед необходимостью её признания Ордой. Это привело к установлению между русским первосвятителем и Сараем определённых отношений. Итогом такой политики стало получение церковью существенных экономических и административно-правовых иммунитетов, расширивших права митрополита и епископата. Ханские ярлыки церкви фактически выводили высшую церковную иерархию из-под контроля великокняжеской власти. Впервые церковь стала равноправным участником политических процессов на Руси. По-сути сформировалась новая церковная доктрина в отношении, как новых ордынских властителей, так и старых древнерусских князей. Вступая в прямое сотрудничество с ордынской администрацией, высшая церковная иерархия открытием своей кафедры в Сараем способствовала росту политического влияния Орды и тем самым внесла свой вклад в усиление ордынского господства. Вместе с тем, ни о каком миссионерстве сарайского духовенства, которое могло бы способствовать становлению иного расклада сил, говорить не приходится. Нежелание воздействовать на ордынскую зависимость в эти годы выразились в выработке концепции «казней Божиих», которая фактически осуждала любое сопротивление Орде.

К концу XIII в. положение киевской первосвятительской кафедры усиливается, расширяются права епископов в отношении подчинённого им духовенства. Интересы митрополии всё более связываются с Владимиром, а затем и с Москвой, древнерусскими центрами более спокойными с политической точки зрения, имевших тесные связи с Сараем и служивших местом пребывания представителей Орды.

Сложившаяся ситуация вокруг института киевских митрополитов позволила первоиерархам и самой древнерусской церкви стать мобильной, вольной в своих действиях и независимой в своем финансовом положении, силой, занявшей очень выгодное положение, между Русью и Ордой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. [Послание неизвестному князю] митрополита Никифора о латинах // Митрополит Никифор / исслед. В.В. Мильков, С.В. Милькова, С.М. Полянского. – СПб.: ИД «Мирь», 2007. – С. 379–383.
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XII–XIII вв.: (перевод и комментарии) / под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 264 с.
3. 1274 г. Определения Владимирского собора, изложенныя в грамоте митрополита Кирилла II // Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. Памятники XI–XV вв. – СПб.: типография императорской академии наук, 1880. – Стб.92;
4. 1274 г. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. – Т.6. Ч. 1 – Стб. 83–93.
5. 33 апостольское правило // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. – СПб.: Изд. С.-Петербургской духовной академии, 1911. – Т. 1. – С. 97–98.
6. *Klaic Viekoslav. Poviesti Hrvata.* – Zagreb: Lav. Hartmana, 1899. – 318 p.
7. *Комнина Анна.* Алексиада. – СПб.: Алетейя, 2010. – 772 с.
8. *Анналы Бертонского монастыря (конец XIII в.) // Матусова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1979. – С.177–189.
9. *Бибииков М.В.* BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 736 с.
10. Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. – 527 с.
11. *Бруно Квертфутский.* Послание к германскому королю Генриху II // Древняя Русь в свете зарубежных источников. В 5 т. / под

ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 4. – С. 55–62.

12. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц // РИБ. – Т.6. Ч. 1 – С. 21–62.

13. Вопрошание Кириково // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. – М., 2011. – С. 351–428.

14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. Н. С. Валка. – М.: Академия наук СССР, 1949. – 408 с.

15. *Иоанн дель Плано Карпини*. История Монгалов. *Гильом де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны / перевод А.И. Малеина. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1911. – 232 с.

16. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6. – Ч. 1. – Стб. 1–20.

17. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2004. – С. 296–641.

18. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1989. – 496 с.

19. Краткое упоминание битвы на Калке во «Втором продолжении (анналов Мелька) Клостернойбурга» // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса Сатань». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2015. – С.133–134.

20. *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. Досаев А.С. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. – 304 с.

21. *Матфей Парижский* (ок. 1200–1259). «Великая хроника» // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1979. – С. 107–172.

22. *Пселл Михаил*. Хронография. Краткая история. – СПб.: Алетейя, 2003. – 397 с.

23. Наставление тверского епископа Семена // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. – Т. 2: Период ордынского вла-

дычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 306.

24. *Николов А.* Татары в византийских хрониках «Chronica Brevioga»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.22-36

25. Окружное послание Фотия... // Древняя Русь в свете зарубежных источников. В 5 т. Т. 2: Византийские источники. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 132–133.

26. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6. – Ч. 1. – Стб. 83–102.

27. Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. – СПб: тип. Имп. Авг. Ос., 1880. – 388 с.

28. Письмо грузинского амирспасалара Иванэ папе Гонорию III // *Хаутала Роман.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2015. – С. 127–129.

29. Письмо грузинской королевы Русудан папе Гонорию III // *Хаутала Роман.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2015. – С. 124–126.

30. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники общественной мысли Древней Руси / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. – С.51–60.

31. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.

32. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 648 с.

33. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 720 с.

34. Полное собрание русских летописей. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – [XXXVIII], – 690 с.

35. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Летопись по воскресному списку. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 312 с.

36. Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 248с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 11: Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). – М.: Языки русской культуры, 2001. – 264 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник – М.: Языки русской культуры, 2001. – 576 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 896 с.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 23: Ермолинская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 242 с.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 288 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 266 с.
45. Послание 3 Вселенского собора // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. – СПб.: Изд. С.-Петербургской духовной академии, 1911. Т. 1. – С. 312–328.
46. Послание митрополита Иоанна Римскому папе Клименту III // *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие древней Руси XI–XIII века. Исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д.С. Лихачёв. – СПб.: Наука, 1992. – С. 24–40.
47. Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю Всея Руси [о вере латинской] // Митрополит Никифор / исслед. В. В. Мильков, С. В. Милькова, С. М. Полянского. – СПб.: ИД «Мирь», 2007. – С. 281–286.
48. Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // Памятники общественной

мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 295–297.

49. Поучения и слова Серапиона, епископа Владимирского // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. – Т. 2: Период ордынского владычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 308–316.

50. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-истрийского. Т.1. – СПб.: Изд. С.-Петербургской духовной академии, 1911. – 640с.

51. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-истрийского. Т.2. – СПб.: Типография М.Меркушева, 1912. – 636 с.

52. Правило 19 (28) святого поместного карфагенского собора // Правила православной церкви с толкованиями. Т. 2. – СПб.: Типография М.Меркушева, 1912. – С. 165.

53. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники общественной мысли Древней Руси. В 3-х т. – Т. 2: Период ордынского владычества / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 69–72.

54. Слово о перенесении мощей святителя Николая // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / науч. ред. А.В. Назаренко. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. Кн. 2. – С. 555–557.

55. Слово о гибели Русской земли // Памятники общественной мысли Древней Руси / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 27.

56. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуча Джучи (1266–1359 гг.) / М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 438 с.

57. Съказаниечюд[е]съ с[вя]тою страстотьпъцю х[ристо]воу рамана и двда // Успенский сборник XII–XIII вв. / сост. О.А. Князевская и др.; под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1971. – С. 58–71.

58. *Татищев В.Н.* История Российская. В 3 т. – М.: АСТ, 2005. Т. 2. – 732 с.
59. *Татищев В.Н.* История российская. – М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. – 340 с.
60. Упоминание битвы на Калке в трактате Цезария из Гейстербаха «Диалог о чудесах» // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2015. – С. 134–135.
61. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С.86–91.
62. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С. 161.
63. Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано // *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань: Институт истории АН РТ, 2015. – С. 131–133.
64. Ярлык хана Менгу-Тимура великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу // *Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуча Джучи (1266–1359 гг.)* / М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов. – Казань, 2011. – С. 258.
65. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: краткое собрание // *Памятники русского права. Вып. III* / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 463–491.

Литература

1. *Али-Заде А.А.* Борьба Золотой Орды и Государства Ильханов за Азербайджан // *Изв. АН Аз. ССР.* – № 5, 7. – Баку, 1946. – С. 57–95;
2. *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в Православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т.3. – Одесса: Типо-Литография Штаба Одесского Военного Округа, 1894. – 406 с.

3. *Амелькин А.О.* Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. – 1997. – № 3–4. – С. 48–52.
4. *Андреевский И.Е.* О правах иностранцев в России до вступления Ионна III Васильевича на престол великого княжества Московского. – СПб.: Тип-я Якова Трея, 1854. – 142 с.
5. *Анти Селарт.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica Antiqua*, 2011 №1(3). – С. 100–113.
6. Археологические поиски в развалинах Сарая (из отчетов А.В. Терещенка) // ЗСПБАНО – СПб., 1850. – С. 364–410.
7. *Архимандрит Леонид.* Хан Нагай и его влияние на Россию и южных славян // Чтения в историческом обществе истории и древностей российских. – Т. 3. – СПб., 1868. – С. 23–30.
8. *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). – М.: Наука, 1978. – 192 с.
9. *Ахмеров Г.* Разбор татарских сказаний о нашествии Тимура на болгарские города // ИОАИЭ. – 1899. – Т. 15. – Вып. 4. – С. 454–462.
10. *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды // Результаты археологических работ летом 1922 г. – Казань, 1923. – 62 с.
11. *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. – СПб.: Типография И.А.Ремезова, 1878. – 578 с.
12. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Ч. 1. – СПб., 1891. – 237 с.
13. *Безгодов А.А.* Митрополит Кирил и Владимирский собор 1274 года. Электр. источник: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/65-1-0-21> (посл. проверка 30.11.2015).
14. *Белозеров И.В.* Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XVIII–XIV вв.: дисс. к.и.н. – М., 2002. – 215 с.
15. *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. – М.: тип. А. Семена, 1850. – С. 125–138.
16. *Беляев Л.А.* Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII – первая треть XIII вв.) // История: дар и долг. Юб. сб. в честь А.В. Назаренко. – М.: Императорское Православное Палестинское Общество; СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2010. – С. 12–24.

17. *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – №2 (44). – С. 118–119.
18. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. – М.: «Типография Наука», 2004. – 664 с.
19. *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной церкви. – М.: Книга по требованию, 2011. – 356 с.
20. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. – М.: АН СССР, 1963. – 376 с.
21. *Березин И.Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды: (по ханским ярлыкам). – СПб.: Тип. Императорской Академии наукъ, 1850. – 24 с.
22. *Березин И.Н.* Нашествие Батые на Россию // ЖМНП. 1855. – Ч. 79. – Отд. II. – С. 79–114.
23. *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. – СПб.: Тип. ИАН, 1863. – 112 с.
24. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / под ред. В.Л. Янина. – М.: Индрик, 2003. – 336 с.
25. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. – СПб.: «Общественная польза», 1898. – 40 с.
26. *Бибик О.Н.* Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 296 с.
27. *Блохин В.Г.* Градостроительные традиции Золотой Орды: на материалах Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. – Волгоград, 2001. – 319 с.
28. *Богуславский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 312 с.
29. *Бондаренко А.Ф.* История колоколов России XI–XVII вв. – М.: Русская панорама, 2012. – 496 с.
30. *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. – М.: изд-во МГУ, 1988. – 200 с.
31. *Борковский В.И.* О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. – М.: АН СССР, 1931. – 91 с.
32. Борынгы татар әдәбияты. – Казан, 1963. – 580 с.

33. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. – М.: АН СССР, 1960. – 488 с.
34. *Буланин Д.М.* Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л.: АН СССР, 1987. – С. 346–348.
35. *Васильев Д.В.* Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи: к вопросу об исламизации населения Золотой Орды: дисс. к.и.н. – Казань, 2007. – 219 с.
36. *Васильевский В.Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В.Г. Труды. – М.: ДАРЪ, 2010. – Кн. 1. – С. 419–471.
37. *Вахидов С.Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. – № 4. – Казань, 1926. – С. 82–91.
38. *Величко А.* История Византийских императоров. В 5 т. – М.: ФИВ, 2010. – Т. 5. – 520 с.
39. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 512 с.
40. *Веселовский Н.И.* Заметки по истории Золотой Орды // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1916. – Т. XXI (1916). – Кн. 1. – С. 1–15.
41. *Веселовский Н.И.* Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // Древняя и новая Россия. – Т. 18. – СПб., 1880. – С. 5–23.
42. *Веселовский Н.И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сб. в честь 70-летия Потанина Г.Н. Записки российского географического общества, XXXIV. – СПб., 1909. – С. 525–536.
43. *Веселовский Н.И.* О религии татар по русским летописям // ЖМНП. Новая серия. – Ч. LXIX. – №7, отд. 2.: Сенатская типография, 1916. – С. 81–101.
44. *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. – Вып. 1. – С.-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1912. – С. 27–38.
45. *Войтович Л.* Галицько-Волинські етюди. – Біла Церква, 2011. – 477 с.
46. *Вольфрам фон Шелиха.* Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотордынская цивилизация. Сборник статей.

Выпуск 5. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С. 83–90.

47. *Воробьев М.Н.* Митрополит Кирилл и Владимирский собор 1274 г. // Исторический вестник. – 2000. – № 1(5). – С. 29–32.

48. *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. – М., Л.: АН СССР, 1962. – Вып. 46. – С. 29–50.

49. *Воронцов И.А.* Организация военного дела Золотой Орды: по материалам Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. – Волгоград, 2006. – 295 с.

50. *Гавриленко А.Ю.* Эволюция государственности на Руси в период монголо-татарского ига и проблемы зарождения централизованного Московского государства: Историко-правовое исследование: дисс. к.и.н.: 12.00.01. – СПб., 2006. – 196 с.

51. *Гайденко П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 46, 2011. – 22 (237). – С. 82–87.

52. *Гайденко П.И.* Архиерейские поездки в домонгольской Руси: К вопросу о механизмах церковного управления // Гайденко П.И. Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. – М.: Университетская книга, 2013. – С. 43–54.

53. *Гайденко П.И.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург, 2010. – С. 85–89.

54. *Гайденко П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М.В. Бибиков. – М.: ИВИ РАН, 2009. – С. 53–63.

55. *Гайденко П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. – 2013. – №1. – С. 207–225.

56. *Гайденко П.И.* Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.): дисс. к.и.н. – Казань, 2005. – 239 с.

57. *Гайденко П.И.* Место письменных наставлений и назидательных посланий духовенства в религиозно-политической жизни Киевской Руси // Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / под ред. И.Н. Данилевского и И.П. Ермолаева. – Казань; Набережные Челны: «Тоис», 2008. – С. 163–176.

58. *Гайденко П.И.* Место русской церковной иерархии в событиях киевского восстания 1113 г. // Клио: журнал для учёных. – 2011. – 1 (52). – С. 34–37.

59. *Гайденко П.И.* О высшем церковном управлении в Киевской Руси: к вопросу о церковных соборах как высшем органе управления // Церковь домонгольской Руси: иерархия, служения, нравы: монография / Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. – М.: Университетская книга, 2013. – С. 6–16.

60. *Гайденко П.И.* Очерк древнейшего периода Русской Церкви: Место киевских митрополитов в системе политических отношений Киевской Руси. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 268 p.

61. *Гайденко П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.) / под ред. И. П. Ермолаева. – Казань: Тоис, 2006. – 186 с.

62. *Гайденко П.И.* Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии – № 4 (том 15), 2014. – С. 229–239.

63. *Гайденко П.И.* Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Священная иерархия

Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности: монография / П.И. Гайденко. – М.: Университетская книга, 2014. – С. 143–156.

64. *Гайденко П.И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: автореф. дисс. д.и.н. – Екатеринбург, 2011. – 41 с.

65. *Гайденко П.И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дисс. д.и.н. – Екатеринбург, 2011. – 458 с.

66. *Гайденко П.И.* Укромные уголки и публичная жизнь древнерусского духовенства и паствы: сексуальность, быт и власть // Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности: монография / П.И. Гайденко. – М.: Университетская книга, 2014. – С. 157–189.

67. *Гайденко П.И.* Церковная титулатура в домонгольской Руси: историко-культурные параллели // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодежной научной школы. 5–6 сентября 2012 г. В 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой и др. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. Т.2. – С. 36–46.

68. *Гайденко П.И.* Церковные суды в домонгольской Руси: несколько наблюдений // Церковь домонгольской Руси: иерархия, служения, нравы: монография / Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. – М., 2013. – С. 55–62;

69. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. – 2011. – 12 (227). – С. 106–116.

70. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XIV научно-богословской конференции. Йошкар-Ола. – 2011. – С. 66–80.

71. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды домонгольской Руси: декларируемые причины и возможные мотивы // Современные проблемы изучения истории церкви: Международная конференция. Тезисы докладов / науч. ред. Г.М. Запальский. – М., 2011. – С. 177–180.

72. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). – М.: «Университетская книга», 2009. – 228 с.

73. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. – 2012. – 16 (270). – С. 83–93.

74. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории Русской церкви и церковно-государственных отношениях в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. – Казань; Набережные Челны: Тоис, 2008. – 228 с.

75. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9. Ч. 2. – С. 38–44;

76. *Гальперин Ч.* Центральная власть и русские княжества // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009. – С. 432–436.

77. *Гартман А.В.* Хронология похода Батыя на Северную Русь: дисс. к.и.н. – Барнаул, 2010. – 239 с.

78. *Гартман А.В.* Хронология похода Батыя на Северо-Восточную Русь // Известия Алтайского государственного университета – № 4–2 / 2008. – С. 17–21.

79. *Гатин М.С.* Взаимоотношения Руси и Золотой Орды во второй половине XIV века в трактовках немецких историков // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. №2–1 (151). – Казань, 2009. – С. 90–95.

80. *Гийу Андре.* Византийская цивилизация / пер. с франц. Д. Лоевского, предисл. Р. Блока. – Екатеринбург: «У-Фактория», 2005. – 552 с.

81. *Гимон Т.В.* Для чего писались русские летописи // журнал ФИПП. – 1998. – №1(2). – С. 8–16.

82. *Головко О.Б.* Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. – Киев: Стилос, 2006. – 576с.
83. *Головко О.Б.* Держава Романовичів та Золота Орда / 40–50-ті рр. XIII ст. // Український історичний журнал. – 2004. – № 6. – С. 3–16.
84. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т.1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. – М.: Московский Университет, 1901. – 968 с.
85. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т.2. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. – М.: Московский университет, 1900. – 919 с.
86. *Голубинский Е.Е.* Митрополит всея России Максим. – Сергиев Посад: Тип. Снегиревой, 1894. – 9 с.
87. *Голубинский Е.Е.* Митрополит всея России св. Петр. – Сергиев Посад: 2-я тип. Снегиревой, 1892. – 50 с.
88. *Голубинский Е.Е.* Митрополит всея России Феогност. – Сергиев Посад: 2-я тип. Снегиревой, 1893. – 23 с.
89. *Голубинский Е.Е.* Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский вестник. – 1893. – № 7. – 55 с.
90. *Голубовский П.В.* Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар: монография. – Киев: Унив. типография, 1884. – 254 с.
91. *Гольженков И.* Битва на Калке 31 мая 1223 г. – М.: Изограф, 1994. – 49 с.
92. *Горлов Н.* Полная история Чингис-хана, составленная из татарских летописей и других достоверных источников. – СПб., 1840. – 128 с.
93. *Горский А.А.* «Бесчисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. – 416 с.
94. *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. – М.: изд-во «Языки славянской культуры», 2001. – 176 с.
95. *Горский А.А.* Два неудобных факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и История России: материалы научно-

практической конференции – Новгород: изд-во «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», 1996. – 378 с.

96. *Горский А.А.* Москва и Орда. – М.: Ломоносовъ, 2016. – 296 с.

97. *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»: к 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. – Л.: Наука, 1990. Т. 43. – С. 18–38.

98. *Горский А.А.* Русское Средневековье. – М.: «Астрель», 2010. – 258 с.

99. *Горский А.А.* Средневековая Русь. О чём говорят источники. – М.: Ломоносовъ, 2016. – 216 с.

100. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.

101. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – М.: АСТ, 2004. – 671 с.

102. *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотордынских документов. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 276 с.

103. *Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологические исследования. – М., 1842. – 132 с.

104. *Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Россия и Азия. Историко-филологическое исследование. – СПб., 1876. – С. 170–258.

105. *Григорьев В.В.* О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Григорьев А.П. Россия и Азия. Сборник исследований и статей. – СПб., 1876. – С. 259–321.

106. *Григорьев В.В.* Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. – СПб., 1876. – 575 с.

107. *Григорьев В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Герая // ЗООИД. Т.1. – Одесса: Городская типография, 1844. – С. 337–346.

108. *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. – Киев.: Наукова думка, 1891. – 560 с.

109. *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Вып. II. – Казань, 1925. – С. 71–111;

110. *Губайдуллин Г.С.* К вопросу о происхождении татар // ВНОТ. – № 8. – Казань: Издание Дома татар. культуры, 1928. – С. 131–142;

111. *Гудзий Н.К.* Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. – М.: АН СССР, 1958. – 66 с.;
112. *Гудзий Н.К.* О «Слове о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. – М.; Л.: АН СССР, 1956. Т. 12. – С. 527–545.
113. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 839 с.
114. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 392 с.
115. *Гусарова Т.П.* Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI–XVII вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. – М.: Книжный дом «Университет», 2011. – С. 457–512.
116. *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. А.Е. Мусина, под ред. И.П. Медведева. – СПб.: «Нестор-История», 2010. – 480 с.
117. *Данилевский И.Н.* Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времён»: проблемы исторического сознания. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 119–132.
118. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М.: Аспект Пресс, 1998. – 339 с.
119. *Данилевский И.Н.* Загадки «Русьской земли» // Знание – сила. – 1997. – №11. – С. 99–109.
120. *Данилевский И.Н.* Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. – № 6 (22) – С. 1–28.
121. *Данилевский И.Н.* Исторические источники XI–XVII вв. // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 171–222.
122. *Данилевский И.Н.* Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сб. статей / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 3–24.
123. *Данилевский И.Н.* Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. – 2014. – № 5. – С. 11–15.

124. *Данилевский И.Н.* Методологические ограничения исторических реконструкций // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). – Ростов н/Д: Издательство Фонд науки и образования, 2014. – С. 147–156.

125. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 383 с.

126. *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). – М.: Аспект Пресс, 2001. – 389 с.

127. *Данилов В.В.* «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. – М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 16. – С. 132–142.

128. *Дашкевич Н.П.* Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католиками // Университетские известия. – Киев, 1884. – № 8. – С. 3–6.

129. *Дворниченко А.Ю.* Крещение Киевской Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – СПб.: Константин Костромин, 2015. Вып. 4 – С. 76–84.

130. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 412 с.

131. *Денике Б.П.* Китайская керамика среди золотоордынских находок: (Из собрания Центр. Музея ТАССР) // Материалы Центрального музея ТАССР. – №2(1920). – Казань, 1920. – С. 1–2.

132. *Деревянко А.П., Шабельникова Н.А.* История России: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.

133. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и её соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. – М.: Наука, 1991. – С. 5–169.

134. *Дмитриев Л.А.* Слово о погибели Русской земли // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л.: АН СССР, 1987. Вып. 1. – С. 432–434.

135. *Дмитриев Я.А.* Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII вв. – Л.: Наука, 1973. – 304 с.
136. *Доброклонский А.П.* Руководство по Истории Русской Церкви – М.: Грааль, 2001. – 936 с.
137. *Долгов В.В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып.5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. д.и.н., проф. А.В. Петрова. – СПб., 2016. – С.204–207.
138. *Дорофеев В.* Влияние дохристианских верований древней Руси на культурный процесс России // Аналитика культурологии. – № 18 / 2010. – С. 3–6.
139. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / сост. Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон. – М.: Наука, 1987. – 210 с.
140. *Еникеев Г.Р.* *Шихаб Кутанчы.* Наследие татар. – М.: Алгоритм, 2012. – 256 с.
141. *Еремин И.П.* «Слово о погибели Русской земли» // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 351–354.
142. *Ермолаев И.П.* Становление Российского самодержавия: Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 392 с.
143. *Жаворонков П.И.* Избрание и коронация никейских императоров // Византийский временник. – М.: Наука, 1988. – Вып. 49. – С. 55–59.
144. *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. – М.: Наука, 2001. – 247 с.
145. *Зайковский Б.В.* Опыт изучения древних монет края: (Вопрос о времени постройки Нового Сарая) // Магариф. – 1923. – №1. – С. 24–29.
146. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – 2-е издание, расширенное с учетом материалов находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
147. *Зиливинская Э.Д.* Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: дисс. к.и.н. – М., 2012. – 677 с.

148. *Зимин А.А.* Правда русская. – М.: Древлехранилище, 1999. – 424 с.
149. *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во) – М.: Грааль, 2000. – 462 с.
150. Золотая Орда: библиографический указатель / Автор-сост. *И.М. Миргалеев.* – Казань, 2013. – 412 с.
151. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб., 1892. – 65 с.
152. *Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII–XV вв. – Киев: наукова думка, 1982. – 104 с.
153. *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1875. – 252 с.
154. *Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 8–34.
155. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003 – 376 с.
156. *Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. – М.: Наука, 2001. – С. 16–39.
157. *Иловайский Д.И.* Калкское побоище // Русская Старина. – Б.м., б.и. – 1879. – Т. 25. – С. 691–709.
158. *Ильина О.А.* Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья: дисс. к.и.н. – Волгоград, 2006 – 245 с.
159. *Иньков С.В.* Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв.: историко-правовой аспект: дисс. к.ю.н.: 12.00.01. – СПб., 2010. – 202 с.
160. *Иоханес Раймер.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. – Германия: Логос, 1996. – 256 с.
161. Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья: Практикум-хрестоматия в 3 кн. Кн.2: X–XIV века / авт.-

сост.: М.С. Бобкова [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 288 с.

162. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. В 3 т. – М.: ОГИЗ, 1941. – Т. 1. – 566 с.

163. История иерархии русской православной церкви / М.Е. Губонин, иссл. группа Ф. А. Гайда. – М.: ПСТГУ, 2006. – 926 с.

164. *Ищеригов П.Ф.* Седая старина. Башкирия 1000 лет тому назад // Башкирский краеведческий сборник. – №2. – Уфа, 1927. – С. 71–73.

165. *Калинин Н.Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С. 96–104.

166. *Каллаш В.В.* Половцы-печенеги-татары в начальной русской летописи // Древности Восточные. – Т. 4. – М., 1913. – С. 163.

167. *Камалов И.Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / пер. с турец. яз. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 304 с.

168. *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. – М.: тип. «Соврем. изв.», 1874. – 239 с.

169. *Карамзин Н.М.* История государства российского. – М.: Наука, 1991. Т. 3. – 828 с.

170. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: XII томов в 4-х книгах. Книга 2. Т. IV–VI. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1997. – 656 с.

171. *Каргер М.К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. – М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 1. – 621 с.

172. *Кардини Франко.* Европа и ислам. История непонимания. – СПб.: «Александрия», 2007. – 332 с.

173. *Карташев А.В.* История Русской Церкви. – М.: Эксмо, 2010. – 543 с.

174. *Карташев А.В.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1.: Очерки по истории русской церкви. – М.: ТЕРРА, 1992. – 686 с.

175. *Катанов Н.Ф.* Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1899. Т.15 – Вып.3. – С. 273–306.

176. *Килунов А.Ф.* К вопросу о морализме древнерусской летописи // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья: Историко-философские очерки. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 141–146;
177. *Кларот Ю.* Что такое татары? // Северный архив. 1823. Т.6. – № 11. – С. 301–314.
178. *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. – М.: АН СССР, 1960. 411 с.
179. *Климов Е.В.* К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник Челябинского государственного университета. – № 16 / 2009. – С. 117–122.
180. *Клосс Б.М.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 5–13.
181. *Клосс Б.М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1987. С. 245–247
182. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. – СПб., 1904. – 1146 с.
183. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. – М.: Тип. Грачева и комп., 1871. – 479 с.
184. *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников / отв. ред. д-р ист. наук В.И. Буганов; АН СССР. – М.: Наука, 1989. – 224 с.
185. *Колобанов В.А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1960. Т.16. – С. 442–445.
186. *Комарович В.Л.* Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. – М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. – С. 75–77.
187. Комментарии // Памятники общественной мысли Древней Руси / [сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. – С. 343–651.
188. *Костромин К.А.* Церковные связи древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. – СПб., 2011. – 736 с.
189. *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): автореф. дисс. к.и.н. – СПб., 2011. – 19 с.

190. *Костромин К.А., свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение, 2011. – 1(36). – С. 6–97.
191. *Костромин К.А., свящ.* Разделение церквей на Руси и европейское романское искусство // Труды Київської Духовної Академії, 2011. – №15. – С. 176–186.
192. *Котляр Н.Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные особенности Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись / сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; под ред. Н.Ф. Котляра. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 30–60.
193. *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий: документанное повествование. – СПб.: Алетейя, 2008. – 320 с.
194. *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. – СПб.: Алетейя, 2003. – 300 с.
195. *Кривошеев Ю.В.* Русская средневековая государственность. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 131 с.
196. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.: дисс. д.и.н.: 07.00.02. – СПб., 1999. – 408 с.
197. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. – СПб.: Академия исследования культуры, 2015. – 452 с.
198. *Кротков А.А.* К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1927. – №5. – С. 71–79;
199. *Кузьмин А.Г.* Крещение Руси. – М.: Эксмо, 2004. – 416 с.
200. *Куник А.А.* Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. – 1844. – С. 11–14.
201. *Куник А.А.* О походе татар в 1223 г. по Нейбургской хронике // Уч. зап. АН по 2-му и 3-му отд. – СПб., 1894. – Т. 2. С. 23–98.
202. *Курганов Ф.А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325–565 гг.). – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2015. – 592 с.
203. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – Первая четверть XIV в.) // Русская культура в

условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. – М.: Институт истории СССР, 1990. Ч.1. – С. 22–23.

204. *Лаврентьев А.В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. Вып. №12. – М.: Индрик, 2008. – С. 99–117.

205. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 2000. – 152 с.

206. *Лаушкин А.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII в. // Богословский сборник. – М., 2002. Вып. 10. – С. 211–224.

207. *Ле Гофф Жак.* Рождение Европы. – СПб.: «Александрия», 2008. – 82 с.

208. *Лебединский Г.* Монгольское иго. Очерки по русской истории для школ и народного чтения. – М., 1900. – 114 с.

209. *Левашев П.А.* Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков. – СПб., 1792. – 171 с.

210. *Лёвочкин И.В.* Очерки по истории русской рукописной книги XI–XIII вв.: монография. – М.: Пашков дом, 2009. – 264 с.

211. *Левшин А.* Известия о древнем татарском городе Сарайчике // Северный архив. – Ч. 4. – № 4. – СПб.: Ф.Булгарин, 1824. – С. 179–190.

212. *Ледник В.А.* К вопросу о вхождении Полоцка в состав Золотой Орды // Вестник полоцкого государственного университета. Серия А: гуманитарные науки №9. – Полоцк: Полоцкий ГУ, 2013. – С. 40–47.

213. *Леопольдов А.Ф.* О развалинах Сарая // Материалы для статистики Российской Империи. – СПб., 1839. – С. 97–103.

214. *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. – СПб.: Алетейя, 2001. – 607 с.

215. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. – М.: «Языки славянской культуры», 2010. – 208 с.

216. *Лихачев Д.С.* Вступительная статья / Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худ. Лит., 1981. – С. 9–14.

217. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – С. 197–215.

218. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – Л., 1987. Т. 2. – 342 с.
219. *Лихачев Д.С.* К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова). – М.: АН СССР, 1963. – С. 48–51.
220. *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. – М.; Л.: АН СССР 1949. Т. 7. – С. 17–51;
221. *Лихачев Д.С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. – М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. – С. 263–264.
222. *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. – Л.: Наука, 1949. Т. 7. – С. 257–406.
223. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 499 с.
224. *Лихачев Д.С.* Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 92–96.
225. *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 605 с.
226. *Лихачев Н.П.* Басма золотоордынских ханов. – М., 1916. – 17 с. + 1 л. ил.
227. Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Книга 5. 1217–1241 гг. – М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. – 544 с
228. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV вв. – М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. – 472 с.
229. *Лукиянов С.А.* Государство, церковь и язычество в Древней Руси // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – № 2 / 2009. – С. 58–61.
230. *Лурье Я.С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. – Л.; Наука, 1985. Т. 40. – С. 204.
231. *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // ТОДРЛ. – Л.: АН СССР, 1974. Т. 29. – С. 50–67.

232. *Лурье Я.С.* Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1987. – С. 241–245.
233. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 285 с.
234. *Любавский М.К.* Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. – СПб.: «Наука», 2000. – 312 с.
235. *Мәржәни Ш.Б.* Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. 1–2 к. – Казан, 1885–1910.
236. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: очерки социально-экономических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 640 с.
237. *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – №4 (34). – С. 78–96.
238. *Майоров А.В.* Повесть о вторжении Батыя в Ипатьевской летописи // ROSSICA ANTIQUA. Вып. 1. – СПб., 2012. – С. 33–94.
239. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 800 с.
240. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 3. – 704 с.
241. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. А.В. Назаренко. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Кн. 2. – 704 с.
242. *Малицкий П.И.* Руководство по истории Русской Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 464 с.
243. *Мальшев А.Б.* Христианство в истории Золотой Орды: дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Саратов, 2000. – 281 с.

244. *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью: баскаки, даруги, послы: дисс. к.и.н. – М., 2015. – 222 с.
245. *Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви. – Киев: Центр православной книги, 2007. – 348 с.
246. *Мелиоранский П.М.* «Что такое басма» золотоордынских послов хана Ахмата? – СПб.: Тип-я ИАН, 1907. – 14 с.
247. *Мельникова Е.А.* К предыстории Готского двора в Новгороде // История: дар и долг. Юб. сб. в честь А.В. Назаренко. – М.: Императорское Православное Палестинское Общество; СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2010. – С. 184–198.
248. *Мещерский Н.А.* К реконструкции текста «Слова о погибели Рускыя земли» // Вестник ЛГУ. – № 14. Серия истории, языка и литературы, 1963. – Вып. 3. – С. 44–53.
249. *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. – 2009. – № 2. – С. 116–157.
250. *Мильков В.В.* Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI в. – 2010. – № 6. – С. 90–125.
251. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. – М.: «Кругъ», 2011. – 544 с.
252. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Учёный инок. Антониев монастырь. XII век // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. – М.: «Кругъ», 2011. – 544 с.
253. *Мининкова Л.В.* Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 4 / под ред. д.и.н. П.И. Гайдено. – СПб.: К. Костромин, 2015. – С. 18–30.
254. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода Токтамышы: дисс. к.и.н. – Казань, 2002. – 202 с.
255. *Миргалеев И.М.* Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 706–712.
256. *Миргалеев И.М.* Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова института истории им. Ш. Марджани АН РТ: итоги

и перспективы исследований // Научный Татарстан. – 2011. – №3. – С. 59–61.

257. *Мирзоев В.Г.* Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. – М.: Мысль, 1978. – 256 с.

258. *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII – нач. XIII века. – СПб.: издво СПбГУ, 2010. – 294 с.

259. *Муравьев А.Н.* История русской церкви. – М.: «Паломник», 2002. – 512 с.

260. *Мусин А.Е.* Milites Christi Древней Руси. Военская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. – 368 с.

261. *Мусин А.Е.* Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого: Источники и исследования / науч. ред. В.Л. Янин. – Великий Новгород, 2009. – С. 155–197.

262. *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 360 с.

263. *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси: дисс. д.и.н.: 07.00.09. – М., 2007. – 492 с.

264. *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб.: Тип. Э.Веймара, 1857. – 70 с.

265. *Мыськов Е.П.* Золотая Орда в XIII – начале XIV в.: политический аспект: дисс. к.и.н. – Волгоград, 2000. – 201 с.

266. *Назаренко А.В.* «Зело неподобно правоверным» (Межконфессиональные браки на Руси в XI–XII вв.) // Вестник истории, литературы, искусства. – М.: Отд. историко-филологических наук РАН, 2005. – Т. 1. – С. 269–279.

267. *Назаренко А.В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. – 1994. – № 4–5. – С. 181–194.

268. *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1991 г. – М.: Наука, 1994. – С. 5–138.

269. *Назаренко А.В.* «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в. // Вестник истории, литературы, искусств. – М.: Отд. историко-филологических наук РАН, 2008. – Т. 5. – С. 83–96.

270. *Назаренко А.В.* Братское совладение, отчина сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. М.В. Бибииков, Е.А. Мельникова, В.Д. Назаров. – М.: «Индрик», 2008. – С. 132–179.

271. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.

272. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

273. *Назипов И.И.* Обзор негативной по формам и историческим последствиям оценки русско-ордынских отношений в исторических источниках и историографии // Клио: журнал для учёных. – 2015. – №6 (102). – С. 85–88.

274. *Назипов И.И.* Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды: дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Пермь, 2011. – 202 с.

275. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. – 180 с.

276. *Насонов А.Н.* История летописания XI – начала XVIII в. – М.: Наука, 1969. – 365 с.

277. *Наумов П.А.* Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. – СПб.: Тип. Департамента нар. просвещения, 1823. – 83 с.

278. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья: дисс. д.и.н. – Ижевск, 2011. – 202 с.

279. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М.: АН СССР, 1974. – 637 с.

280. *Никитин А.Н.* Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси: дисс. к.и.н. – М., 2006. – 340 с.

281. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – 476 с.

282. *Нолев Е.В.* Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): дисс. к.и.н. – Улан-Удэ, 2013. – 252 с.

283. *Нолев Е.В.* Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): автореф. дисс. к.и.н. – Улан-Удэ, 2013.
284. *Овчинников Г.К.* Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). – М.: МГИУ, 2011. – 408 с.
285. *Орлов А.С.* Владимир Мономах. – Л.: АН СССР, 1946. – 191 с.
286. *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи / Известия отдела русского языка и словесности Академии Наук. – Л.: АН СССР, 1926. Т. 31. – С. 93–126.
287. *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании / ТОДРЛ. Т. 5. – М., Л.: АН СССР, 1947. – С. 15–24.
288. *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: сб. статей в честь В.Н. Лазарева. – М.: Наука, 1973. – С. 33–42.
289. *Павлов А.С.* Курс церковного права. – СПб.: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1902. – 552 с.
290. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. – М.: Наука, 1987. – 396 с.
291. *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ Вацлавского и Борнисоглебского культов. – М.: ИВИ РАН, 2003. – 406 с.
292. *Пашута В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. – М.: Наука, 1968. – 472 с.
293. *Пашута В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 280 с.
294. *Пашута В.Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 210–227.
295. *Пашута В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М., Л.: Институт истории, 1950. – 333 с.
296. *Пашута В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство: Избранные статьи. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 688 с.
297. *Перхавко В.Б.* Торговый мир Средневековой Руси / Культ.-просвет. фонд «Воспитание историей». – М.: Academia, 2006. – 607 с.

298. *Петр (Гайденко П.И.), иером.* Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – 1 (5). – С. 84–105.

299. *Петр (Гайденко П.И.), иером., Филиппов В.Г.* Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2012. – Вып. 2. – С. 40–59 и др.

300. *Петр (Гайденко П.И.), иером., Филиппов В.Г.* Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2011. – Вып. 2. – С. 173–184.

301. *Петров А.В.* От язычества к святой Руси. Новгородские устои (к изучению древнерусского вечевого уклада). – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2003. – 352 с.

302. *Петров С.А.* Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой: дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Белгород, 2011. – 182 с.

303. *Петрушко В.И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособ. – изд. 2-е. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.

304. *Печников М.В.* К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2009. – №4(38). – С. 97–107.

305. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. – М.: Кругъ, 2002. – 352 с.

306. *Платон (Левшин) митр.* Краткая Российская церковная история. – Сергиев Посад: Патриарший издательско-полиграфический центр, 2009. – 366 с.

307. *Подвигина Н.Л.* К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ, 1966. – Сер. 9. История, № 1. – С. 67–75.

308. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.). – СПб.: Византинороссика, 1996. – Т. 1. – 572 с.

309. *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Ком. ун-те 3–7 мая 1923 г. – Петроград: «Прибой», 1923. – 137 с.

310. *Покровский М.Н.* Марксизм и особенности исторического развития России. Сборник статей. 1922–1925 гг. – Л.: «Прибой», 1925. – 142 с.
311. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. – М.: Изд-во «Мир», 1920. Т.1. – 359 с
312. *Полевой Н.А.* Рецензия на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): учеб. пособие для вузов / сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 153–170.
313. *Политов В.В.* Влияние монголо-татарского ига на древнерусское государство в дореволюционной историографии // Вопросы истории. – 2016. – №2. – С. 160–172.
314. *Полубояринова М.* Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Т.III. – Казань: АН РТ, 2009. – С. 379–392.
315. *Полянский С.М.* Этика отношений с иноверцами в антилатинских произведениях Никифора // Митрополит Никифор / исслед. В.В. Мильков, С.В. Милькова, С.М. Полянского. – СПб.: ИД Мирь, 2007. – С. 112–125.
316. *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. – СПб.: Наука, 1992. – 212 с.
317. *Поппэ А.В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. – М.: Наука, 1968. – Вып. 28. – С. 85–108; 1969. – Вып. 29. – С. 95–104.
318. *Порсин А.А.* Политическая деятельность Ногая в Золотой Орде: дисс. к.и.н. – Курган, 2010. – 230 с.
319. *Порфиридов Н.Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 307 с.
320. *Похлёбкин В.В.* Татары и Русь. – М.: «Международные отношения», 2000. – 189 с.
321. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 260 с.
322. *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). – М.: Юрлитинформ, 2015. – 312 с.

323. *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 408 с.
324. *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование: дисс. к.ю.н.: 12.00.01. – СПб., 2006. – 218 с.
325. *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: к вопросу о хронологии и количестве // Научный Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 156–158.
326. *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование: дисс. к.ю.н. – СПб., 2006. – 218 с.
327. *Пресняков А.Е.* Княжеское право в древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. – М.: Наука, 1993. – 635 с.
328. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. – 325 с.
329. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. – СПб.: Наука, 2003. – 246 с.
330. *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. – СПб.: Типография «Научное дело», 1915. – 116 с.
331. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории; ред.: Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1939. – 518 с.
332. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). – Л.: Наука, 1978. – 238 с.
333. *Прохоров Г.М.* Летописная повесть о Митяе // ТОДРЛ. – Л., 1976. Т. 30. – С. 238–254.
334. *Прохоров Г.М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: АН СССР, 1974, Т. 28. – С. 77–98
335. *Робинсон А.Н.* Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
336. *Розанов С.П.* Повесть об убиении Батяга // Известия Отделения. Русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Петроград, 1916. – Т. XXI. – Кн. 1. С. 219–221.
337. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М.: Ломоносовъ, 2002. – 240 с.
338. *Рудаков В.Г.* Селитренное городище: хронология и топография: дисс. к.и.н. – М., 2007. – 268 с.

339. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. – М.: Квадрига. 2009. – 248 с.
340. *Рудаков В.Н.* Ордынское иго: термин, восприятие, реальность // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сб. статей / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 121–144.
341. *Рудаков В.Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII – XV века: эволюция представлений, сюжетов и образов: дисс. к.ф.н. – М., 1999. – 291 с.
342. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
343. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 599 с.
344. *Саблуков Г.С.* Исследование о месте Сарая, столицы кипчакской Орды // Уч. зап. Казан. ун-та. – 1842. – Т. 2. – С. 55–76.
345. *Сафаргалиев М.Г.* Разгром Большой Орды. (К вопросу освобождения Руси от татарского ига) // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1949. – №11. – С. 78–96.
346. *Сафаргалиев М.Г.* Борьба мордовского народа с татарским игом // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1946. – №6. – С. 147–160.
347. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. – Вып. 11. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. – 276 с.
348. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. – М.: Мысль, 1980. – 358 с.
349. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. – М.: Международные отношения, 1991. – 239 с.
350. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. – СПб.: Академический проект, 2003. – 736 с.
351. *Свердлов М.Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. – Л., 1963. – С. 139–144.
352. *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 916 с.
353. *Свирин К.М.* Языческие святилища северо-запада Древней Руси в VIII – начале XI вв. // Новгород и Новгородская земля. – Вели-

кий Новгород, 2006. – Вып. 20 // www.ladogamuseum.ru/litera/svirin/pub222/

354. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подгот. текстов и иссл. Н.В. Рамазановой. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. – 392 с.

355. *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1953. Вып. 50. – С. 92–103.

356. *Седов В.В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1954. – Вып. 53. – С. 105–108.

357. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (орды): дисс. д.и.н. – Воронеж, 2014. – 472 с.

358. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. – 472 с.

359. *Селезнёв Ю.В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV вв. Справочник. – М.: Квадрига, 2010. – 224 с.

360. *Семикопова Т.В.* Истоки учёности Кирика Новгородца – монаха, ученого мыслителя XII в. // Православие и русская литература: сб. стат. / под ред. Г.А. Пучковой. – Арзамас, 2009. – С. 49–54.

361. *Скабеланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексей I Комнина. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. – 821 с.

362. *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. – 397 с.

363. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1987. – 493 с.

364. *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. / Под научной ред. Ю.В. Кривошеева. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2010. 232 с.

365. *Соколов Р.А.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: дисс. д.и.н. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 512 с.

366. *Соколов Р.А.* Русская церковь в XIII – начале XV в. // Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. – СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 91–240.
367. *Соколов Р.А.* Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв.: дисс. к.и.н.: 07.00.02. – СПб., 2006. – 209 с.
368. *Соколов Р.А.* Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв.: дисс. к.и.н. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 209 с.
369. *Соколов Р.А.* Русская церковь и монголы. Очерки социально-политической истории второй половины XIII – первой половины XIV в. – М.; Нью-Йорк; СПб.: Norton Cross, 2008. – 186 с.
370. *Солнцев Н.И.* «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение: монография. – Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2010. – 195 с.
371. *Солнцев Н.И.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков: монография. – Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 200 с.
372. *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. – М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. – С. 78–115.
373. *Соловьев Н.А., протоиерей.* Сарайская и Крутицкая епархия // ЧОИДР. – М., 1894. Кн. 3. – С. 91–95.
374. *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 445 с.
375. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн 1. Т 1. – М., Мысль:, 1988. – 797 с.
376. *Сочнев Ю.В.* К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период // Актуальные вопросы истории. Материалы межвузовской научной конференции 25 апреля 2012 года / отв. ред. С.К. Сизов. – Н. Новгород: Нижегородский коммерческий институт, 2012. – С. 195–198.
377. *Сочнев Ю.В.* К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 48–60.

378. *Сочнев Ю.В.* Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой орды // История в подробностях. – 2013. – № 8. – С. 72–79.

379. *Сочнев Ю.В.* Проблема взаимоотношений русской церкви и ордынских правителей в советской историографии // Актуальные проблемы отечественной истории и краеведения: современный взгляд: межвузовский сборник научных статей. К 60-летию Евгения Павловича Титкова. – Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара, 2011. – С. 103–120.

380. *Сочнев Ю.В.* Русская церковь и Золотая Орда: дисс. к.и.н. – М., 1992. – 251 с.

381. *Сочнев Ю.В.* Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань, 7 марта 2009 г. / сост., отв. ред. И.М. Миргалеев. Вып. 1. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 137–150.

382. *Спицын А.* К вопросу о местонахождении Старого Сарая Золотой Орды // ЗВОИРАО. – 1897–1898. – Т. XI. – СПб., 1899. – С. 287–290.

383. *Спицын А.А.* К вопросу о Мономаховой шапке // Записки отделения русской и славянской археологии РАО. – 1906. Т.8. – Вып.1. – С. 146–184.

384. *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XV веков): Общее обозрение. – М.: УРСС, 2011. – 458 с.

385. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1902. Т.2. – 919 с.

386. *Ставиский В.И.* Рассказ о нашествии Батыя на русские земли по рукописи из Пскова // ТОДРЛ. – Л., 1993. Т. 47. – С. 148–150.

387. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 504 с.

388. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. – М.: печатня А.И. Снегиревой, 1908. – 348 с.

389. *Сусенков В.И.* Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). – Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. – 110 с.

390. *Сусенков Е.И.* Русско-монгольская война: 1237–1241 гг.: дисс. к.и.н. – Томск, 2003. – 153 с.
391. *Суэтин А.В.* Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси, середина XIII – первая четверть XIV веков: дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Тюмень, 1999. – 200 с.
392. *Тальберг Н.* История русской церкви. – Нью-Йорк: Типография преп. Иова Почаевского, 1959. – 924 с.
393. Татар халык дастаны Идегэй. Нэкый Исэнбэт жыйнамасы // Совет эдэбияты. – 1940. – № 12. – С. 34–82.
394. *Татищев В.Н.* История Российская в 3-х т. Т.2. – М.: АСТ, 2003. – 723 с.
395. *Татищев В.Н.* История российская. – М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. – 340 с.
396. *Творогов О.В.* Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение сюжетного повествования в древнерус. лит. – Л.: Наука, 1970. – С. 31–66.
397. *Терещенко А.В.* Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение мая, июня и июля месяца // ЖМВД. – 1843. – Ч. 4. – С. 112–131, 279–298.
398. *Терещенко А.В.* Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, ию- ля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД. – 1844. – Ч.8. – С. 294–319.
399. *Терський Святослав.* Археологія доби Галицько-Волинської держави. Киев: Стародавній світ, 2014. – 172 с.
400. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. – Т. I. – СПб.: Тип-я ИАН, 1884. – 564 с.
401. *Тихомиров И.А.* О Лаврентьевской летописи // ЖМНП. 1884. октябрь, отд.2. – С. 240–270.
402. *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. – М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 8. – С. 235–244;
403. *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. – М: Издательство Московского университета, 1953. – 192 с.
404. *Толочко А. П.* Канцлер, митрополит и летописец: действительно ли митрополитом Кириллом был печатник Даниила Романови-

ча? // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина / ИВИ РАН; [отв. ред.: В.Л. Янин, В.Д. Назаров]. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 344–353.

405. *Толочко А.П.* «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / отв. ред. П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1991. – 168 с.

406. *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – Киев: Laugus, 2012. – 256 с.

407. *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. – СПб., 2003. – 224 с.

408. *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. – СПб.: Алетейя, 2005. – 218 с.

409. *Толочко П.П.* О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // Византийский временник. – М.: Наука, 2011. – 70(95). – С. 90–104.

410. *Толстой М.В.* Рассказы по истории русской церкви. – М.: Лествица, 1999. – 594 с.

411. *Толстой М.В.* Рассказы из истории русской церкви. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. – 726 с.

412. *Томашевский С.* Предтеча Исидора Петр Акеревич, незнаний митрополит руський (1241–1245 г.) // *Analecta ordinis s. Basilii Magni.* Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1927. Т. II, вип. 3–4. С. 281–285.

413. *Трапезников А.А.* Православие в России и предстоятели церкви. – М.: Вече, 2010. – 336 с.

414. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010. – 72 с.

415. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – Казань: изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

416. *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // *Восток.* – 1994. – №2. – С.49–62.

417. *Троицкий И.М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи // Известия АН СССР, VII сер. отд. обществ. наук. – 1933. – № 5. – С. 337–362.

418. *Турчанинов Н.П.* О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царства Иоанна IV Васильевича. – СПб.: Тип. Медицинского Департамента Министерства внутренних дел, 1829. – 172 с.

419. *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: (XV–XVI вв.). – М.: ИМЛИ им. Горького, 1989. – С. 247–283.

420. *Уляницкий В.* Междукняжеские отношения во Владимиро-Московском великом княжестве в XIV–XV вв. (К вопросу о «двуименных» или союзных деньгах). – М.: Университетская тип., 1893. – 54 с.

421. *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. – 318 с.

422. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и-Чингиз-наме», «Таварих-и-Булгария», «Татарские шаджара». – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 224 с.

423. *Усманов М.А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. – М., 1979. – С. 243–244.

424. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 5: Отдел VIII Ласкари и Палеологи. – М.: Астрель, 2002. – 560 с.

425. *Успенский Ф.И.* История византийской империи. Т. 4: Комнины. Расчленение империи. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 496 с.

426. *Фахрутдинов Р.Г.* Последствия монгольского завоевания в Волжской Булгарии: историография и постановка вопроса // Исследования по историографии Татари. – Казань, 1978. – С. 114–125.

427. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. Период 2. Монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии (1236–1410). 5-ое изд. – М.: Тип. Волчанинова, 1888. – 840 с.

428. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. – СПб.: Русская симфония, 2008. – 760 с.

429. *Филиппов Г.Г.* К проблеме двоеверия. Историографический анализ // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – № 27 / 2004. – С. 92–97.

430. *Филипчук М.* Слов'янські поселення VIII–X ст. в українському Прикарпатті. – Львів, 2012. – 312 с.

431. *Фирсов Н.Н.* Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку: (Вторая проб. лекция, чит. 28 сент. 1891 г. для получения звания прив.-доц.). – Казань: тип. Имп. унта, 1891. – 14 с.

432. *Фишер И.* О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языке // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755. – С. 421–450.

433. *Флоря Б.Н.* Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. – М.: Индрик, 2014. – 432 с.

434. *Флоря Б.Н.* К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования 1987 г. – М.: Наука, 1989. – С. 185–188.

435. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. – М.: Индрик, 1997. – 320 с.

436. *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие: монография – М.: Университетская книга, 2014. – 360 с.

437. *Фомина Т.Ю.* Изучение новгородского летописания в отечественной историографии: дисс. к.и.н.: 07.00.09. – Казань, 2006. – 214 с.

438. *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950 – 1300 гг.). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. – 552 с.

439. *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб.: Изд-во СПб. университета, 1992. – 280 с.

440. *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Тат. кн. издат., 1978. – 160 с.

441. *Хара-Даван Э.* Чингис хан: эссе / сост. М. Галеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 351 с.

442. *Хаутала Роман*. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. – Казань, 2015. – 496 с.
443. *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) – М.: изд-во МГУ, 1986. – 211 с.
444. *Хрусталёв Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. – СПб.: Евразия, 2002. – 448 с.
445. *Хрусталев Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20 – 50-е гг. XIII в.). – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 416 с.
446. *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига» (30 – 40-е гг. XIII в.). – СПб.: Евразия, 2008. – 384 с.
447. *Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия. – Киев: Университетская типография, 1878. – 225 с.
448. *Худяков М.Г.* Мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань, 1922. – 22 с.
449. *Цветков С.* Древняя Русь: Эпоха междоусобиц 1054–1212. – М.: «ЗАО Центрполиграф», 2009. – 527 с.
450. *Цепков А.И.* Рязанский край и соседние земли до середины XIII века: в 2 т. – Рязань: Александрия, 2010. – 1472 с.
451. *Цытин Владислав, прот.* Каноническое право. – 2-е изд. – М.: изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 854 с.
452. *Чебаненко С.Б.* Южная Русь и юго-западная Русь периода монгольского нашествия в работах новейших исследователей // ROSSICA ANTIQUA. СПб., 2015. – Вып. 1 (11). – С. 47–62.
453. *Череванский В.* Хронология событий в ходе борьбы России с татаро-монголами. – СПб.: Государственная тип-я, 1898. – 42 с.
454. *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. №12. 1941. С. 228–253.
455. *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977. – С. 186–209.
456. *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. – М.: Наука, 1969. – 438 с.
457. *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М.: Социально-экономической литературы, 1960. – 899 с.

458. *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.; Л.: АН СССР, 1938. – 374 с.
459. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения, 1900, ноябрь, отд. 2, – С. 149–151
460. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862–1462 гг.) – СПб.: Алетейя, 1998. – 542 с.
461. *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII в. – М., 1978. – 292 с.
462. *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. – М.: Наука, 1989. – 231 с.
463. *Щанов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
464. *Щанов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. – М.: Наука, 1972. – 340 с.
465. *Щанов Я.Н.* Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X – XII в. // Древнейшие государства на территории СССР. – М.: Наука, 1986. – С. 58–61.
466. *Щербатов М.М.* История российская от древнѣйшихъ временъ. Т. 3 – СПб.: Императорская Академия наук, 1774. – 598 с.
467. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. – СПб.: Императорская Академия наук, 1771. Т. 2. – 668 с.
468. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т.2. – М.: Книга по требованию, 2015. – 708 с.
469. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси въ татарский периодъ, съ 1238 по 1505. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. – Т. II. – СПб.: Тип. ИАН, 1891. – 696 с. + 8 табл.
470. *Эрдман Ф.И.* К истории Чингис-хана. – СПб., 1844. – 64 с.
471. *Юшков С.В.* Устав кн. Владимира (историко-юридическое исследование) // С.В. Юшков: сб. трудов / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: «Юридическая литература», 1989. – С. 71–335.
472. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. – СПб.: Синодальная Типография, 1908. – 442 с.

473. *Языков Д.И.* О бывшем монгольском городе Укеке (перевод из сочинений академика Френа) // Труды Императорской Российской академии. – СПб., 1840. – Ч. III. – С. 103–125.
474. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту.... – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 192 с.
475. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – 312 с.
476. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 464 с.
477. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 272 с.
478. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
479. *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 4. – С. 142–164.
480. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). – М.: Русские словари, 2000. – 434 с.
481. *Abel Rémusat Jean Pierre.* Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens, et particulièrement des rois de France, avec les empereurs Mongols. – Paris, De L'imprimerie Royale, 1824. – 180 p.
482. *Abû al Ghâzi Bahadur.* Histoire genealogique des tatars. – Chez Avvam Killewier, 1726. – 814 p.; 27. cart.
483. *Allsen Th.T.* Commodity and exchange in the Mongol Empire: a cultural history of Islamic textiles. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 137 p.
484. *Allsen Th.T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. – Cambridge University Press, 2001. – 213 p.
485. *Bachfeld G.* Die Mongolen in Polen, Schlesien, Böhmen und Mähren. Ein Beitrag zur Geschichte des grossen Mongolensturmes im Jahre 1242. – Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts Buchhandlung, 1889. – 89 s.

486. Baski Imre. Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) // *Tătarii în istorie si în lume*. Coordonator Tahsin Cemil. Editura Kriterion. Bucuresti, 2003. – P. 39–66.

487. *Broadbridge Anne F.* Kingship and ideology in the Islamic and Mongol worlds. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. – 232 p.: ill., maps.

488. *Buell Paul D.* Historical dictionary of the Mongol world empire / Paul D. Buell. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2003. – 335 p.: ill., maps.

489. *Chrzanowski Witold.* Wojna tatarska: Najazd mongolski na Polska, 1241 r. – Krakow, LIBRON, 2006. – 216 s.

490. *Curtin J.* The Mongols in Russia. – London: Sampson Low, Mars-ton a. Co., 1908. XX. – 481 p.

491. Die Mongolen in Asien und Europa / [Hrsg.] S.Conermann. – Frankfurt am Main; B.; Bern; N.Y.; P.; Wien: Lang, 1997. – 396 s.

492. *D'Ohsson Constantin.* Histoire des mongols, depuis Tchinquiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan. T. I. – Amsterdam: Müller, 1852 – 452 s.

493. *D'Ohsson Constantin.* Histoire des mongols, depuis Tchinquiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan. T. II. – Amsterdam: Müller, 1852 – 651 s.

494. *D'Ohsson Constantin.* Histoire des mongols, depuis Tchinquiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan. T. III. – Amsterdam: Müller, 1852 – 623 s.

495. *D'Ohsson Constantin.* Histoire des mongols, depuis Tchinquiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan. T. IV. – Amsterdam: Müller, 1852 – 774 s.

496. *Don Lessem.* Genghis Khan: the exhibition. Media, PA: Dino Don, Inc., 2009. – 67 p.

497. *Franeli Ch.M.* Nova supplementa ad Resensionem numerum Muhammedanorum. – Petropoli. TYPIS Academiae imperial. Scientiarum. MDCCCLV. – 1855. – 471 p.

498. *Franeli Ch.M.* Resensio numerum muhammedanorum. Academiae imp. Scient. Petropolitanae inter Prima Academiae imp. Saecularia Edita. Petropoli MDCCCXXVI, Litteris Academicis, 1826. – 743 p.

499. *Hall M.* Essence of Mongol-Christian Diplomacy in the 13th Century // Paper Presented at the Annual Meeting of the ISA's 50th Annual Convention: "Exploring the Past, Anticipating the Future" (2009). – P. 1–10.
500. *Hammer-Purgstall von.* Geschichte Der Goldenen Horde in kiptschak, das ist: Der Mongolen in Russland. – Pesth. C.A. Hartlebens Verlag. 1840. – 686 s. + II Stammtafel.
501. *Hartog Leo de.* Russia and the Mongol Yoke: The history of the Russ. Principalitie and the Golden Horde, 1221–1502. – London, New York: Brit. Acad. – Press: Tauris, 1996. XII. – 211 p.
502. *Howorth Henry Hoyle.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. By Henry H. Howorth. – London, Longmans, Green a., Co., 1880. T. 2. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. XXXIV. – London, 1880. – 626 p.
503. *Jakson P.* Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255) // The Cambridge Companion to Francis of Assisi / M.J. Robson (ed.). – Cambridge, Cambridge University Press, 2012. – P. 224–239.
504. *Mosheim Johann Lorenz von .* Historia Tartarorum Ecclesiastica. – Weygand, 1741. – 216 p.
505. *Kawaguchi T.* Jochi urusu ni okeru konkurato buzoku [The Qongirat Tribe in Ulūsi Jūchī], Posuto mongoruki ni okeru ajia shotēkoku ni kansuru sōgōteki kenkyū [Study on Asian Empires in the Post-Mongol Period]. – Tokyo, 2002. – P. 75–92.
506. *Kawaguchi T.* Kipuchaku sōgen to roshia [Dasht-i Qipchāq and Russia], Iwanami kōza sekai rekishi, 11, chū'ō yūrashia no tōgō: 9–16 seiki [Iwanami Lectures on the World History, vol. 11, Unification of Central Eurasia: 9–16th centuries]. – Tokyo, 1997. – P. 275–302.
507. *László Szalay.* A tatárjárás Magyarországon, 1241–1242. Vasárnapi könyvtár (T. 2). Heckenast Gusztáv, 1856. – 127 ol.
508. *May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. – Yardley, Westholme, 2007. 472 p.
509. *Muldoon J.* Missionaries and the Marriages of Infidels: The Case of the Mongol Mission // Travellers, Intellectuals, and the World beyond Medieval Europe / J. Muldoon (ed.). – Farnham, Ashgate, 2010. – P. 229–246.
510. *Nagamine H.* "Kazaku han koku" keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara "kazaku han koku" he [Rethinking the Foundation of the

“Qazaq Khanate”: From the Left Hand of the Ulūs-i Jūchī to the “Qazaq Khanate”]. *Toyō gakuhō* [The Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90. No. 4, 2009. – P. 1–26.

511. *Ostrowski D.* *Moscovy and Mongols.* Cambridge University Press, 2000. Peter Jackson. *The Mongols and Europe. – The New Cambridge Medieval History, vol 5: c. 1198–1300, ed. David Abulafia. – Cambridge, 1999. – P. 703–719.*

512. *Ostrowski D.* *Muskovy and the Mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1998. XVI. – 329 p.*

513. *Ostrowski D.* The “tamma” and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 61. No. 2. 1998. – P. 262–277.*

514. *Ostrowski D.* *The mongols and Rus': eight paradigms // A Companion to Russian History. – Malden., Oxford: Blackwell Publishing, 2009. – P. 66–86.*

515. *Peleggi M.* *Shifting Alterity: The Mongols in the Visual and Literary Culture of the Late Middle Ages // Travellers, Intellectuals, and the World beyond Medieval Europe / J. Muldoon (ed.). – Farnham, Ashgate, 2010. – P. 311–330.*

516. *Rogers G.S.* *An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe // East European Quarterly. Vol. 30/1996. – P. 3–26.*

517. *Schuselka F.* *Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demüthigung und Übermuth gegen die Türkei. – Dresden: Verlag von Robert Schaefer, 1854. – 300 s.*

518. *Şehâbeddin İbn Arabşah.* *Aca'ibü'l-Makdûr / Târîh-i Timurlenk. Çeviren: Nazmîzâde Efendi. – İstanbul: Cemil Boran Kitaplığı, 1860. – 243 s.*

519. *Strahl P.* *Geschichte des Russischen Staates. – Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. – H.: F.Perthes, 1839. – 444 s.*

520. *Strakosch-Grassman G.* *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. – Innsbruck, 1893. – 227 s.*

521. *Ulanowski Boleslaw*. Drugi najazd Tatarow na Polska // Rozprawy i Sprawozdania Wydzianu Filozoficzno – Historycznego Akademii Umiejetnoci. t. XVIII. 1885.

522. *Vasary I*. Clans of Tatar descent in the Muscovite elite of the 14th–16th centuries // The Place of Russia in Eurasia. Edited by Gyula Szvák (*Books for Russian Studies IX*). – Magyar Ruszisztikai Intézet: Budapest, 2001. – P. 101–113.

523. *Vasary I*. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185– 1365. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XVI, – 230 p.

524. *Vasary I*. Mongolia impact on the terminology of the documents of the Golden Horde // Magyar tudomanyos academia. Budapest. Acta orientia. T. 48. fasc. 3. 1995. – P. 479–485.

525. *Vasary I*. Oriental languages of the *Codex Cumanicus*: Persian and Cuman as *linguae francae* in the Black Sea region (13th–14th centuries) // Il Codice Cumanico e il suo mondo. Edited by Felicitas Schmieder and Peter Schreiner. – Rome, 2005. – P. 105–124.

526. *Vasary I*. The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources // Acta Orientalia Hungarica, lxi (2008). – P. 365–372.

527. *Vasary I*. Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries. (Variorum Collected Studies Series) x. Ashgate Publishing Ltd.: Aldershot, Hampshire – Burlington, VT 2007. – 352 p.

528. *Willelmi de Rubruk Itinerarium*. Recueil de voyages et de memoires, publie par la Societe de geographic, t. IV. – Paris, 1839. – P. 213–396.

529. *Wolff O*. Geschichte Mongolen oder Tataren besonders ihres Vordringes nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfaelle in diesem Welttheile. – Breslau: Verlag von Carl Dülfer, 1872. – 429 s.

530. *Zambaur E*. A.K. Markoff O Monetach Chana Nogaia // Numismatische Zeitschist. XXXVII Band. Jahr. 1905. – Wienn, 1906. – P. 225–228.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ВВ – Византийский временник
ВНОТ – Вестник научного общества татароведения
ГУ – государственный университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОИРАО – Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗСПбАНО – Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы Российской академии наук
ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРЛИ РАН – Институт русской литературы Российской академии наук
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
АН РТ
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории и экономики
ПСРЛ – Полный сборник русских летописей
ПЭ – Православная энциклопедия
РАН – Российская академия наук
РИБ – Русская историческая библиотека
ТАССР – Татарская автономная советская социалистическая республика
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ФИПП – Факультет истории, политологии и права
ЧОИДР – Чтения в Обществе любителей истории и древностей Российских

Teymur R. Galimov

Metropolitans of Kiev and all Rus' between Russia and Horde
(second half of the XIII century)

The presented monograph addresses the issue of the place of the institute of Kiev metropolitans in the Russian- and Church-Horde relations, which is so important in the indicated period. After having outlined a range of major problems, the author, based on a wide range of narrative sources, revealed the origins of the high socio-political status of the church hierarchy and demonstrates the diverse aspects of the connections of the Russian hierarchs not only with the princely family of Russia, but also representatives of the sovereign power of the Golden Horde. The results obtained by the researcher finally proved the significant role of the Golden Horde administration in the fate of the Russian Orthodox Church. Thanks to the will of the Horde khans, during the first century after the Mongol-Tatar invasion of Russia, the primary blow to the church organization was replaced by the receipt of exclusive rights of autonomy and jurisdiction in the face of princely power, the formation of significant benefits and the acquisition of Horde support, which contributed to the accumulation of enormous amounts of material benefits and land resources. At the same time, the changes that took place, in the opinion of the researcher, contributed to the canonical administrative reform with subsequent concentration of all power over the church organization in the hands of the Metropolitan of Kiev and All Russia. In fact, the author of the monograph concluded that all of the above allowed the church to become a full-fledged and influential participant in Russian-Horde relations and to occupy an exclusive position: between Russia and the Horde.

This study is the basis for raising the problem of the degree of involvement of the Old Russian nobility in the composition of the Golden Horde elites, the final resolution of which, sooner or later, will allow to declare the extent to which the Russian lands belong to the Golden Horde, which it really occupied.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>И.М. Миргалеев</i>)	3
Введение	5
Историографический обзор	11
Источниковедческий обзор	44
Глава 1. Положение русского митрополита в дипломатической практике домонгольской Руси	64
1.1. Русская церковная иерархия в княжеских между- усобицах середины XII – первой трети XIII вв.	64
1.2. Место церковной иерархии в русско-византийских отношениях XI – начала XIII вв.	83
1.3. Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой	92
Глава 2. Становление церковно-ордынских отношений	102
2.1. Киевская митрополия в 1237–1251 гг.: от разрушения к воссозданию	102
2.2. Становление дипломатических отношений между Ордой и митрополией	122
Глава 3. Состояние митрополичьей кафедры и церковной организации на Руси во второй половине XIII в.	139
3.1. Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополита и русской церкви во второй половине XIII в.	139
3.2. Церковно-ордынские отношения в оценках современников	168
Заключение	197
Список использованных источников и литературы	206
Список сокращений	253
Summary	254

Галимов Тэймур Рустэмович

**Киевские митрополиты между Русью и Ордой
(вторая половина XIII в.)**

Монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 26.06.2019 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 16,0 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Пермское книжное издательство»

г. Пермь, ул. Героев Хасана, 15–22.

Тел./факс: (342) 241-40-04. E-mail: pki15@list.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>